

Сергей Лапшин

Победить смертью храбрых. Мы не рабы!

Последний довод побежденных – 2

Сергей Лапшин

Победить смертью храбрых

Kulturkampf (нем.) – любые формы борьбы за установление общей национальной культуры. Применительно к ВОВ – полномасштабное столкновение цивилизации и культуры европейской с аналогичными ценностями и мировоззрением народов, населявших на тот момент СССР. В данном контексте термин введен в оборот послевоенными западными историками и применяется для оправдания и объяснения необходимости «крестового похода на Восток 1941 года».

Лебеди

Нельсон

Мужчина, расположившийся напротив, внимательно меня слушал.

Я, как нетрудно догадаться, в очередной раз повествовал о своей иномирной сущности, о том, как умудрился попасть в сию негостеприимную реальность, о недавних приключениях. Военный иногда недоверчиво качал головой, улыбался, кивая, и пару раз даже удивленно хмыкнул. Но при всем при том ни разу меня не прервал. Иными словами, мой рассказ больше напоминал вольное изложение, чем лаконичный доклад.

– Так вот. Когда вы закончили разведку, герр лейтенант подумал, что я привел его в ловушку. Хотел показательно меня «порезать на ремни». Я предложил разобраться по-мужски... Дальше вы все видели. – Я сглотнул, чувствуя, как сухость пережимает горло.

Жутко хотелось пить.

– Воды разрешите? – попросил я, вполне разумно предполагая, что длительный рассказ заслуживает определенной благодарности.

Мужчина снял с пояса фляжку и передал мне. Я сделал несколько жадных глотков. Чтобы полностью утолить жажду, следовало бы выпить всю воду, но сделать это я постеснялся. С сожалением оторвался от фляжки и вернул ее владельцу. Военный, приняв от меня свое имущество, задал первый за всю нашу беседу вопрос:

– Чья эта земля, ты знаешь?

– Не в курсе, – покачал я головой. – Мне кажется, если сотрудники комбината ехали сюда без особых напрягов, значит, она в их собственности. Либо они с этим вопросом не особо заморачиваются, – добавил, пожав плечами.

– Что? – удивленно переспросил меня собеседник.

– В смысле, их мало интересует такая мелочь, как право собственности, – быстро поправился я.

Военный задумчиво покивал. Складывалось ощущение, что и мое пояснение осталось для него непонятым. Потер пальцами гладко выбритый подбородок и снова взглянул на меня пытливо:

– Если бы мы не вмешались, тебя бы расстреляли. На что ты рассчитывал, сворачивая немцу голову?

Хороший вопрос. Прямо в точку. Я его ждал.

Да ни на что я не рассчитывал, если честно. И вы, парни, как снег на голову, свалились. Уж на вас я точно не надеялся.

Раньше мне казалось, что я всегда и везде поступаю правильно. Я просто убежден был в своей правильности до того самого момента. Рассудочно, не ввязываясь в безнадежные дела, не рискуя попусту, старался выбирать исключительно правильную дорогу. Единственно возможный верный путь. И ведь какая штука – не могу сказать, что тут, с лейтенантом, меня переклинило. Я был в бешенстве, конечно, да что там – в ярости. Однако в тот самый миг я четко взвесил все «за» и «против». И решение убить было для меня сознательным. Опять же, как получилось, – единственно верным.

– Ни на что, – признался я. И добавил, интуитивно понимая, что сказанного недостаточно: – Просто... если уж мне хана, то пусть и их станет на одного меньше.

В лице моего собеседника что-то на секунду дрогнуло. Изменилось выражение глаз. И я будто бы увидел в нем свое отражение. Или он во мне – свое.

Другие

Терехов внезапно почувствовал неловкость. Улыбнулся смущенно, даже растерянно. Будто бы что-то интимное, близкое и родное проскочило между ним и мальчишкой. И тут же капитана бросило в жар. Обдало горячим лицо и спину. Мысль, мгновенно появившаяся в голове, билась током крови в жилах. Так и есть – ведь родной. Коли все, что говорит, верно, так, может, и есть он его, Терехова, дальний родственник. Ведь для того сражались они, жизнью своих не жалели, чтобы потомки их жили. Свободными, честными.

Мог бы Терехов прийти с войны, растить детей, внуков нянчить и в глаза им смотреть, радоваться, что отстоял их будущее, когда нужно было. Но такой судьбы ему было не суждено. Выпало другое – где-то в дрянной и мерзкой действительности встретить того, ради чьего будущего погибли он и вся его группа.

– Значит так, парень, – преодолевая помутнение сознания, произнес капитан. – Вот что скажи... как мы победили?

Нельсон, подсознательно ожидавший этого вопроса, кивнул серьезно. Открыл рот... и застыл молча. Что рассказывать? И как? А главное... кому?

– А вы... простите... – заговорил, преодолевая смущение, – а вы тоже ведь... не отсюда? – И застыл, с жадностью глядя на капитана. Мучительно замерев в ожидании заранее понятного ответа.

– Нет, – качнул головой Терехов, – мы все погибли в сорок третьем. Выполняя задание, – замолчал. Добавил торопливо, как мальчишка, боящийся, что сейчас разрушится воздушный замок: – Сентябрь сорок третьего, Южный фронт.

Капитан впился взглядом в лицо собеседника. И Нельсон, испытывая небывалое облегчение, вздохнул удовлетворенно, расслабленно:

– Армия генерала Толбухина, штурм линии «Вотана»?

Терехов кивнул в ответ, чувствуя, что и его отпускает стянувшее нервы напряжение. Все. Теперь уж точно – все. Безо всяких недосказанностей и нелепых случайностей. Одной

крови они. Вот почему парень этот так запросто вышел на немца, не заботясь о последствиях. И вот отчего напомнил он Терехову самого себя.

– Прорыв Миус-фронта летом... – осторожно произнес Нельсон. – В ноябре форсирование Молочной, – и осекся. Считая себя подкованным в вопросах истории, сейчас он неожиданно потерялся. Примерно представлял хронологию, но в точности воспроизвести ее не смог. Для него, как и для многих современников, Великая Отечественная была не более чем цепью давно уже получивших свой штамп операций: битвы за Москву, Сталинград, Курская дуга, форсирование Днепра, операция «Багратион», штурм Берлина. Яркие картинки, почерпнутые из фильмов и книг, смутные воспоминания о посещении музеев. Все, что он мог сказать, неожиданно показалось мелким и совершенно недостойным того человека, что сидел напротив.

Позиционные сражения за плацдарм на Миусе в июле сорок третьего неотделимы от битвы на Курской дуге. Склоны высоты 213,9 стали кладбищем для техники и личного состава эсэсовских танковых дивизий «Дас Райх», «Тотенкомпф» и всего второго танкового корпуса Хауссера. Ожесточенные атаки, волны немецких танков, идущие по желто-зеленому, яркому подсолнечнику. Противотанкисты, укрытые рельефом и растительностью, расстреливали наступающую технику в упор. Чадили десятки дымных костров, раз за разом пехота, доходя до склонов, поднималась врукопашную. И раз за разом русские отбрасывали немцев, заваливая сочную, спелую кукурузу и подсолнухи трупами. Несколько дней ада на земле выпили всю жизнь из эсэсовских соединений. Терехов убивал врагов, наравне со всеми ходил врукопашную и не мог ни знать, ни даже предполагать, что именно они, бойцы и командиры дивизии, держащей безымянную высоту у деревни Степановка, нанесли элитным немецким соединениям едва ли не больший урон, нежели вся битва на Курской дуге. И именно этих танков и самоходок Манштейну не хватило неделю спустя, когда один за другим падали сданные Орел, Белгород и Харьков. Фактически провал операции «Цитадель» и мясорубка июльского наступления Южного фронта в равной степени привели к откату немецких соединений к Днепру.

Нельсон молчал, ощущая странную двойственность. С одной стороны, ему нечего было сказать сидящему напротив него, поскольку вопросом он владел слабо. С другой – он почему-то не сомневался, что любые его знания, какой бы глубины они ни были, ни в коей мере не сравнятся с правдой самого капитана. Так что говорить? Форсирование Днепра в сорок третьем, выход на государственную границу... разве это хочет услышать собеседник?

– Мы... – тут же осекся. – Вы победили. Взяли Берлин в сорок пятом, в мае, – и замолчал.

Терехов, сдвинув брови к переносице, удивленно смотрел на собеседника. И пытался соизмерить – осень сорок третьего, весна сорок пятого. Полтора года войны, смертей и разорения. Почему?!

Он едва не выкрикнул это, но вовремя себя остановил. Откуда мальчишке, живущему через шестьдесят пять лет после победы, знать, почему именно так. Терехов отвел глаза и почувствовал, что ему больше ни о чем не хочется спрашивать. Нерационально, совершенно без всякого повода капитан вдруг почувствовал злость на парня. Только секунду назад он был полон расположения к спасенному, а сейчас вдруг обозлился, будто бы вменяя в вину

мальчишке полтора года кровавой войны.

– Долго, – безуспешно стараясь скрыть неприязнь, не желая молчать и накапливать в себе раздражение, проронил капитан.

– Долго, – кивнул Нельсон, почувствовав вдруг, насколько же это все-таки много – шестьдесят пять лет между Победой и им самим. Ему нечего было сказать капитану.

«Хорьх», сверкнув вымытыми боками, остановился в паре десятков метров от предупредительных щитов. Задняя дверь открылась, и из салона неторопливо, в некоторой степени даже вальяжно, выбрался высокий и стройный молодой человек.

Диляров, рассматривая его через оптический прицел винтовки, только хмыкнул. Наглость и самомнение Йозефа Книппеля переходили все границы. Немец остановился у машины и поднял руки, демонстрируя открытые ладони. Судя по его поведению, остатков благоразумия он еще не растерял. По крайней мере, последнюю черту, проведенную как для него, так и для любого другого из его племени и указанную на объявлении, переступить он не решился.

– Мне нужно говорить с вашим командиром! Это очень важно! – Все так же лениво демонстрируя руки, немец повернулся, осматриваясь по сторонам. Заметить скрытых разведчиков было невозможно. Тем не менее он старательно присматривался. Не дождавшись ответа, Книппель опустил руки и принялся неспешно прогуливаться рядом с машиной, всем своим видом показывая, что не собирается уезжать несолоно хлебавши.

– Репей, – припечатал Терехов. В голосе его, вопреки ожиданию, не слышалось осуждения или удивления. Просто констатация факта.

Свиридов, к которому, судя по всему, были обращены слова капитана, согласно кивнул. И тут же добавил:

– Надо бы выслушать его. Пускаем, что ли...

Терехов ничего не ответил, вновь поднес бинокль к глазам. Немец, присев на корточки, изучал опаленный круг травы на обочине дороги. Там, где день назад горел броневик. Потом поднял вверх большой палец. Вроде как одобряя.

Однако не это тронуло капитана. При всей бравате немца всего только одна команда Дилярова отделяла Йозефа от смерти. Важнее было другое – решение Свиридова. Оформленное. Судя по всему, обдуманное. Принятое без совета с ним, Тереховым. Что это было? Проявившаяся самостоятельность, отсутствие интереса к мыслям капитана или сигнал о равноправии, к которому стремится лейтенант?

Что-то не в порядке было с Тереховым. Короткий, нелепый разговор с «потомком» остался неприятным осадком в душе. Капитан даже сам себе не мог объяснить, что именно ему не понравилось.

– Пускаем, – кивнул он, подтверждая решение Свиридова.

Немца проводил Развалов. Провел через минные заграждения и остановился вместе с ним у первого же дома. Через минуту навстречу вышли командиры – Терехов в

маскировочном костюме и Свиридов, так и не сменивший форму вермахта. Вчерашний разгром колонны принес множество трофеев, в том числе и два вида обмундирования. Однако ничего менять в своем облике бойцы лейтенанта и он сам не стали.

Сержант, помедлив секунду, протянул ладонь, кивнул немцу на его кобуру. Йозеф удивленно перевел взгляд на Терехова:

– К чему эти условности, командир? Я в ваших руках, вы знаете об этом.

Увидев, что его монолог ни к чему не привел, Книппель сокрушенно покачал головой, вынул из кобуры пистолет и передал его рукояткой вперед сержанту:

– Теперь вы довольны? Мы можем поговорить?

– Говори, – разрешил Терехов, – только очень быстро.

Немец выразительно огляделся по сторонам. Старый дом, угадывающаяся в траве тропинка, покосившийся плетень, не упавший лишь потому, что сплошь порос кустами сирени. Видимо, Книппель считал место не подходящим для разговора. Несколько секунд молчания убедили его в том, что упрямые русские от своего отступаться не намерены. Йозеф со вздохом пустился в объяснения:

– Ей-богу, вы ведете себя несерьезно. У меня к вам очень важный разговор, и он требует сосредоточенности и ответственности. Неужели вы думаете, что я пришел по-соседски справиться о ваших делах?

– Чем плохо? – изобразил непонимание Терехов. – До недавнего времени все это, – капитан обвел ладонью в воздухе замкнутый круг, – принадлежало вашей семье. Что, здесь нет фонтана и уютных беседок для разговоров? Не горят фонари, нет озера с лебедями? Вам отвратительна эта разруха?

Немец скривился, как от съеденного лимона. Помолчал, стараясь сдержаться и не наговорить грубостей в ответ на откровенную глупость.

– Я просто считаю это место не подходящим для серьезного разговора. Вы можете удовлетворить мою просьбу и поговорить в доме?

– Пойдем. – Терехов неожиданно повернулся и зашагал по дороге к центру деревни. Свиридов, удивленно проводив взглядом капитана, кивнул немцу. И сам поспешил следом за ним, гадая в душе, что же такое накатило на прежде сдержанного, всегда уверенного в себе и последовательного в действиях командира. Он будто бы пытался выплеснуть из себя что-то, но в последнюю секунду сдерживался и тут же замыкался. Не заметить его нервозности, несобранности и импульсивности решений было невозможно. Что же случилось? У Свиридова не было ответа.

Нельсон

Изначально я думал, что наконец-то обрел почву под ногами. Враг моего врага – помните? Хотя нет, не совсем так. Ведь даже та колонна, в которой везли нас, подверглась нападению казаков. Впоследствии выяснилось, что коллаборационистам мы никакие не друзья. Впрочем, Бон мне достаточно быстро объяснил, что к чему. Нападения на конвои, даже на деревни и села не были для казаков чем-то из ряда вон выходящим. Так сказать, пикантная особенность их бизнеса. А вот чего они точно и ни при каких обстоятельствах не

делали, так это не убивали немцев. Это было запрещено под угрозой истребления всего хутора вообще. Весомая мотивация. Так что казаков даже толком Сопротивлением нельзя было назвать. Какая-то криминальная бригада периода моего детства.

А вот эти ребята не просто разгромили, а именно уничтожили и охрану, и самих немцев. Без всяких раздумий и терзаний, не учитывая политическую обстановку. И главное, я могу сказать почему. В какой-то мере я их даже понял, вернее, встал на их место. Все очень просто.

Перед ними был враг, и они врага уничтожали. Без пиетета, с рассудочной ненавистью, просто делая ту работу, к которой привыкли за годы войны. Чем отличался от них я? Разве, бросив вызов лейтенанту и прикончив его, думал о снисхождении или о последствиях? Нет. Это был мой противник, враг, оккупант, которого мне следовало убить. Пусть даже ценой собственной жизни.

И ведь, черт побери, именно это и заставило капитана, да и всех остальных мысленно поставить на мне печать «свой». Так что же случилось дальше?

Этот наш краткий разговор... итогом которого стала моя изоляция. Я целый день провел один в выделенной мне комнате. Не под надзором, боже упаси, и не под арестом. По крайней мере, со стороны так не выглядело. Однако мне просто принесли вечером ужин, а утром завтрак, не пытаясь ни заговорить, ни подвязать к какому-то делу.

Тут даже лезть не надо было глубоко в анализ. Достаточно вспомнить, чем закончился наш разговор с капитаном. Вот интересно: я что, виноват, что ли, что война так долго продлилась? Нет, ну понятно, что раз все подразделение (а я воспринимал всех этих военных как единую войсковую часть) погибло разом, значит, что-то такое они там сделали, на войне. Что-то, безусловно, геройское. Ну и что, после этого их подвига Германия сразу сдаться должна была, что ли?

Да и я тут при чем? Родился через сорок с лишним лет после войны, чего с меня требовать? Это несправедливо. Нечестно меня спасать, давать надежду, что вот наконец-то все наладилось, а потом просто не разговаривать со мной. Хорошо еще – открыто не презирают.

Нет, наверное, его как-то можно было понять. Ну, расстроен человек неожиданным известием, понятно. Но, блин, он ведь не знает еще... ага... вот именно. Он много чего не знает из нашего будущего. И, боюсь, некоторые вещи ему совсем не понравятся. Если уж так резко капитан отреагировал на победу через полтора года, то стоит ли мне заикаться о развале Союза и капиталистическом пути развития РФ?

Мне бы, наверное, задуматься об этом. Прикинуть, как выкрутиться, отредактировать свой предполагаемый рассказ о будущем. Однако меня занимали мысли иного характера. Внезапно подумалось, что там, дома, я никогда не понимал ветеранов. Они были для меня сморщенными старичками, которые склочно требовали уступить место в автобусе, без очереди проходили к кассе и трясли медалями... Они не раздражали, просто проходили мимо в параллельном пространстве, не затрагивая мою жизнь, а я никак не касался их существования. Даже когда войну изучал, фильмы смотрел, рылся в Инете, не сопоставлял их – ссохшихся пожилых людей – и тех, кто привел Красную армию к победе. Да уж. Я не понимал их, не воспринимал всерьез.

И здесь их же, на этот раз молодых, полных сил, я понять снова был не в состоянии.

– Как ты? – Таким образом ко мне обращались первый раз в этой реальности. Здоровый, на голову повыше меня, крепкий молодой парень с висящим поперек груди автоматом без всякого стука вошел в комнату. – Живой, что ль? – вновь добродушно поинтересовался он, не скрывая широкой улыбки. – Чего смурной такой? Зашибли вчера?

Это входило в жуткий диссонанс с моими недавними мыслями... Парень был будто с картинки. С победного плаката, с фотографий, где они все такие: причесанные, красивые... помните? И этот, с чубом светлых волос, широкоскулый, с приятной улыбкой, богатырским ростом и телосложением, полностью отвечал всем требованиям коммунистических художников.

– Не... нормально... живой, – ответил я, поднимаясь со стула. И только сейчас сообразил, что именно еще меня поразило. Ведь это впервые, получается, с момента моего провала, заходя ко мне в комнату или камеру, со мной просто нормально здоровались и не наставляли на меня оружие.

– Молодцом вчера, – бесстрашно подошел ко мне парень и хлопнул ладонью по плечу, – покажешь потом, как время будет?

Я замедленно кивнул, с трудом соображая. Видимо, он имел в виду то, что я сотворил с немцем. И тут же мысль переключилась на другое, меня словно обожгло.

Вот! Вот такого приема я желал, о таком мечтал! Неожиданная благодарность и радость так переполнили меня, что я чуть не бросился на грудь солдату.

– Немецкий знаешь, так? – вопросительно дернул подбородком боец.

Я кивнул:

– Знаю, разговорный.

– Тогда давай за мной, командир зовет, помощь твоя нужна, – заявил как о деле решенном. Развернулся и вышел из комнаты.

Я направился за ним, теряясь в догадках.

Что толку в рефлексии? И почему я решил, будто обязательно все будет плохо? Непоследовательность собственных рассуждений настораживала. Но, что поделать, любая мысль отталкивается от исходных данных, а менялись они для меня с калейдоскопической частотой.

Следуя за бойцом, я пытался привнести порядок в хаос мыслей. Для начала следовало определиться с собственной позицией. Думается, понятие «временный союзник» сейчас не прокатывало. Следовало сказать четкое «за» или «против».

Хотя – странные рассуждения. Я что, откажусь от бойцов Красной армии? Интересно, в пользу кого, если нам с Боном здесь достаются одни тумачи и оскорбления? Рассуждая здраво, на что я обижался? На первичный шок командира, когда он узнал о длительности войны?

Ну, хорошо – постарался остепенить я сам себя. А что будет, когда он узнает о, так сказать, «самом большом секрете»? Не вышвырнут ли меня вон, как потомка, не оправдавшего надежды на светлое коммунистическое будущее? В какой-то степени это было

бы логично.

Впереди маячила широкая спина бойца. Ремень автомата, между лопаток... Это ведь не доверие. И не проверка моей лояльности. Человек, только что открыто улыбавшийся, искренне считает меня своим.

И ведь, черт побери, это верно! Верно настолько, что мне не нужно искать аргументов и оправданий, не нужно выстраивать цепочки выводов, приходить к умозаключениям. Я – плоть от плоти, кровь от крови их всех, погибших осенью сорок третьего. И предать их не смогу.

Неожиданно я понял, что не стану ничего выдумывать и скрывать о будущем. Это будет нечестно и подло по отношению к тем, кто однажды отдал за меня свои жизни.

– Садись. – Капитан, увидев меня в дверях, кивнул на место рядом с собой.

Я, не заставив себя долго упрашивать, прошел в комнату, мельком огляделся: посередине стол, больше похожий на обеденный, ряд стульев вокруг него, вдоль стены – шкафы, щерящиеся пустыми полками.

Опустившись на стул, я посмотрел на собравшихся. Уже известный мне капитан и рядом с ним молодой светловолосый мужчина в форме вермахта, со щитом РОА на плече. Ага. Его я тоже видел в составе группы. Третий, судя по всему, был гостем. На нем было надето слегка видоизмененное немецкое обмундирование, кроме того, он был высок и красив. Русые волосы уложены в аккуратную прическу, светло-голубые глаза смотрят внимательно и по-деловому.

– Слушаю. – На этот раз капитан обратился к немцу. Тот, окинув меня рассеянным взглядом, произнес рассудительно и медленно:

– Командир, вы должны серьезно воспринять то, что я скажу. Или вы все здесь командиры? – Немец стрельнул по мне и по воину в форме РОА глазами. Я проследил за его взглядом.

Терехов ничего не произнес в ответ, а сидящий с ним рядом только скривил губы в усмешке, так же не проронив ни звука. Немец едва заметно пожал плечами и продолжил:

– Вчера на Шванендорф ушла колонна Штайнера. Судя по тому, что ни одного из его людей я тут не вижу, вы с ней разобрались. – Он замолчал, видимо, давая возможность всем присутствующим насладиться его осведомленностью.

Я вновь взглянул на капитана и восхитился: Терехов был абсолютно спокоен. Человек в форме РОА откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, также ничем не проявляя озабоченности.

Немец, почувствовав, что пауза затягивается неприлично долго, продолжил:

– С одной стороны, это моя земля... – прервался на секунду, взглянув на капитана. Удостоверившись, что тот не собирается его прерывать, повторил: – Это моя земля. И что-либо делать на ней можно лишь с моего разрешения. Права, принадлежащие мне как владельцу, могут быть отменены только государством. С другой стороны, что немаловажно, каждый факт убийства гражданина рейха, тем более немца, является государственным преступлением.

Замолчав, оратор обвел взглядом нас всех троих. Видимо, он рассчитывал на вполне

определенную реакцию, которой, судя по его растерянному виду, не дождался.

– Вы понимаете меня?

Терехов в ответ невозмутимо кивнул.

– Лично я бы мог плюнуть на свое владение, где вы обосновались. Дохода от него давно никакого не было – деньги мне приносит совсем другое. Из чувства сострадания я мог бы позволить вам жить здесь... – Речь была прервана раскатистым хохотом. Немец холодно подождал, пока человек с нашивкой РОА отсмеется, и продолжил, как ни в чем не бывало. – Однако теперь ваше существование скрыть невозможно. Вы официально – государственные преступники. Знаете, что это означает?

Терехов отрицательно покачал головой. Немец, слегка подавшись вперед и словно смакуя каждое слово, продолжил:

– Против вас проведут операцию. Масштабную, с привлечением всех сил. Вам бы за глаза хватило и головорезов Штайнера, но так просто отделаться не удастся. Вас окружают и вдолбят в землю артиллерией. Деревню превратят в руины штурмовики. Затем сюда войдет бронетехника...

Выговорившись, немец выпрямился на стуле. Поднял руку, полюбовался ухоженными ногтями. И, будто бы не он сам только что рисовал адские картины, поинтересовался:

– В прошлый раз вы предлагали чай. Предложение еще в силе? Пошлите кого-нибудь к моей машине: у водителя есть несколько упаковок прекрасного индийского листового.

Неудивительно, что и это его предложение было встречено молчанием. Терехов по-прежнему был невозмутим, напоминая восковую фигуру. Второй мужчина, в форме РОА, судя по заинтересованному выражению лица, уделял немцу больше внимания. Однако и он не сказал ни слова.

– Ну, хорошо, значит, позже, – ничуть не смущаясь, сделал вывод незадачливый землевладелец. – Так на чем я остановился? На государственном преступлении. Вы – преступники. И кара падет на вас, – он сделал вид, что задумался, что-то подсчитывая, – дня через три. Как только окончательно станет ясным бесследное исчезновение колонны и администрация свяжется со мной. А потом вы все будете уничтожены.

...Снова молчание. Тяжело вздохнув, немец повернулся ко мне:

– Молодой человек, вы переводчик, верно? Будьте любезны, вкратце перескажите смысл моей речи своим нанимателям.

Опешив, я секунду смотрел на него, затем повернулся к Терехову. Неспешное течение монолога, да и вполне осмысленная реакция на него капитана и второго командира отчего-то убедили меня в том, что перевод не требуется.

– Товарищ капитан? – неуверенно поинтересовался я и тут же был прерван бойцом РОА:

– Не спеши. Йозеф хочет что-то предложить нам. Мы хорошо понимаем, о чем он говорит.

Я повернулся к немцу, открывая рот, однако осекся, не произнеся ни слова. Жестом остановив меня, тот дал понять, что прекрасно разобрался в ответе:

– Вот вам конкретика, командиры. Одно дело, если вы – неизвестно кто и неизвестно что тут делаете. Другое – если вы состоите у меня на службе. В таком случае не исключая,

что колонна Штайнера, не разобравшись, стала стрелять в вас. Вы, естественно, не могли не ответить, видя столь грубое посягательство на мои права и мою землю. Эта версия будет стоять мне проблем в будущем, однако подобный вариант сохранит вам жизнь. На мой взгляд, у вас просто нет выбора, – закончил немец и театрально развел руками.

Терехов, дождавшись финала, поднялся со стула:

– Нет. И не приходи сюда больше, Йозеф, – довольно чисто произнес по-немецки. – В следующий раз мы тебя убьем.

Высказавшись, капитан посмотрел на бойца в форме РОА. Тот, судя по задумчивому лицу, не совсем разделял уверенность Терехова. Колеблясь, он взглянул на немца, затем на своего товарища. Еще секунда понадобилась ему для принятия решения:

– Выйди, Йозеф, и жди нас внизу, – опять же, по-немецки.

Немец понимающе улыбнулся, исполняя эту просьбу. Изобразил вежливый кивок, поднялся со стула и исчез за дверью. Терехов, проследив за ним, с немым вопросом уставился на бойца РОА. Некоторое время оба молча смотрели друг другу в глаза.

– Лейтенант, – холодно произнес Терехов, – я никого не держу.

Тот, к кому были обращены слова, поднялся со стула, видимо, не желая смотреть на собеседника снизу вверх. Ростом они оказались примерно одинаковы. Капитан немного повыше.

Напряжением буквально веяло от обоих. Настолько, что я бессознательно отметил на боку у каждого кобуру с пистолетом. Покосился на входную дверь. И пожалел, что здоровенный солдат, который сопровождал меня, не присутствовал при этой беседе. В комнате были только я, капитан и лейтенант. И между двумя последними, судя по всему, существовали неслабые противоречия.

– Если нравится немецкий порядок – скатертью дорога, – явно надавливал Терехов. И пробил ниже пояса. По крайней мере, я так посчитал. – Ты же служил им. Привыкать не придется, лейтенант. И ломать себя – тоже.

– Служил. – Дорого бы я дал, чтобы увидеть сейчас лицо лейтенанта. Но стоял он ко мне спиной. И говорил безжизненно, не как робот... а как мертвый какой-то. Совершенно без эмоций. – Служил, капитан. А ты скажи, ты чего делать-то собираешься? Ты ведь не уйдешь из Лебедей, бой примешь. И погубишь всех.

– Я под немцем не буду, – не дав закончить, зло прервал капитан.

Замолчали.

Поджав губы, я встал со стула. Мне было не то что страшно... по-честному, я бы не удивился, если бы не смог сейчас от волнения ни слова произнести. Так и получилось. Вместо рассудительного «послушайте», у меня вышел полузадушенный писк. Прокашлявшись и чувствуя, как приливает к лицу кровь, я дождался, пока оба обернутся ко мне.

– Послушайте. Вы помните, как я оказался в этой колонне? Мы же за железом сюда ехали. И это правда чистая, здесь действительно крупное месторождение. Очень-очень крупное. Я ведь сказал об этом еще там, в плену. И те, кто посылал колонну... Штайнер там, или кто у него в подручных, об этом знают. Вы только поймите правильно... в этом мире... – Я запнулся, но плюнул мысленно на свои опасения. – В этом мире, как и в моем, главное –

бабосы. Деньги. Это ведь Маркс еще сказал – нет такого преступления, на которое не пойдет капитал. И про эту деревню знают, понимаете? Вы тут как на золоте сидите или на алмазах, не знаю, как понятнее объяснить. Здесь хоть дивизию посади, не удержишь деревню. А этот фашист, да хрен бы с ним, чего он считает. Он нам ведь помогает легализоваться сейчас, прикрывает нас. Мы ему про ресурсы скажем: тут такая драка начнется, что про нас забудут все! Когда на кону деньги, все остальное на свете перестает существовать.

С каждым произнесенным словом я чувствовал, как мучительно краснею. К концу речи, надо полагать, выглядел я как спелый помидор. Впрочем, капитан с лейтенантом тоже выглядели не лучшим образом. Изумление, написанное на их лицах, сделало бы честь инопланетному пришельцу.

Другие

Терехову нельзя было отказать в здравомыслии. Капитан всегда старался принимать наиболее взвешенные, логичные решения.

Даже неожиданное их воскрешение и абсурдная на первый взгляд окружающая действительность Тереховым была воспринята достаточно спокойно. Никто не снимал с него ответственности за своих людей, за группу в целом. Даже смерть, как показала практика, не в силах была это сделать. И оттого капитану приходилось четко (чутко?) реагировать на любое изменение обстоятельств. Быть безусловным примером для всех бойцов, образцом твердости убеждений и стальной воли.

Вместе с тем капитан понимал, что выбранная им тактика не совсем отвечает местным реалиям. Терехов привык действовать безапелляционно: быстро и нагло, в хорошем смысле этого слова. Превентивным ударом везде, где возможно.

Он хорошо знал военную науку, и понятие «стратегическая инициатива» было ему прекрасно знакомо. Когда атакуешь ты, у противника, безусловно, меньше шансов на адекватный ответ. Защищающийся всегда находится в заведомо проигрышном положении. Завладев инициативой, Терехов не собирался ее терять. И вроде бы несколько последних дней показали, что выбранный им путь оказался верным.

Они заняли населенный пункт, разжились трофеями и оружием, провели две неплохие воинские операции, одну из которых – разгром последней колонны – можно и вовсе считать идеальной. Вместе с тем наличие инициативы, как это ни парадоксально, дело опасное. Пока ты держишь в своих руках нити происходящего, ты – король. Как только утрачиваешь их, берешь оперативную паузу на перегруппировку сил или на подтягивание резерва – ты даешь возможность противнику опомниться и подготовить свой удар.

Впрочем, этот момент может и не настать. Если ты бьешь и бьешь подставляемые части, развиваешь постоянное наступление и, главное... самое главное условие – если у тебя достаточно сил, чтобы вводить их из раза в раз в бой, не снижая темпов продвижения... Сил у Терехова по сравнению с немцами было – кот наплакал.

Выражаясь образно, группа капитана была подобна Моське, напавшей на слона. Несколько раз собачонка укусила гиганта, но вот наконец он сумел развернуться и увидеть ее. Судьба мелкого наглеца была решена.

Нельзя сказать, что Терехов ошибся. Вообще трудно оценить его действия. Капитан привык к определенной модели, и осуждать его за это глупо. В своем мире у Терехова всегда существовала линия фронта, за которой были свои. Были, худо-бедно, артиллерийская и авиационная поддержки, были позиции, на которые можно отступить, и рубежи, которые следовало занимать в атаке. Капитан обладал огромным запасом тактических умений. Скоординированные им действия группы привели к тому, что она имеет базу, обладает достаточным вооружением и снаряжением. Вместе с тем Терехов отдавал себе отчет, что в настоящий момент он привел группу, так сказать, на вершину ее могущества. Дальше, при условии следования догматам «удержания инициативы», – только пропасть.

Что теперь?

Следовало признать, что нынешняя стратегия себя исчерпала. Нужно было применять нечто новое. И в этом как раз состояла проблема.

Этот мир не был похож на тот, в котором вырос Терехов. И даже близко не подобрался к СССР периода войны. Капитану просто неоткуда было взять примеров. Ему нужно было найти решение, однако он даже отдаленно не представлял себе, каким оно должно быть.

И с этого момента все то, что ранее придавало сил, позволяло не сомневаться в себе, напротив, стало работать в минус. Ответственность за группу казалась непосильной ношей. Присоединившийся Свиридов, вроде бы уже доказавший свою лояльность, утратил доверие. Подкинутый сюрприз в виде совершенно нежданного «пришельца из будущего» капитан рассматривал как провокацию.

Терехов и сам понимал, что раздражается и злится прежде всего из-за собственного непонимания ситуации. Он пытался найти еще какие-то варианты, модели поведения, однако ничего толкового в голову не приходило. Любой план на его первоначальном же этапе рушили местные реалии. Выходило, что следует искать союза с немцами. Либо... Либо бороться до конца, который скорее всего будет очень скорым.

Третьего не дано. Как бы ни старался Терехов, изобрести нечто уникальное... неповторимое... выкрутиться... ему не удавалось. Идти на сотрудничество с врагом?

Терехов воевал с первых дней нападения Германии и повидал многое. Он знал, что остается после немцев в захваченных ими городах и селах. И призывы к освобождению, к борьбе до последней капли крови были для него не просто словами. Сражаясь с врагом, научился немцев ненавидеть. А как иначе быть с тем, кто незванным пришел в дом, где ты мирно жил и трудился?

Да и убивать... Чтобы убить, следовало испытывать нечто большее, чем злость. Это стрелять можно, палить в белый свет, как в копеечку, без переживаний, на страхе одном, а когда сойдешься глаза в глаза...

За годы войны часть воспоминаний потускнела, утратила остроту и отчетливость. Однако свой первый бой Терехов помнил прекрасно. Они расположились, как на учениях: цепочку окопов приготовили, заняли позицию, а через два часа от нее не осталось ни черта. Не подпустив толком, только увидев немецкую танкетку у дороги, выдали ей по первое число ружейно-пулеметным. А фрицы подождали час, подогнали пару танков и выкатили орудия на прямую наводку. Отутюжили окопчики и пошли вперед, как на прогулке: не спеша, за двумя бронированными коробками.

Их тогда поднялось навстречу не больше трети. Кто оглушенный, кто раненый, а кто и вовсе навсегда остался в наскоро выкопанном окопчике. Вот тогда впервые возненавидел Терехов. И ненависть свою, из которой силы черпал, отчасти благодаря которой и выживал, с тех пор в сердце сохранил.

Это сейчас, вспоминая, можно сказать: бестолково они выскочили. От отчаяния. До самой штыковой мало кто добежал. Зато тогда впервые Терехов увидел тех, кто убивал его. Сосредоточенные пыльные лица под краем каски, короткие ухватистые карабины. Нападавшие слаженно приседали на колено, вскидывая оружие, и просто расстреливали бегущих на них красноармейцев. Косили из танковых пулеметов и ручных, залегая прямо на землю, в густую, сочную траву.

Терехов, с двумя пулями, выбившими из него дух, провалялся до ночи. Очнувшись в сумерках, кое-как перевязался и направился на восток, куда сотнями и тысячами отходили, бежали или слаженно отступали советские солдаты.

Потом он не раз видел лица врагов вплотную. Небритые, потные, со звериным оскалом или маской испуга, искривляющей неузнаваемо черты. Молодые, взрослые, с ответной ненавистью в глазах или страхом. Разъявленные в проклятье рты, искривленные губы, вымаливающие пощаду.

Что теперь делать с этой ненавистью? Выпестованной, дарующей волю и желание сражаться. Как переступить через нее, зная, что все, от чего спасал мир, исполнилось здесь, в этой действительности?

С другой стороны, укрепиться в деревне и ждать атаки? Отбиться от организованного, массированного штурма их подразделения не удастся. Защищаться означает автоматически приговорить к смерти всех, за кого он несет ответ.

И это даже не чаши весов. Терехов изучал оба варианта, мучительно просчитывал их в уме и понимал, что ни один не приемлем. Ни один.

Оттого, когда Свиридов вдруг так убежденно выразил свое мнение по Книппелю, решив впустить его на территорию, Терехов чуть не взорвался. Сдержался усилием воли и даже на встречу согласился, мысленно едва не вычеркнув лейтенанта из состава своей группы.

Вместе с тем капитан понимал, что не совсем прав. Кому-то все равно придется принимать решение. Если не может он, Терехов, значит, надо взять ответственность на себя другому. Свиридову?

Вроде бы забыто все, по умолчанию исключено право на воспоминания, но помимо воли сразу же всплыло прошлое лейтенанта. Служил немцам и теперь, похоже, хочет вернуться к своим хозяевам. Сколько волка ни корми... Это были первые мысли. И они заглушали голос разума, твердивший, что лейтенант всего лишь хочет вывести их из-под удара, желает найти путь к спасению группы.

Так напрямую, жестко и убежденно, обвинить в измене Терехов не решился. Сам себе он не боялся признаться, что разброд и шатания в голове могут привести к печальным последствиям. Скоропалительные выводы были бы сейчас лишними. Впрочем, как и излишнее промедление. Капитан собирался выслушать немца, посмотреть на поведение Свиридова, на его предложения, а потом рассудить, как оно на самом деле. Это же сразу будет видно – кто и что задумал.

Привлечь к разговору взятого мальчишку капитана заставили все те же размышления. Не исключено, что парень – подсылоч и столь скорый визит подозрительно осведомленного Книппеля связан именно с ним. Вполне вероятно, что именно немец и подкинул соглядатаю.

Терехову нужно было взглянуть в глаза всем фигурантам его мысленных комбинаций. Капитан был уверен, что сумеет отличить ложь от правды.

К сожалению, состоявшаяся беседа не дала ответа ни на один из волновавших Терехова вопросов. Примерно такой реакции он и ожидал от Свиридова и от мальчишки. Предполагал их полное и безоговорочное согласие с предложением немца. Парадокс же заключался в том, что осознание этого факта не рассердило Терехова и не заставило бросить обвинения в их адрес. Резкая вспышка гнева на Свиридова так и осталась единственным упреком. Капитан был в тупике. Собственного решения он не имел, а согласиться с предложенным Книппелем был не в силах.

Нельсон

– Что ж, считаешь, это место будет очень нужно тому Штайнеру? – подвел итог моим словам Свиридов.

– Оно нужно всем, – еще больше конкретизировал я, – сидеть здесь и ждать у моря погоды равносильно самоубийству.

Свиридов, выслушав меня, повернулся к Терехову. Капитан, задумчиво кинув взгляд на нас обоих, опустился на стул. Положил ладонь на столешницу. Пальцы ритмично забарабанили по столу.

Честно говоря, я колебаний Терехова не понимал. Нет, ясное дело – служить немцам не хочется. Это и мне было противно, откровенно-то говоря. Но ведь выхода нет! Мы тут не в «Поле чудес» перед двумя шкатулками, а перед лицом вполне определенной опасности.

К тому же не исключено, что служение этому самому Йозефу обернется фикцией. Вернее, очень даже вероятно. Сами посудите: можно ли заставить работать на себя полноценный и мощный боевой отряд? На мой взгляд – утопично. Даже если взять одну половину в заложники, а другую отправить на задание, ничего не выйдет. Да и из слов немца я понял, что речь идет именно о полноценном боевом сотрудничестве, а не о простом подчинении.

Что же, выходит, тогда сдерживало Терехова? Всего лишь внешняя оболочка, так сказать, заявленный статус, не более того. Неужели это столь важно, чтобы сделать выбор в пользу заранее обреченного на провал сражения с немецкой ордой?

Ну ладно, положим, я действительно чего-то не понимаю. Возьмем за основу, что на любые контакты с немцами наложен запрет. В таком случае, как ни прискорбно это сознавать, оставаться в Лебедях мне незачем. Я, конечно, благодарен за спасение, однако у меня есть для чего жить. Мне нужно вытащить Бона. И погибать ради принципов, которые не разделяю, я не собирался. Глядя на капитана, уставившегося в окно и задумчиво хмурившего брови, оставалось только утверждаться в собственных мыслях.

Молчание затягивалось. Свиридов не торопил Терехова, терпеливо ожидая его решения. Я, не собираясь влезать, также смирился с тишиной. В конце концов, каждый имеет право на

выбор. Если позиция Терехова и его подчиненных будет меня устраивать, я примкну к ним. Если же капитан продолжит упорствовать, буду вынужден уйти. Мне как минимум следует разобраться в ситуации с Бонем, вытащить его из цепких лап немецкого концерна. Как именно это произойдет, пока не знаю. В настоящий момент я принял решение и отказываться от него не собирался. Бон являлся моим другом, и о том, чтобы оставить его без помощи, даже не попытавшись спасти, и речи не было.

Признаюсь, тут я очень рассчитывал на команду Терехова. Это был бы действенный довод с моей стороны – почти два десятка отлично вооруженных и обученных бойцов, с которыми меня роднило нечто большее, чем просто национальность.

– Лейтенант, – не отрывая взгляда от окна, произнес в тишину Терехов. – Что ты предлагаешь?

– Думаю, нужно соглашаться, – убежденно отозвался Свиридов, – на своих условиях. С сохранением полной самостоятельности. Ну, насколько это возможно. Важно остаться подразделением, с оружием. И держаться вместе. Без этого – никак.

Снова молчание. Короткое, тягостное, напряженное. Я чувствовал, как вибрирует натянутой струной нетерпение. Пожалуй, согласится. Ну не debil же он! Должен согласиться, понять, что расклад такой выпал и биться лбом об стену сейчас бессмысленно. Я даже пальцы скрестил за спиной. Украдкой, на счастье.

Наконец, тяжело вздохнув, капитан повернулся к нам. Испытующе взглянув, ткнул в меня пальцем:

– Давай, рассказывай нам, что бы сделал ты. Если твой план будет разумен, мы примем его.

Честно говоря, я опешил. С чего именно такое решение и какими мотивами оно продиктовано, непонятно. У меня что, на лбу написано – «стратег»?

– Почему это я? С чего вы вообще решили, что у меня есть план?

Капитан на мое возмущение отреагировал весьма своеобразно. Покачал пальцем и произнес отрывисто:

– Пока ты здесь, командиром являюсь я. Заместителями – лейтенант Диляров и лейтенант Свиридов. Они отдают приказания, которые ты выполняешь беспрекословно. Поэтому мы с лейтенантом слушаем сейчас тебя, а ты стараешься нам все внятно изложить. Приступай.

Столь однозначная постановка вопроса заставила меня ухмыльнуться. Действительно – простое решение. По-армейски простое.

– Хорошо. На мой взгляд, нужно вписаться к немцу. Выставить ему условие, что полностью сохраняем подразделение как боевую единицу, не расходимся, там, и так далее. Что задания выполняем лишь те, на которые согласны. Встаем на довольствие. И главное, сливаем ему инфу про месторождение. Если он не дурак, знает, как воспользоваться такой информацией. Если не сообразит, я ему подскажу. Наверняка ведь здесь не одни металлурги, есть и другие предприятия, это как пить дать. И получается, вашими, да и моими стараниями, сейчас немец в ссоре с одной конкретной фирмой. Ему сам бог велел контактировать с какой-то другой. А место, где сталкиваются денежные интересы многих, становится тем самым мутным прудом, где мы с вами можем ловить какую угодно рыбку. Вот такую. – Я показал

традиционно рыбацким жестом размер улова.

Свиридов в ответ на мою речь скупой улыбнулся. Губы Терехова также дрогнули в намеке на улыбку. Впрочем, важнее было другое. Помедлив несколько секунд, Терехов кивнул:

- Пусть так, – перевел взгляд на старшего лейтенанта. – Пробуем?
- Принимается, – уверенно подтвердил Свиридов.

Рабочий лагерь

Бон

Выживание – следствие готовности. Твоей готовности к различным, подчас совершенно неожиданным испытаниям. Философия очень проста: рано или поздно кто-то другой покусится на то, что тебе дорого, на твою жизнь и свободу. Рано или поздно. Всегда.

Хочешь жить, умей вертеться – из той же оперы. Я жить хотел. И вертеться эта самая жизнь меня уже приучила.

Я не слишком любил идти на поводу у обстоятельств, но зачастую это приходилось делать. И когда выпадал подобный жребий, умел переносить испытания стойко, без сожалений и колебаний. В моей жизни слишком часто звучало слово «надо». Оно превратилось в постулат, своеобразный закон, которому я следовал. Надо – значит, в лепешку разобьюсь, но сделаю. И никогда не отступал. Мог слегка задержаться в выполнении поставленной задачи или видоизменить ее, но абсолютно всегда достигал поставленной цели. Остановить меня ничто не могло.

Отбойный молоток, подпрыгивая, рвался из рук. К концу смены я выматывался так, что, казалось, дрожало все тело. Сначала эти мелкие неприятности досаждали, но я быстро с ними смирился. Приспособиться я мог к чему угодно. Тем более что у меня была определенная цель, к которой я стремился, для которой мобилизовывал все силы.

Спасенные мной бойцы Южного фронта, естественно, работать были не в состоянии. По крайней мере, в ближайшую неделю. Староста барака, выполнив мою просьбу, отыгрался в другом. Объяснил, что неработающие не получают содержания – ни еды, ни одежды, ни бытовых товаров. Судя по всему, таким образом шакал собирался отвести меня от заботы об израненных ребятах. Ясное дело, просчитался. Внимательно его выслушав и уточнив интересующие детали, я предложил выработку сверх своей собственной нормы.

Рабочая смена начиналась в половине девятого и заканчивалась в девятнадцать тридцать. Одиннадцать часов в общей сложности с перерывом в один час на обед и отдых. Я обедал очень быстро, а отдыхать вообще не отдыхал. В первый день, загоняв себя до полусмерти, выполнил две нормы. Больше я просто физически не успевал, даже не останавливаясь ни на минуту. Судя только по одному этому, назначенная выработка была рассчитана на достаточно крепкого человека. Трудозатраты – колоссальные. Так что кормили здесь не то чтобы очень хорошо, но прилично. По крайней мере, сытно. И это было абсолютно логично. Ведь мы работали. И работали неплохо, значит, приносили прибыль.

Поэтому хотя бы минимально о нас просто вынуждены были заботиться.

– Ну? – весьма неласково приветствовал меня староста.

Я, не торопясь с ответом, осмотрелся. Небольшая комнатка, спартански обставленная. Стол, табурет рядом, шкаф и койка. Не полати, как у нас в бараке, а пружинистая такая, с матрасом и застеленная бельем. Бревенчатые стены часто заклеены листовками на немецком и плакатами с соблазнительными полуодетыми красотками. Задержав на них взгляд, я понял, что это певицы и актрисы, поскольку большинство из них были в каких-то сценических костюмах.

– Я слушаю тебя, заключенный? – недовольно напомнил о своем существовании староста. И, демонстрируя, что чрезвычайно занят, пододвинул к себе книгу. Открыл.

Второго табурета не было. Соответственно, присесть мне не предлагалось в принципе. Не устраиваться же на кровати! Сегодня наглость могла сослужить мне плохую службу.

– По поводу моих. Их бы надо в лазарет, – изложил я причину появления в вотчине непосредственного начальства.

Староста, будто ожидая моей просьбы, тут же покачал головой:

– Нет, заключенный. Этого не будет. Никакого им лазарета и больницы, – замолчал, выразительно глядя на меня. Уж что-что, а подобный взгляд читался легко. И смысл его был заранее известен.

– Договоримся, – уверенно спрогнозировал я. По-иному и быть не могло. Наверняка этому шнырю что-то надо. Всем и всегда требуется больше, чем они имеют.

– Не договоримся, – удивил меня староста. И после того, как я требовательно уставился на него, добавил: – Не договоримся. Можешь идти, заключенный.

Естественно, я остался на месте. Мне, не привыкшему к отказам, слышать его от столь мелкой сошки было даже оскорбительно.

– Интересно, почему?

Староста выразительно пожал плечами:

– Не договоримся. Иди на отдых, заключенный. И больше не беспокой меня.

Я завожусь с полоборота. Такой уж характер. Но вместе с тем четко понимаю, когда можно «прыгать», а когда нельзя. Это сильно помогает в жизни – то, что ты бьешь первым, то, что ты готов к эскалации конфликта в тот момент, когда он лишь назревает. Так вот, сейчас был момент, когда стоило дать волю своей ярости.

Наверное, эти размышления отразились в глазах. Хотя почему «наверное» – наверняка! Я знаю, как меняется мое лицо, знаю, какое выражение принимает взгляд. Не заметить это невозможно. Староста не только заметил, но еще и умудрился среагировать.

Когда я шагнул к нему, наклоняясь, чтобы взять за грудки, он очень проворно отшатнулся, ныряя рукой под стол. Через мгновение в лицо мне смотрел ствол пистолета. Короткий щелчок возвестил, что курок взведен. Я перевел взгляд с черной пропасти ствола на лицо старосты. Поганец, довольно оскалившись, смотрел на меня.

– Ты плохо понимаешь русский язык? – ядовито осведомился он. – Проваливай отсюда. И нянчись со своими убогими сам. Никто тебе не поможет.

Крыть было нечем. Староста оказался весьма предусмотрительным сукиным сыном.

Помедлив, я отступил к двери, сопровождаемый взглядом хозяина комнаты, держащим меня на прицеле.

– Будь проще... как все, – неожиданно посоветовал мне староста, – работай, живи... Глядишь, и наладится все у тебя. А ко мне не приходи больше со своими проблемами. Благодаря тебе эти беглецы умрут на неделю позже, вот и все.

Молча выслушав напутственную речь, я вышел из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Пожалуй, ответственность за других стимулирует. Заставляет собраться, принимать взвешенные решения, не ударяться в панику, быть терпеливее и жестче. Это с одной стороны. С другой – это ноша. Тяжелая, вполне возможно, что и непосильная.

Мог ли я справиться с возложенной на себя миссией? Именно об этом я думал, выходя из комнаты старосты и направляясь в барак. Пока, по-честному, получалось не очень. Оба парня были здорово избиты, поломаны и наверняка имели какие-то внутренние травмы. Еда не решала проблемы. Им требовалась медицинская помощь, в которой староста мне отказал.

Странно все это. Вроде бы хорошие работники выгодны предприятию, терять их – это как бессмысленно разбрасывать полезными ресурсами. Но нечто подобное, откровенно говоря, я и ожидал от начальства. Была уверенность, что просто так меня в покое не оставят. Это ясно было с первого же дня.

Барак мало чем отличался от привычной мне казармы. Помещение так же разделено на три, условно говоря, комнаты. В каждой – ряды двухъярусных кроватей с тумбочками и табуретками. Если сложно представить, вспомните железнодорожные плацкарты, только вместо столика поставьте небольшую, в полметра высотой, пузатую тумбочку с двумя отделениями, предназначенную для хранения личных вещей.

Так вот, мне и двум бойцам выделили нижние полки в углу комнаты. Наверху никого не было, мало того, отсутствовали и соседи со стороны. Мы оказались в гордом одиночестве. Мало того, этот искусственный вакуум всячески подчеркивался и обозначался. Никто со мной и с парнями не разговаривал, просьбы не выполнял и на помощь не спешил. Иначе как указанием сверху подобное поведение объяснить было нельзя.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять немудреный замысел. Я сам, честный и благородный, повесил себе на шею хомут. Мне бы немного раньше задуматься: с чего это староста был столь покладист. Послушался, прекратил наказание и с рук на руки передал мне практически преступников. А как иначе назвать тех, кто пытался совершить побег?

Просто все. Тоже мне, секрет Полишинеля. Без указки своего руководства староста и пальцем бы не пошевелил. Не сомневаюсь, он испугался меня и моего решительного вида, когда я ему безапелляционно заявил – мол, снимай, или за себя не ручаюсь. Однако что дальше? Что мешало снять, а потом повесить обратно, имея за спиной парочку охранников, вооруженных карабинами? Да ничего.

Туфта это все – демонстративное равнодушие к нам с Нельсоном. Я, признаюсь, ошибался. Принимал за чистую монету это жлобское высокомерие. Сейчас четко и уверенно могу сказать, что каждый наш шаг, мой и моего друга, жестко контролируется. Мне дали возможность поступить так, как подсказывало мое сердце, так, как я считал правильным.

Можно сыпать комплиментами, можно искусно врать и выкручиваться, маскироваться словами, можно, наконец, наvertеть таких масок, что сам черт не разберет. Однако в минуту душевного волнения человек поступит так, как велит ему его характер, его внутренние убеждения. Для меня создали ситуацию, на которую я вынужден был среагировать и раскрыться.

Стоит подумать вот о чем: бараков шесть, а меня направили именно в тот, где обнаружили еще одни пришельцы из нашего мира. Совпадение? Я так не считаю.

Не следует считать ущербными людей, населяющих этот мир. Мнение о слабости соперника зачастую приводит к обидному поражению. Я просто уверен, что случайности здесь места нет.

С чем я остался? С одним умирающим и одним выздоравливающим на руках, совершенно лишенный возможности повлиять на происходящее. Честно говоря, идя к старосте, я отталкивался именно от этих размышлений. Те, кто создал для меня ловушку, должны были оставить выход, и более логичного «эскейпа», нежели обращение к начальству, я не нашел. Ошибся. Страшного в этом нет. Главное, чтобы мои промахи не вошли в систему.

Проблема была в том, что я, как ни изошрялся в размышлениях, так и не смог определить, для чего же я нужен хозяевам города. В смысле – нужен именно здесь, связанный ранеными разведчиками Южного фронта и долбящий весь день глыбы камня в шахте.

Бросать парней я не собирался. Не для красного словца, в конце концов, это все затевалось, и не понты я колотил, стоя у креста. Этот мир достаточно сильно изменил меня. Сложно подвести итог и определить те черты характера, которых я лишился, те позиции мировоззрения, которые ныне бесследно исчезли. Ровно в той же мере не могу сказать конкретно, что я приобрел. Однако кое-что осталось неизменным, и этому я, признаться, чертовски рад.

Мы попали сюда вдвоем, я и Нельсон. Потому что парняга в модных джинсах, одетый по «фирме», топящий за мой клуб и которого я, откровенно говоря, презирал, встал рядом со мной против провинциального бычья. А мог сбежать. Это ведь я тогда ногу подвернул, не он. Мог свалить безо всяких угрызений совести. Но посчитал, что это будет неправильно.

И уже здесь, когда меня подстрелили, не бросил, запаниковав, а отвез, доктора нашел. Сдался со мной вместе и больницу мне выбил. По крайней мере однажды я остался жив именно благодаря Нельсону.

Это, пожалуй, единственное мое убеждение, все еще действующее здесь. Своих не бросают. Поэтому раненых я не оставляю.

Опустившись на свою кровать, я встретился с взглядом рядового. Сразу же отрицательно мотнул головой, чтобы не обнадеживать. Парень поджал распухшие заживающие губы. Через силу попытался улыбнуться. Мол, ничего страшного.

А страшное было. Положим, сам рядовой Москвичев определенно шел на поправку. Сильных травм он избежал, и его жизни ничего не угрожало. Второй, сержант Волков, пострадал гораздо сильнее. С того момента, когда я избавил его от наказания, в себя он приходил изредка. Тяжело, с хрипами, дышал, стонал в забытьи и вообще выглядел хреново.

– Ничего, – вдруг произнес Москвичев, неожиданно заговорив со мной.

Я молча посмотрел на бойца.

– Ничего, – вновь повторил он. – Нам не впервой помирать. Уже было разок.

Отвернувшись, я скрипнул зубами. Не упрек это был. Не шпилька в мой адрес и не сетование на судьбу. Просто отражение действительного положения вещей. Непротивление судьбе.

И рад бы я сказать, будто это не по мне. Мол, я бы до конца пошел, я бы...

А они ведь и так дошли до конца. Сдернули с шахты под конец рабочего дня, через оцепление проскользнули. И нельзя сказать, что «на шару» бежали, от отчаяния. Все, что могли, рассчитали, и если б не подвижные патрули в окрестностях города, парням бы удалось уйти... Их поймали и притащили в лагерь. Привязали к этим перекладинам. Умирать. Без шуток – именно умирать. В назидание всем другим, которые могли бы решить, что можно сбежать с работ.

– Мы тогда проводили разведку. Дивизионную, – неожиданно продолжил рядовой.

Я посмотрел на него. Москвичев лежал на кровати, положив руки под затылок, и смотрел вверх. На находящуюся над ним шконку, сбитую из досок. И видел прошлое.

– Они прошли, а мы – нет.

Я не знал этого. Как-то не довелось говорить об их прошлом. Как и о своем рассказывать. Видимо, сейчас настала пора восполнять пробелы.

– Мы с сержантом наткнулись на пулемет...

После каждой фразы следовало молчание. Но бойцу и не нужно было ничего пояснять. Я понимал, о чем он. И наткнуться на пулемет – действительно, хуже не придумаешь. У меня было такое.

– Разведка прошла, а нас взяли. Гранатами задавили и, оглушенных, похватали. Милое дело...

Барак заполнялся людьми. Очередная партия тех, кто закончил смену позже меня и уже поужинал, расходилась по своим местам. Большинство просто падали на лежаки и тут же засыпали мертвецким сном. Мне, честно говоря, следовало поступить так же. До отбоя оставалось полчаса, не больше. А здоровый сон при моем ритме работы был просто необходим!

– Попасть живым в разведке – дело дохлое. Считай, ты покойник, да еще и мученик, – жестко добавил Москвичев.

Я кивнул. И это тоже мне было знакомо. Похоже, наука войны мало что приобрела за шестьдесят лет, разделяющих нас.

– Грешно, конечно, так говорить, но сержанту повезло. Его осколками посеколо сильно. Еще в самом начале. Поэтому фрицы, когда нас притащили к штабу, долго церемониться не стали... – Москвичев скривился. Повернулся ко мне: – Штыком резали. Чтобы я, значит, смотрел.

Я выдержал взгляд. Удивить подобным меня было трудно. Но Москвичев, судя по всему, на это и не рассчитывал. Он искал что-то в моих глазах, во мне. И через секунду я понял, что именно. Догадка обожгла меня своей простотой и банальностью:

– Сколько лет тебе, боец?

Он слабо улыбнулся. Насколько позволяло изуродованное лицо и опухшие губы:

– Семнадцать.

Я молчал. Немудрено было понять, увидеть его нерешительность, характерную для тех, кто еще не вкатился в войну. Не принял всем сердцем ее законы, не проникся ее сутью. Но, с другой стороны, в высшей степени странно было сознавать это, зная, кто такой Москвичев и откуда он.

Вроде бы я был старше. По крайней мере, так выходило. И даже мог посоветовать кое-что, научить, КАК нужно воспринимать бой и погибающих у тебя на глазах друзей. Но... у него в глазах читался иной вопрос: «Как жить с этим?» Когда потрошат при тебе, на куски режут того, кто еще недавно был твоим товарищем. А ты даже уши не можешь закрыть, отвернуться не можешь, потому что тем, кто делает это, нужно, чтобы ты сломался. Чтобы обмочился, рассудок потерял, контроль над собой и сдал все, что тебе известно. Из тебя все данные вытряхнут, как из мешка, а потом, деловито и не торопясь, отрежут башку перед камерой.

Я мог бы рассказать про это. Про кассеты, которые нам сдавали на блоках, да и про сами трупы, которые мы находили. Но вопрос был не в этом. Не в том, как справиться, как не сказать. Парень в свои семнадцать сумел это пережить. Он спрашивал меня о том, что делать дальше.

– Так вот, он быстро умер. Повезло. А я... я быстро не смог. – Он замолчал на секунду, заново и остро переживая: – День еще. По крайней мере, после обеда уже было. По сравнению с тем, что там творили, здешние – дети. Ты не знаешь даже, как больно было. Вернее, не больно... слова такого нет. Не знаю я его.

Тут я тоже спорить не стал. Мне такого, слава богу, не выпало.

– Там нельзя было не сказать. Думал, с ума сойду, и то легче будет. Вернее – правильно, лучше! Лучше бы крыша поехала, и какой с меня спрос. На беду свою, выносливым оказался. Так что, знаешь... хорошо, что я не знал ничего. Зачем шли, маршрут какой. Не знал просто. Только вот... не зря это все. Верно? Не зря ведь?

Я сглотнул ком в горле. Парень смотрел на меня требовательно и одновременно как-то беспомощно. Не то он хотел спросить. Совсем не то.

– Не зря. – И, черт побери, я, сидящий напротив, самое главное тому доказательство! Не было бы тебя, рядовой Москвичев, и тебя, сержант Волков, и черт знает скольких еще миллионов... меня бы тоже не было. И всей нашей с вами настоящей действительности, с победой СССР, с полетами в космос, с новостройками, этого бы тоже НЕ БЫЛО. Только бараки и загоны для русского скота. Как здесь.

Но спросить он хотел не о том. Задайся он этим вопросом – мол, а правильно ли я поступаю, а не стоит ли сдать немцам все, что они хотят, лишь бы не трогали, не было бы победы. Никогда в жизни с такими мыслями врага не победить. И Москвичев хотел узнать у меня другое – как жить после того, как на твоих глазах убивают товарища. Как пережить это, куда, в какие глубины памяти засунуть, с чем размешать, какой ярлык навесить этим воспоминаниям.

Интуитивно видя во мне того, кто может ответить на этот вопрос, рядовой был прав. Вернувшись с войны, с трудом вписавшись в режим мирного времени, я сумел не сойти с

ума. Остаться нормальным. Чего мне это стоило? Не питая и раньше особой приязни к «черным», придя с войны, я их возненавидел. Стал убежденным проповедником white power.

Я стал фашистом.

Москвичев все еще смотрел на меня. Страстно желая откровения, отгадки, простых и легких слов, которые помогут обрести спокойствие и внутренний комфорт. Я был несравнимо опытнее его, старше. Наверное, умнее.

Но я сражался в войне, в которой не победил. В отличие от него.

Потерпевший поражение, я нашел спасение в мести. В акциях против отребья, оказавшегося на обочине жизни. Я исповедовал те же идеи, с носителями которых, не щадя своей жизни, сражался он.

– Давай... спать, – хрипло попросил я и, пряча взгляд, повернулся на другой бок.

Мне нечего было сказать мальчишке, погибшему в семнадцать лет ради того, чтобы фашизм не победил.

Настроение с самого утра у меня было не очень. Я полночи уснуть не мог, так и эдак прокручивая в голове разговор с Москвичевым. Не удивительно, что побудка застала меня невыспавшимся и злым на весь мир.

Топтаться на месте – что может быть хуже? Лично мне в жизни ничего и никогда не давалось просто так, без усилий. И в высшей степени хреново понимать, что усилия-то ты приложил, постарался, но того, что сделал, безнадежно мало для исправления создавшейся ситуации.

Я не люблю чувствовать себя беспомощным. Не люблю обстоятельств, которые не оставляют выхода. Плыть по течению и ждать, что все само собой образуется, претит моей натуре.

– Иди сюда. – На выходе из барака кто-то цепко ухватил меня за рукав. Будучи в скверном расположении духа, я дернул руку на себя и развернулся к невежде. Парень примерно моего роста и комплекции продемонстрировал открытые ладони: – Спокойно. Есть тема. Надо поговорить, отойдем. – Кивком указав направление, он шагнул в сторону, обходя барак. После секундного промедления я последовал за ним.

И тут же остро пожалел. Зайдя за угол, я увидел парня, а рядом с ним еще двоих знакомых мне заключенных. Обоим под сорок или чуть больше, крепкие, жилистые, со злыми, безжалостно-заискивающими глазами голодных дворовых псов. Знакомый типаж.

– Он с тобой пойдет сегодня. Спустится в шахту. Потрудится, – один из них, не тратя времени на представление, тут же перешел к делу. Судя по всему, в спутники он мне сулил как раз того, кто встретил меня у выхода. – Ты будешь сегодня делать шурфы. Если получится, будете делать вместе. Не выйдет – запомнишь где и отведешь его потом на место. После – свободен. Выполнишь, как я сказал, помогу с лазаретом для твоих немощных. Понял меня?

Говоривший произносил слова с ленцой, слегка растягивая их на блатной манер.

Барак был разделен на три отсека. В одном как раз и обитали подобные личности – мутные, мразотные типы со своими понятиями и понтами. До недавнего времени ни я, ни мои товарищи их не интересовали.

– Когда будет лазарет? – не стал я кобениться.

– Срастется – значит, вечером будет, – пожал плечами мой собеседник.

– Отвечаешь? – не отступил я.

До того молчавший персонаж, угрожающе переступив с ноги на ногу, шагнул ко мне. Опустил руку в карман, совершенно не по закону нашитый на робу. По крайней мере, именно мне, да и всем, кого я знал из заключенных, карманы на одежде были запрещены.

– Стой, Шалый, – повелительно прекратил демонстрацию силы и серьезности намерений главный. И, обратившись ко мне, сказал то, чего я ждал:

– Делюгу провернешь – лазарет будет. Заложешь – твои до вечера не доживут.

– Идет, – быстро согласился я и глянул на предложенного мне в напарники парня. – Погнали на построение.

После короткой проверки нас вывели отрядами за территорию лагеря. Там на небольшой погрузочной площадке нас уже ожидали автомобили с обязательным сопровождением двух мотоциклистов, вооруженных пулеметами. Ничего не спрашивая, мой неожиданный попутчик запрыгнул следом за мной в кузов «Опеля» и устроился напротив.

При ближайшем рассмотрении навязанный мне блатняк оказался старше, нежели я предполагал. Морщинки в уголках глаз выдавали истинный возраст – хорошо за тридцатник.

Впрочем, при всей своей нелюбви к подобной публике, вынужден признать, выглядел он довольно презентабельно. Чистое лицо, приятные, располагающие черты, отсутствие наколок на руках. А главное – взгляд.

Мы рассматривали друг друга, не стесняясь. В его глазах можно было прочесть иронию, легкую насмешку, но ни в коем случае не трусливое превосходство. Обычная шантрапа и гопники по своей природе мрази и шваль. Пока их не наберется достаточно, чтобы сгрызть тебя, они будут лизать тебе зад. Как только критическая масса будет пройдена и они решат, что сильнее, тогда – берегись. Вся остальная шушера отличается разве что сроками, проведенными в неволе. В остальном – точная копия. Чушь это все – блатная романтика, законы и понятия. На это кладут с прибором сами зэчары, когда им выгодно.

Так вот, этот был иной породы. В нем чувствовалась сила. Личная, свойственная лишь ему. Его агрессию, злобу и ответственность за происходящее рождал не стадный инстинкт, а свои собственные ум и характер. Этот человек был гораздо более опасен, нежели те два клоуна, с которыми я имел беседу за баракон.

– Делать будешь все как я скажу. Сделаем – разойдемся. А за лазарет я тебе сам отвечу. Пойдет так?

Пожалуй, этому следовало верить. Иллюзий по поводу людского племени я давно не испытывал. Однако некоторые индивидуумы умели держать слово. Кажется, этот был из их числа.

– Пойдет... Как звать тебя?

Мужчина ухмыльнулся, демонстрируя ровные, неиспорченные зубы, и протянул ладонь:

– Ловкач.

Да уж. Погоняло подходило. Мужик явно был не прост.

– Бон, – пожал я руку. – В чем будет заключаться задание?

Ловкач откинулся спиной на борт кузова. Выразительно взглянул по сторонам, на болтающих о своем или уныло молчащих рабочих.

– Не сейчас. Просто будь рядом со мной. Все очень просто. Минимум риска, на выходе хороший навар. Не кипишуй, – и отвернулся.

Остаток нашего пути до шахты прошел в молчании. Ловкач намеренно не обращал на меня внимания, ну а я и не навязывался. Полчаса покоя были даже в какой-то мере на пользу. Достаточно времени, чтобы пораскинуть мозгами.

Еще совсем недавно, мрачно поедая утреннюю гречку и кофе с бутербродом, я старался не думать ни о чем. Прежде всего, потому что дельных мыслей не было. Одно лишь уныние, которое можно было холить и лелеять.

И тут – на тебе. Как протянутая с неба божья рука.

Жизнь давно отучила меня радоваться представившейся возможности. Тем более если вариант выпадает в тот момент, когда я приперт к стенке. В первую очередь это вызывает у меня подозрение. Заставляет думать – кому же это выгодно.

Если урки действительно крутят через меня какую-то свою комбинацию и в итоге по-честному расплатятся со мной, я не против. Вот только весь мой прежний опыт общения с зэками сводится к одному – верить им нельзя. Сволочная порода людей, которые понимают и уважают только себя. Все остальные достойны лишь развода и кидка.

С другой стороны, что я теряю? Разве что призрачный шанс на благополучное разрешение создавшейся ситуации, не более того. Но не стоит в моем положении пренебрегать даже такой возможностью. Так что пробовать буду. Решено.

Я никогда не чурался физического труда. Но вместе с тем мне редко когда выпадала возможность доказать это на практике. По молодости зарабатывание денег сводилось к разным мутным движениям за гранью закона. Мне не приходилось впахивать грузчиком, у меня были иные занятия, где, впрочем, также ценилась физическая форма.

Не буду скрывать, от тюрьмы меня спасла армейка. Мне светила весьма приличная статья, по которой, даже первоходок, я мог сесть. Но, как частенько это бывает, военкому нужен был план, а мне следовало уйти от уголовной ответственности. В определенный момент наши с государством цели сошлись. Пожалуй, в первый и последний раз.

Выиграл я или проиграл, не попав на зону? Для меня вопрос никогда не стоял таким образом. Я отдавал себе отчет, что система в любом случае сумеет использовать меня так, как надо именно ей.

В части оказалось немало парней, подобных мне. Мягко говоря, не совсем законопослушных. Многие имели за плечами судимость.

В армейке я только укрепился в мысли, что не стоит судить о людях по первому впечатлению и по тому, какое прошлое у них за плечами. Главную роль играло настоящее. То, на что они готовы в данный момент и как относятся именно ко мне. Многие из ребят оказались неплохими товарищами и здорово меня выручали на солнечном юге нашей прекрасной Родины. Некоторые там и остались. Навсегда.

Мне повезло. Причем даже не потому, что я остался в живых, хотя уже одно это,

безусловно, немало. Больше меня радовало, что я приобрел те самые навыки, которые мне нужны. Бесплатно.

Не могу сказать, что в армии мне безумно понравилось. И утверждать, что сильно прикипел к автомату и рейдам, тоже будет глупостью. Просто возвращаться на гражданку мне хотелось меньше, нежели шариться по горам. В общем, я подписал контракт, по которому честно оттрубил еще некоторое время.

После увольнения пошел в охрану. И занимался почти тем же самым, чем промышлял и до армии. Разве что в той или иной степени применяя умения, которые дала мне война.

Собственным экскурсом в прошлое я пытаюсь подвести вот к чему. Работы я не чурался, однако мне никогда не выпадало пахать по-серьезному.

Таскаться с отбойным молотком по узкой шахте было для меня внове. Однако габариты и достойная физическая форма сделали свое дело. Мне с первого же дня был определен помощник, и я, без усталости выполняя взятые на себя обязательства, работал с утра и до вечера. На следующий день выдали уже двух подсобных, поскольку один, понятное дело, не справлялся.

Так вот, ныне роль моего второго номера принял на себя Ловкач. Безропотно переоделся в теплые штаны и ватник. Водрузил на голову каску, вернее, стальной шлем, отдаленно напоминающий немецкие образцы, получил кирку и лопату. Все это молча и, я бы сказал, обыденно.

Я отметил и следующее обстоятельство: выдающий снаряжение и одежду заведующий пунктом снабжения смене напарника не удивился. Комендант временного лагеря удовлетворился визуальной проверкой, когда мы, стоящие на импровизированном плацу, произвели расчет. Бригадир, назначая пары на работы, не задумываясь, поставил меня с Ловкачом.

Я не был склонен считать происходящее случайностью. Я, например, не знал, что мне предстоит изготавливать шурфы для закладки взрывчатки. Известно это стало лишь после утренней проверки, при определении объема работ бригадам и парам. Ловкач же знал об этом заранее. Соответственно, никаких сомнений не могло быть в том, что предварительная работа им и его кодлой с работягами, а вернее с теми, кто что-то значил, из начальства, была проведена. Не нужно было обладать особой проницательностью и для того, чтобы определить, что именно требовалось моему новому напарнику.

Примостившись на сваленную в кучу породу, я задумчиво посмотрел вниз. Положил на колени погашенный фонарь.

– Потуши, – кивнул Ловкачу, и тот, отлично меня поняв, выключил свой осветительный прибор. Узкая выработка, в которую мы забрались, мгновенно погрузилась во тьму. В абсолютную тьму – ни лучика света, ни отблеска его.

Первым желанием человека, оказавшегося в крошечной тьме, будет желание света. И я ничуть не удивился, когда мои пальцы покрепче обхватили рукоять фонаря. Хоть какое-то спокойствие и уверенность.

Но свет нам с Ловкачом сейчас был противопоказан. Мы и забрались в боковой штрек с одной-единственной целью – спрятаться.

Мой напарник пошевелился. Не нужно было никаких объяснений, и так понятно – страшно. Мне и самому было неуютно, хотя приводить себя в пример тоже не совсем корректно. Ну какой из меня опытный шахтер?

Так что я только заново ощупал фонарь, который не выпускал из рук, и постарался выкинуть из головы иррациональный страх темноты. Было чем занять свои мысли. А именно – наконец-то озвученным предложением Ловкача и сутью задания.

Мне было предписано не только проводить напарника до изготовленных шурфов, но и изъять вместе с ним взрывчатку. Конкретно – патроны аммонита, килограмма по полтора каждый. Для успешного проведения операции требовалось спрятаться, подождать, пока взрывники заложат заряды, дойти до шурфа, затем в зависимости от обстоятельств или отключать сеть, или просто забрать патроны.

План был прост и вполне работоспособен. Пока взрыв не будет инициирован, сами по себе заряды не взорвутся. Их достаточно безопасно переносить с собой, перемещать, транспортировать.

– Взрыв во сколько? – произнес я в темноту.

– В четыре тридцать. Часы у меня есть, – ответил Ловкач. Мог бы и не добавлять второе. Я сразу обратил внимание на его запястье. Наручные часы, как и любые другие, были редкостью в лагере.

– Нас выпустят? И не проверят даже? – озвучил я то, что волновало меня в не меньшей степени, чем время подрыва.

– Запросто, – уверенно обнадежил собеседник.

Вроде бы все выглядело гладко. Как раз сейчас, судя по хронометражу, должны устанавливать взрывчатку. Сколько им понадобится на это времени, я не знал. Однако был уверен – момент прохода взрывников обратно к клетки мы не пропустим. Наше боковое ответвление было не слишком далеко. При должной внимательности услышим шаги и голоса. И в запасе у нас останется не меньше двух часов, в течение которых надо будет забрать часть зарядов и подняться наверх.

– Сколько возьмем? – уточнил я.

– Сколько надо. Закройся и не отсвечивай. – Ловкач выдал мне довольно неприятную отповедь.

Я неразличимо в темноте нахмурился, не соглашаясь с тоном и выражениями. Впрочем, язык за зубами придержал. Обижаться или вступать в словесные баталии сейчас было явно не время. За беседами мы вполне могли бы пропустить взрывников, что, в свою очередь, гарантировало целый букет неприятностей.

И пропустили-таки. Не знаю, что повлияло. Скорее всего нервное напряжение, да и усталость от прошлых дней добавила своего. В общем, прислонившись спиной к стене, надвинув поглубже каску на лоб, я просто-напросто вырубился.

И очнулся, лишь свалившись со своего камня. Больно приложился локтем и, как это бывает спросонья, заозирался по сторонам, пытаясь определить, куда же я попал.

Через несколько секунд я уже включился в действительность и вспомнил, что к чему. Зашарил вокруг себя в поисках фонаря и подал голос:

– Ловкач, времени сколько?

Напарник, судя по шороху, встрепнулся. Понятно. Тоже спал.

Щелкнул переключатель, и яркий луч света разорвал темноту. Прищулив глаза, я рассмотрел свой фонарь и прибрал его к рукам. Повернулся к Ловкачу:

– Времени сколько?

Тот, не отвечая на мой вопрос, решительно поднялся, одергивая ватник:

– Пойдем. В темпе.

– Сколько времени? – повторил я вопрос, убирая фонарь в карман и не двигаясь с места.

Ловкач, сделавший несколько шагов к выходу, обернулся:

– Показывай, где закладка!

– Время скажи.

Напарник мазнул фонарем мне в лицо. Я отвернулся, прикрывая глаза рукой. И тут же схлопотал довольно увесистый удар в плечо. Такой, знаете, для разминки. Или в качестве предупреждения.

– Не бурей! – прикрикнул Ловкач, когда я отступил от него на шаг, пытаясь вслепую разорвать дистанцию. – Иди и показывай закладку.

Я сделал еще шаг назад, вынул фонарь из кармана и включил его. Линии света скрестились на полу, будто в руках у нас были легендарные световые мечи. Впрочем, на джедаев мы тянули слабо.

– Сколько времени? Я взрываться не полезу! – четко обозначил я свою позицию и приготовился к возможному обострению отношений. Меня раздражала дурацкая манера практически всех, с кем я сталкивался в этом мире, решать вопросы методом силы. Такое ощущение, что здесь никто и никогда не получал отпора.

– Час до взрыва, – неожиданно пошел на попятную Ловкач. Видимо, решил, что спорить со мной – себе дороже. Вполне здравый выбор.

– Покажи, – не повелся я. Грош цена любым обещаниям и словам. Верю лишь тому, что вижу и могу потрогать руками.

Напарник завернул рукав, показывая запястье. Я посветил и убедился в правдивости слов Ловкача. Действительно, до декларированного времени подрыва у нас оставался примерно час. Времени вполне достаточно, чтобы снять закладку и подняться по шахте на второй уровень.

– Тогда идем. – Вот теперь, когда у меня не осталось никаких сомнений, можно было и приступить к заданию. Впрочем, это отнюдь не означает, что я забыл удар в плечо и спустил резкий тон на тормозах. Ничего подобного. Просто всему свое время.

Обогнув Ловкача и подсвечивая себе фонарем, я направился к выходу из нашего штрека. Напарник топал позади, аккуратно ставя ноги и также не пренебрегая собственным светом. Перелом или растяжение, пробираясь по завалам породы, заработать можно было запросто.

Осторожно передвигаясь, мы выбрались на основную магистраль – достаточно широкий тоннель с укрепленными стенами и потолком, освещенный подвешенными лампами. Тут дело пошло веселее. Фонари мы погасили и увеличили темп ходьбы. Чуть ли не побежали. Ожидание подрыва, довлеющее над нами, изрядно способствовало ускорениям.

При этом мы перестали смотреть под ноги, да и вообще мало обращали внимания на то, что творится вокруг. Дефицит времени заставлял пренебречь тем, что в тот момент считалось не столь важным. И это, понятное дело, явилось ошибкой.

Следовало задуматься о том, что в буквальном смысле валялось под ногами или было на глазах. Под ногами валялись провода, по которым мы фактически бежали. Обычные изолированные электрические провода. И было их слишком много, чтобы произвести один-единственный взрыв в открытых лично мною двух шурфах.

Почему я считал, что они тянутся именно к подрывной машинке? Уж худо-бедно отличить подрывную магистраль от силовых кабелей, идущих на свет, вентиляцию и потребляемую энергию, я смогу. Так вот, этих самых – толстых, в оплетке, многожильных – не было вообще. По полу змеилась лишь тонкая проводка к детонаторам.

Во-вторых, по потолку, там, где всегда проходило освещение, осталась проложена лишь линия с аварийными лампочками. Все остальное было не то что обесточено – свернуто и унесено прочь. Оба обстоятельства я отметил краем сознания, но значения им не предал. Но, судя по всему, нестыковки все же засели занозой в мозгу: в процессе бега я никак не мог отделаться от мыслей о неправильности происходящего.

– Стой! – выдал я приглушенно и остановился. Ловкач недоуменно встал в двух шагах.

– Чего? – Раздосадованный напарник, судя по всему, готов был обвинить меня во всех смертных грехах, и прежде всего в саботаже. Я же, прислушавшись, отметил еще одну странность.

– Насосы не работают. – Убей бог, не знаю, должны ли они вообще работать при подрывах. По крайней мере, раньше я ни разу не слышал, чтобы их останавливали. – И проводов здесь до фига. Тут что-то не то, Ловкач. Мне кажется, они будут рвать не один заряд в нашем шурфе, а больше. – Я наконец-таки оформил мысль и уложил ее в достаточно лаконичную фразу.

Нахмурившийся Ловкач не дал себе труда поразмыслить над моими словами. Он эмоционально махнул рукой и сделал шаг ко мне, явно и недвусмысленно угрожая:

– Толковище не устраивай! Послали на делюгу, так проворачивай, делай что велено. Шутки будешь шутить – попишу! – В поддержку своей речи блатняк скользнул рукой в карман бушлата и вытащил из него нож. Скорее даже заточку: узкую, напоминающую шило. – Ну! – Ловкач ткнул в мою сторону вооруженной рукой. – Я вор, но крови не побоюсь!

Вздыхнув, я поймал себя на мысли, что ссориться с блатным не хотелось. Не в тех я был условиях, чтобы устраивать разборки и демонстрировать чудеса рукопашного боя. Не время было и не место. Да и охоты к этому никакой не было. Закусы вот эти на ровном месте ни к чему не вели. Но оборонительную позицию я все же занял. Повернулся левым боком, выставляя руку вперед.

По большому счету, не страшен он мне был. Какой бы ни есть Ловкач умелец в обращении с ножом, однако же и я тоже не лыком шит. Тяжелая ватная одежда, в которую мы были облачены, давала вполне надежную защиту. Разрезать ее сложно, а пробить еще надо суметь.

Однако драться нам не пришлось. Как раз в тот момент, когда я внимательно следил за

блатным, исподлобья рассматривающим меня, за спиной раздался приглушенный звук взрыва. Не мешкая и не оборачиваясь, я резко обогнул Ловкача, бросившись в один из боковых штреков:

– За мной! Прячься!

Сложно сказать, услышал меня напарник или нет. Еще через секунду, едва я успел влететь в затемненный проход, земля ушла из-под ног. Чудовищной силы звуковая волна начисто оглушила меня, и я, потеряв ориентацию в пространстве, свалился на пол, пребольно приложившись при этом всем телом о камни.

Несмотря на боль, я тут же поднялся на четвереньки и со всей доступной скоростью рванул дальше и глубже в темноту – благо штрек устремлялся вниз. При этом я мало что соображал, но помнил одно – именно сюда, в это боковое ответвление, электрические провода не вели. Тем самым я хотя бы избегал опасности нарваться на прямой взрыв.

Не могу однозначно сказать, сколько времени мне потребовалось, чтобы остановиться. То, что я ободрал ладони и хорошенько изодрал ватник на груди и животе, могу поручиться, а вот с хронометражом – не знаю. В общем, в какой-то момент я застыл и остался лежать на каменном полу, широко открыв рот и зажимая ладонями уши. Взрывы, как я и опасался, шли цепные, один за другим, и, происходя в замкнутом пространстве, хорошенько оглушали. Кроме того, прямо под телом подпрыгивал пол, что тоже не добавляло оптимизма. Я не исключал, что сей же момент обвалится потолок, подведя печальную черту под всей моей жизнью.

Первое, что я сделал, когда прекратились подрывы, – энергично потряс головой, рискуя расплескать остатки мозгов. Затем слегка стукнул себя по черепушке ладонью, добившись глуховатого, словно идущего издалека, звука. Повторил эксперимент другим образом – ставив перчатку, щелкнул пальцами над ухом. И уже просто ради страховки провел ладонью по ушным раковинам.

Отлично. Крови нет, звук пусть и словно через вату, но различим. Двигаемся дальше.

Я не спеша поднялся на четвереньки, не почувствовав боли или каких-либо иных неудобств, затем встал на ноги. Цел. Осознание этого позволило немного расслабиться. Ровно в той мере, в какой это позволительно человеку, только что пережившему несколько подземных взрывов.

Мысли скакнули от выражения благодарности моей счастливой звезде к воспоминанию о грубоватом напарнике. Не исключено, что ему повезло меньше и сейчас он как никогда ранее нуждается в моей помощи. Или не нуждается. Завалило к чертям. Следует отметить, что думалось мне в каком-то замедленном режиме, обычно я соображаю гораздо быстрее. Впрочем, оправдание в виде легкой контузии у меня было.

Проведя рукой по своей телогрейке, я достал фонарь и щелкнул выключателем. Широкий луч света выхватил из темноты неровную, сбитую каждодневными усилиями шахтеров породу. Я с интересом обследовал давший мне временное убежище и, возможно, спасший меня штрек.

Как и предполагал, он являлся одним из ответвлений основной трассы и, загибаясь, полого уходил вниз. Что там находится, мне было совершенно неинтересно, и, мазанув

светом по стенам и низкому потолку, я развернулся ко входу. Как оказалось, удалился от него не так уж и далеко, всего лишь на несколько шагов. Я четко различал края прохода, однако дальше ничего видно не было. Луч света до противоположной стены основного тоннеля просто не доставал, рассеиваясь в клубах плотного пылевого облака.

Помянув парочкой нехороших слов взрывников, я расстегнул тельник. Вынул из внутреннего кармана повязку и быстро приспособил ее на лицо, закрывая марлей нос и рот. Защита, соглашусь, немудреная, однако из средств индивидуальной защиты у меня больше ничего с собой не было. Экипировавшись, я поднял фонарь и решительно вышел из своего укромного местечка. Насколько опасна для здоровья смесь пыли и газов, выделяющихся после взрыва, мне было наверняка неизвестно, и я просто-напросто исходил из худших предположений.

В первую очередь следовало определиться с Ловкачом. Если я пережил взрывные работы без особых проблем, то моему напарнику вряд ли повезло в той же мере. Не исключено, что он остался жив и даже относительно невредим, однако густая каменная пыль вполне могла и прикончить его.

Проведя лучом фонаря по стенам, потолку и полу тоннеля, я только укрепился в своих подозрениях. Линия проводки перестала существовать как цельная электрическая цепь. Оборванная сразу в нескольких местах, видимых мне, с разбитыми лампочками, она наглядно показывала мощь бушевавших в тоннеле энергий взрывов. Мало того, какой смысл говорить об освещении, если даже часть деревянных опор, не выдержав движения каменных пластов, разлетелась в щепки. Подойдя ближе к стене, я уже без всякого удивления, скорее даже с полным пониманием, увидел глубокие вертикальные трещины в каменной породе. Взрыв, судя по всему, был знатный. А дальше, куда так упорно вел меня Ловкач, скорее всего следует ожидать полноценного обрушения свода.

– Ловкач! – продираясь через собственную глухоту, постарался как можно громче выкрикнуть я. Вышло плохо. Мало того, что я сам себя плохо слышал, так еще и повязка скрадывала звуки. – Ловкач, ты где? Ты живой?

Оставляя как ориентир штрек, в котором я укрывался, с левой стороны, я зашагал вперед, подсвечивая себе фонарем. Пропустить напарника я не боялся – в конце концов, каких-то гигантских завалов на пути не было, а небольшие камни, которые можно назвать булыжниками, не в счет. Гораздо больше меня волновала все прибывающая и прибывающая из тоннеля впереди меня пыль. Насколько безопасна эта субстанция, я не знал, и першение в горле, которое через пару шагов прорвалось кашлем, естественно, меня беспокоило.

Ловкача я обнаружил метрах в десяти от моего убежища. Не заморачиваясь рассуждениями на тему жив он или мертв, я просто поднял парня на плечи и, сгибаясь под тяжестью тела, побрел в сторону выхода.

Прошагать мне предстояло очень даже прилично.

– Спасибо. – Мы сидели в темноте, экономя батарейки фонарика, и я не видел выражения лица Ловкача. Только голос. Приглушенный из-за такой же, как и у меня, марлевой повязки на лице.

Ловкач оказался предусмотрительным. Или, что более вероятно, некто, привыкший к

немецкому порядку, вручил моему напарнику стандартное индивидуальное средство защиты, даже не думая о том, что оно может ему понадобиться.

– Пожалуйста, – равнодушно ответил я. Это раньше можно было пожаловаться на натруженную спину или сказать, мол, чуть не надорвался, пока таскал тебя. Но теперь, после недели каторжного труда, кивать на усталость или потянутые мышцы было как-то не с руки.

Монотонная, тяжелая, главное, сверхплановая работа выматывала меня. Будучи физически крепким и выносливым, я рассчитывал на свои силы, однако отдавал себе отчет в том, что долго в таком режиме не протяну. Впрочем, долго и не надо было. Москвичев приходил в себя, выздоравливал, и мне следовало пахнуть всего недельку. К тому времени, думаю, рядовой уже вполне мог бы и сам зарабатывать себе на пайку.

А вот Волков – нет.

Ему недели для выздоровления мало. И месяца мало. Не исключено, что через неделю сержант просто умрет без квалифицированной медицинской помощи. И в данном случае я сделать уже ничего не смогу.

Идея с госпиталем, как нетрудно догадаться, накрылась медным тазом. Задание мы с Ловкачом провалили, значит, о какой-либо оплате и благодарности со стороны урок и речи быть не может.

Нет ничего хуже, чем ощущать свое бессилие. Что я мог сделать? Броситься на колени перед старостой, согласиться на его условия? Так он не выдвигал их мне. И, чую сердцем: что ни предложи я сейчас, на что ни согласись, это не спасет Волкова. Меня в очередной раз ткнули в дерьмо. Поманили иллюзией, будто от меня может что-то зависеть, и с размаху окунули в действительность.

Может, мне мстят за то, что я ответил отказом на предложение войти в силы самообороны. Или за какую-нибудь фишку, выкинутую Нельсоном. Наверняка ведь мой дружан без дела не сидит. Я понятия не имею, удался ли ему план по обьегориванию немцев с месторождением, но уверен, что он попал в очередную залепуху. Человек-беда.

Короче говоря, сейчас умирает хороший, отважный парень. Возможно, причина тому кроется в каких-то моих или Нельсона действиях. Но ведь на самом деле это не важно. Вины какой-то я за собой не чувствовал. Эти парни, Москвичев и Волков, все равно были обречены. Я лишь отсрочил их смерть и одновременно вступил с немцами в игру. В состязание, правил которого я не знаю и исход которого заранее предрешен.

– Завтра нас вытащат. С утра, – раздался из темноты голос Ловкача. Напарник, судя по интонациям, был бодр и уверен в себе. Оптимизм его я воспринял равнодушно. И в отличие от первой его фразы это сообщение оставил без ответа. Мне думалось о другом. Об упущенной возможности устроить сержанта в госпиталь. – Пыль эта, не знаешь, ядовитая? – через несколько минут, закашлявшись, спросил Ловкач. Я собирался пожать плечами, прекрасно сознавая, что жеста этого не будет видно в темноте, однако собрался с мыслями и ответил. В конце концов, Ловкач не был виноват в том, что подрыв произошел раньше и мы не успели снять патроны.

– Не знаю. Дыши через марлю. Должны включить вытяжку, когда – не знаю.

– Ловкач, сколько тебе? – Этот вопрос я задал спустя часа полтора. Когда понял, что от

размышлений по поводу судьбы Волкова и Москвичева мне становится все хуже и хуже. Каких-либо приемлемых выходов из положения я не видел, а сожаление и досада уже просто осточертели.

– Вот спросил. У бродяги не спрашивают про года, – изворотливо ушел от ответа напарник, заставив меня поморщиться. Сразу потянуло завязать с откровениями, однако я себя остановил. Возвращаться к мыслям о судьбе разведчиков не хотелось.

– А про что спрашивают?

Некоторое время царило молчание. Вкупе с темнотой ему бы следовало выглядеть зловещим.

– Чего ты хочешь? – наконец отозвался Ловкач.

– Война с немцами была? – решил я не упускать даже такой ненадежный источник информации. Раньше у меня их вообще не было.

– Ну... была, – помедлив, ответил Ловкач.

– Почему проиграли? – не стал я ходить вокруг да около. За что заслужил удивленное хеканье:

– Мне Тухачевский не докладывал. А меня там, сам понимаешь, не было.

– Тухачевский? – изумленно переспросил я. – А он тут с какого боку?

Ловкач с ответом не торопился. Медлил. Явственно вздохнув, все же произнес:

– Чего тебе неймется?

– Давай так договоримся. – Во избежание дальнейшего недопонимания я решил расставить все по своим местам. – Считай, что я ничего не знаю. Допустим, далеко отсюда был. Ничего не знаю. А ты мне будешь рассказывать. Без всяких там отступлений.

– Тухачевский командовал. Вот и накомандовал... Нам на голову. Два месяца в поддавки играл, а потом со всей своей кодлой рванул за Урал. Вот и песня вся.

– А-а-а... Сталин, Жуков? Рокоссовский? – Все мои знания о мире ограничивались лишь ликбезом от Юльки, информация которой была столь же ценна, как и представления о плоской земле, которую держит черепаха.

– Сталин – враг народа. Жуков... – Не знаю такого. Рокоссовского тоже не знаю. – Принимая мои правила игры, Ловкач не акцентировал внимания на том, что я не в курсе самых что ни на есть азов истории.

А я поневоле улыбнулся. Вот не повезло усатому! Сколько народу наотправлял в лагеря и на тот свет, а тут, видишь, нашелся кто-то поумнее и посметливее и прикрыл самого генсека.

– А когда Сталин врагом стал? – задал я вопрос, уже понимая, что ответ есть даже у меня. Догадаться тут не трудно.

– Ну, году так в тридцать седьмом...

Точно! Так оно и должно быть! Вечная мечта военного человека – стать Наполеоном. Товарищ Тухачевский, если мне память не изменяет, этого комплекса тоже не был лишен. Однако в моей реальности поручить ему не дали. Вождь мигом просек всех фантазеров и дал им такого пинка, что многие сумели остановиться и потерять задницу только в аду. Открыл, так сказать, сезон репрессий. Тут же, видимо, подобный номер не прошел. Интересно, отчего? Похоже, в этом мире Сталин дал маху, как и его верный пес Берия {1}.

– Расстреляли? – с нескрываемым любопытством поинтересовался я.

– А чего на него, смотреть, что ли? Тогда же, в тридцать седьмом.

Да уж. Вот так выкрутасы. Хотя почему бы и нет? Ведь проводились перевороты всяческие в Латинской Америке, хунты устраивались и тому подобное. Не думаю, что такой сценарий не мог бы пройти и на моей земле.

– Берия? – интересно ведь, черт побери! Неужели тоже?..

– Не знаю такого, – честно подумав, ответил мой собеседник.

– Ворошилов?

– Расстреляли.

Как-то сложно себе это представить. Понятное дело, что-то не так пошло в этой реальности. Не так, как у нас, в моем мире. И все же сложно.

Причем я умом понимаю, что так вполне может быть. Да что там может, так – есть. Сколько копий переломано по поводу Сталина. Мол, благо он или зло для России. Те же антифа ущербные – и они по-разному к нему относятся. И коммунисты тоже. В смысле, верные ленинцы или там сталинцы. Книжки пишут всяческие, в Интернете ушаты дерьма выливают или, напротив, лакируют и причесывают усатого грузина.

А на деле вон оно как: нет Сталина – и войну просрали. Моментом. Показатель?

– Воевал сам, Ловкач?

– Я? – В голосе послышалось неподдельное изумление. – Ты откуда такой свалился-то?

– Из будущего. – Он начинал меня злить. Какой-то неумной жаждой доказать свое превосходство, поставить себя выше.

– Ну-ну, – на этот раз протянул недоверчиво. После короткого молчания продолжил: – Не воевал. Чтоб Ловкач винтовочку за власть брал? Не бывать такому!

Ага. Ну, это кодекс такой. Не работать, дома и семьи не иметь и тому подобное. Так, кажется. Вот посмотрел бы я на тебя, вор, когда тебе товарищ Сталин с краскомом Рокоссовским сунули бы обойму от трехлинейки и в атаку отправили. Под немецкие панзеры и под гренадеров. Зимой, к примеру, в сорок первом {2}.

– Ну а вообще как все развивалось? – не мог я утерпеть. Мало того, что очень хотелось пополнить багаж знаний, так еще и скучно было просто сидеть в темноте, дышать через повязку и молчать.

– Почем я знаю, фраерок? Газеты не читаю, радио не слушаю, это мне все без интересу, – с некоторой напыщенностью отозвался напарник.

Дурацкие присказки, и поведение дурацкое. Если бы не видел я глаз Ловкача, умных и внимательных, то по манере общения принял бы его за мелкую прибалтненную шушера. Вот зачем ему так рисоваться? Явно же не для меня. Скорее всего, это его естественный режим: привык вести себя именно таким образом, прячась под маской недалекого грубого зэка. Что это не настоящее лицо – видно сразу. Маскировка у Ловкача была паршивой. Однако, судя по всему, даже этого ему вполне хватало.

Впрочем, рано или поздно защитный механизм должен дать сбой. Я демонстрировал искренний интерес, был подчеркнуто нейтрален, вежлив – и у моего собеседника не было никаких оснований запираться. Адреналиновый откат от пережитой катастрофы, чувство благодарности по отношению ко мне, единение в темноте – все эти факторы в совокупности

должны были сделать свое дело.

– Этот на голову мозговитый диктатор... танков наделал, армию напризывал. Разговоры там пошли всякие, мол, земли вернуть надо. Прибалтику, Украину. Маневры эти бесконечные. Денег прорву нужно, а где их брать-то? Колхозы разогнал, нэп заново открыл. Вроде и хорошо, однако же лапотники эти все в города побежали. Беспредельщиков развелось – мама дорогая! Тут немцы и вдарили. С поляками, румынами, шушерой всякой. Мол, завязывайте с коммунизмом своим, побаловались – и хватит.

Молчание. Я не прерывал его, понимая, что Ловкача наконец-то прорвало. Сумбур в изложении мыслей с лихвой компенсировался информативной частью. А знание, сами понимаете, – сила.

– Клоун этот, с армией своей. Дирижаблями. Что, думаешь, прям война, что ли, была? Да половина округов даже разворачиваться не стали – сдались в первую неделю. Вроде и армия есть, а на деле – пузырь мыльный. По бумажкам и по спискам – пять миллионов, а немцы, считай, пограничников сбили – и все. Нет больше сопротивления. Такая вот война была... Бон. А эти шакалы, как началось, грызню устроили. ЦК хренов. Вместо того чтобы мобилизацию объявлять, они власть делить начали с диктатором-недоумком. Вот и все, Бон. Вот тебе вся война. Три месяца, чтобы оккупацию установить. Нет других примеров в истории, чтобы за три месяца такую огромную страну захватить.

Повисло молчание. Высказавшись, Ловкач некоторое время не шевелился и лишь через минуту громко, звучно вздохнул.

– Ну, доволен, фраер?

В принципе я был доволен: узнал то, что мне требовалось. Ловкач скорее всего не заметил, однако стиль его речи под влиянием сильного душевного волнения сильно изменился. Удивительного тут мало: теряя контроль над собой, вряд ли станешь следить за используемыми выражениями. Округа не стали «разворачиваться». Вору этот термин неизвестен. Да и любому гражданскому – тоже.

– А потом что было? – Куй железо, пока горячо. Других источников информации все равно не предвиделось.

– Рабство, – жестко, словно отрубил. – Оккупация. Поделили на клочки: что своим, дойчам, что лимонникам, что отребью румынскому.

– И англичане? – Ничуть не удивлен.

– Они самые. Англичане. Кавказ вон совместно с немцами заграбастали да порты северные. Э-э-эх... – закончил Ловкач как-то неожиданно грустно.

– Поляки?

– Поляки... – Мой собеседник хмыкнул и с ожесточенным удовольствием пояснил: – Пеплом да в трубу. Кто с ними считаться-то будет, сам подумай?

Ну да. Нечто подобное я и подозревал. Нужно знать взаимоотношения поляков и немцев, чтобы исключить любую вероятность долговременного союза между этими двумя нациями. Впрочем, это в первую очередь беда самих поляков. Они всегда выступали разменной картой для Европы, но с упорством, достойным лучшего применения, постоянно лезли в любую распря. Та же Вторая мировая взяла свой старт с нападения поляков, хотя сей факт принято замалчивать.

– Ты офицер, Ловкач.

Я не спрашивал, а утверждал. Произнес со всей возможной уверенностью, не испытывая ни капли сомнений.

Он ничего не ответил. Только через пару минут, усмехнувшись, произнес:

– А ты сам-то кто будешь?

– Старший сержант.

Я почувствовал шевеление: Ловкач, стараясь производить как можно меньше шума, перебирался ко мне ближе.

– Нож у меня, – честно предупредил я напарника.

Тот застыл на месте, и стало слышно шуршание, с которым руки Ловкача производили ревизию собственных карманов. Естественно, я сделал это раньше.

Ничего не обнаружив, напарник коротко выругался в темноту и произнес с недоверием в голосе:

– Если ты из этих... какого хрена тебе вписываться за беглых?

– Я старший сержант Российской армии. В МОЕЙ действительности СССР победил в войне. Во главе со Сталиным. И вот этого дерьма не было. Понял?

Некоторое время Ловкач молчал, переваривая услышанное. Затем переспросил:

– Победил?

– Да.

Снова молчание. Я уже был готов к граду вопросов, которыми он меня засыплет. Скрывать, при каких обстоятельствах я оказался в этом мире, мне не казалось верным. Уже неоднократно приходилось давать показания, и версия моя всегда была одинакова. Наверняка Ловкач и его поделщики пробивали меня и были в курсе того, что я говорил на допросах.

Однако мой напарник отреагировал вовсе не так, как я предполагал. Не задал ни одного вопроса, ничего не уточнил и ничем не заинтересовался... Он громко и заливисто расхохотался.

Звуки, отражаясь от стен и рождая эхо, били по ушам. Слух еще до конца не вернулся, на сто процентов, но, честно говоря, я был сейчас этому даже рад. Столько в хохоте было издевки и пренебрежения. Откровенно хамского, уничижающего.

– Хватит! – не выдержав, заорал я. Нашарил под ногами кусок породы и швырнул ее в сторону смеявшегося. Клянусь, если бы он не прекратил, в следующую же секунду я сам бросился бы на него. И не факт, что ограничился бы парой-тройкой ударов. Я был вполне способен забить его до смерти.

Смех оборвался. Всхлипнув на одной ноте, Ловкач наконец заткнулся.

Почувствовав какое-то неудобство, я опустил взгляд вниз. Разумеется, ничего в темноте не разглядел, однако понять, в чем дело, труда не составило. Я до такой степени сжал пальцы в кулак, что рука, не выдержав напряжения, мелко и мелко тряслась. Что творилось со мной? Я пришел в ярость из-за того, что Ловкач не поверил в победу Советов в войне и осмеял меня?

Я закрыл лицо ладонями, чувствуя запах пыли с нотами застарелого пота, идущий от перчаток. Мне бы так хотелось спрятаться от всего мира, от того, что он делает со мной, выворачивая наружу все мои убеждения и гротескно искривляя их.

Смешно. По-детски нелепо. Ни закрытые глаза, ни темнота не смогли меня спрятать, не могли стать завесой между мной и тем, что я сейчас едва не совершил.

В пяти метрах от меня сидел человек, которого я чуть не убил за то, что он посмел не поверить в победу Советов. Давно ли я сам рассуждал о преступном режиме, ошибке сорок первого и безжалостно бил выступавших под красным флагом? Очень давно. Целых пару месяцев назад. Когда я был убежденным фашистом и думал, что никогда и никто не сумеет совратить меня с моего пути.

– Да ты просто сумасшедший. Правильно про тебя говорят – псих! Надо же... Из будущего он... Нет будущего, понял?! – неожиданно заорал Ловкач. – Ни у тебя, ни у меня, ни у кого вообще! У нас у всех НЕТ БУДУЩЕГО!!!

Он произносил еще что-то. Кричал, ругался, выплескивал из себя все, что мне просто необходимо было выслушать и запомнить. Это был тот самый момент, которого я ждал, на который выводил Ловкача. Потеряв контроль над собой, он развертывал передо мной свою жизнь, словно книгу.

Но я не мог и не хотел его слышать. Ни одно его слово не находило во мне отклика, я все пропускал мимо ушей. По-прежнему сидя на камнях и спрятав лицо в ладони, силился понять, что же происходит со мной и во что мне теперь верить.

Нас вытащили на следующее утро. Наскоро обматерили, отстранили от работы и с попутным грузовиком отправили в барак под арест, приказав дать полные объяснения старосте. Дождавшись попутки, мы под бдительным надзором двоих охранников залезли в грузовик и буквально через полчаса были в лагере.

В пути мы с Ловкачом не разговаривали. Хватит. Наговорились в шахте вдоволь.

Странные это были разговоры. Ловкач то срывался на крик, то изъяснялся вполне нормально. Нес какую-то ересь, явно выплескивая свое недовольство нынешней жизнью, а через несколько минут довольно внятно и даже интересно рассказывал о том, что меня в действительности затрагивало.

Мою версию о том, что он офицер, Ловкач напрямую не подтвердил. Впрочем, скорее всего я был прав. В минуты сильного душевного волнения в его речи проскальзывали специфические слова и выражения, свойственные военному человеку.

Ловкач с удовольствием делился со мной взглядами на нынешнее государственное устройство, внятно и подробно рассказал, по какой причине оказался в лагере. Прозаично все. Будучи убежденным вором, Ловкач орудовал в шайке, промышлявшей грабежами небольших поселений. Некоторое время дела шли неплохо. Постоянно кочуя и не слишком зарываясь, его группа добывала пропитание и более-менее прилично существовала. Ключом к безбедному и относительно беспроblemному житью стало то, что ни Ловкач, ни кто-либо из его людей никого не убивали и вообще старались насилия избегать. В этом, честно говоря, я сомневался. Не думаю, что крестьянин запросто отдаст проходимцам свое, заработанное им в поте лица. Впрочем, бог с ним.

Пока Ловкач промышлял по территориям, принадлежащим не слишком крупным и не очень богатым землевладельцам, все ему сходило с рук. Но стоило сунуться во владения Штайнера, хозяина металлургического комбината, нескольких шахт и ГОКов, как его вольнице сразу пришел конец. Их группу быстро выследили и без особых проблем взяли. Двоих подельников Ловкача застрелили на месте, а его, ввиду не очень больших прегрешений, определили в лагерь.

Рассказу Ловкача я не поверил ни на йоту. Возможно, это была действительно правда или хотя бы правда в значительной степени. Но я не верил, скажем так, принципиально. Ловкач путался в некоторых моментах, рассказывая их каждый раз отлично от предыдущего. Отказывался отвечать на уточняющие вопросы, мгновенно входя в психоз. Немудрено было понять, что это своего рода защитная реакция, попытка заставить собеседника снять неудобный вопрос и более к нему не возвращаться. В общем, что-то Ловкач скрывал, оправдывая свое прозвище, и я очень быстро потерял интерес к тому, каким же он образом в действительности оказался в лагере. Услышать правду мне в любом случае было не суждено.

Вместе с тем, следует отдать должное, Ловкач рассказал немало интересного. В частности, чрезвычайно важной была информация о том, где мы в данный момент находимся, в чьих конкретно руках. Многие поступки и решения немцев нашли свое объяснение. Металлургический комбинат и все обеспечивающие его структуры являлись прежде всего организациями, ориентированными на извлечение прибыли. Именно поэтому мне и поступило предложение вступить в местные правоохранные органы. Элементарный рационализм – использовать человека там, где он может принести наибольшую пользу. Однако мой отказ тоже не стал ни для кого трагедией: просто отправили на другую, менее квалифицированную работу, где, однако, я опять же мог принести пользу. Деньги. Одни лишь деньги ставились во главу угла.

Осмеянный патриотизм. Ловкач не был русским, как и его подельники. Себя он называл вором и ворами величал своих товарищей. С уважением, скрепя сердце, относился к тем двум ухарям, что послали нас на дело. Потому что они были в авторитете. Цвет кожи и национальность ничего не значили для моего напарника. Он даже рассмеялся, когда я заикнулся об этом и предположил возможность объединения русских для свержения оккупации. Впрочем, очень скоро я отучил его насмехаться надо мной и моими мыслями. Мы несколько раз схватывались в полной темноте, и ни одно из столкновений не закончилось в его пользу.

Ловкач тем не менее так и не сказал мне, для чего нужна взрывчатка. Впрочем, я и не упорствовал в этом вопросе. Что бы ни придумали зэки, мне в любом случае было с ними не по пути. Гораздо больше меня волновало то, что задание мы, по сути, провалили. Соответственно, и лазарета было не видеть как своих ушей. Ловкач это недвусмысленно подтвердил: нет результата – нет и ответной услуги.

Печально? Еще как! Впрочем, грустить я точно не собирался. Я умел злиться, просчитывать варианты, бороться, но не умел смириться с поражением.

Может быть, этот мир в чем-то меня и изменил. Но точно не научил сдаваться.

В период моей воинской службы на благо РФ в казарме расположения не было душевых. Хотя мы и считались образцовой частью, своеобразным вымпелом, однако, как и вся остальная мотопехота, должны были раз в неделю ходить в баню на помывку. Все остальное время гигиенические процедуры ограничивались омовениями в раковине умывальника.

А вот в концентрационном лагере для рабочих существовал отдельный помывочный блок, функционирующий не один день в неделю, а постоянно. И там были душевые кабины.

В предбаннике я как раз сейчас и находился. После насыщенного рабочего дня и трудной, отчасти бессонной ночи я вонял, как обезьяна. Вымыться было насущной необходимостью.

Никакого фурора наше с Ловкачом появление в лагере не произвело. Короткая беседа со старостой свелась к тому, что к вечеру нам следует в письменном виде дать объяснения по поводу произошедшего в шахте. До указанного времени мы с Ловкачом были объявлены арестованными с лишением содержания на один день, видимо, засчитанный прогулом.

Арест оказался профанацией. Нас довели до ворот лагеря, а затем конвоиры отправились по своим делам, ничуть не обращая на нас внимания. Таким образом, следовало считать, что истинная цель нашего «заблудились» начальству не известна и инциденту оно не придает особого значения. Что ж, это как минимум неплохо. Я не приобрел плюсов, но и в минус ничего не ушло.

Занятый своими рассуждениями, я расстегнул рубашку с нашитым на груди номером, намереваясь как можно скорее залезть под душ, хорошенько вымыться и переодеться наконец-то в чистое. Неаккуратно хлопнувшая входная дверь и слитный топот нескольких пар ног заставили меня вновь застегнуть пуговицы. Днем в помывочном блоке обычно никого не бывает. Тем более никто не приходит сюда днем толпой.

Через несколько секунд загадка разрешилась сама собой. Дверь в раздевалку распахнулась от молодецкого пинка, и в помещение резво заскочили пятеро. Двое упырей, с которыми я имел беседу на тему моего задания не далее как вчера утром, сам Ловкач и парочка внушительных гориллообразных личностей.

– Ну что ж ты так, сучонок... – Определенный мною в главари презрительно сплюнул.

Я, проводив его плевком взглядом, задумчиво провел ногой по крашеным, хорошо подогнанным доскам пола. Ребристая подошва грубого рабочего ботинка скользить не будет. Отлично. Это значительно важнее чего бы то ни было, любых слов, что сейчас будут произнесены. Я прекрасно понимал, к чему такое массовое и эффектное появление.

– Ты почему, говно, не сделал, как тебе говорили? Ты чего думаешь о себе? – накручивая свою компанию, продолжил лидер. – В игрушки играть вздумал? Так не с теми!

В руках у пришедших ничего не было. Хорошо это или плохо? Лично я бы предпочел, чтобы весь отряд завалился с дынами в руках. Ими бы они друг друга тут и поубивали. А вот так, на кулаках, пятерых завалить было для меня совсем не простой задачей. Буду ли я

решать ее именно на таких условиях?

Нет.

Я сложил руки перед собой в районе паха, одновременно доставая из внутреннего обшлага рукава отнятый ночью у Ловкача нож. Ладонь прекрасно скрывала его до поры до времени, и, смею надеяться, у меня был шанс на один удар, который станет сюрпризом для самого смелого и быстрого.

– Что молчишь, фраер? Вину чуешь за собой? Ты почему к шурфам не отвел?

Я перевел взгляд на Ловкача. Судя по всему, мой напарничек, которого я вытаскивал из пылевого облака на своем горбу, высказал версию, отличающуюся от реальности. И ничего удивительного, что в этом рассказе я стал самым главным виновником провала операции.

Ловкач глаз не спрятал. Смотрел открыто и напряженно. С фирменно, уже узнаваемо поджатыми губами. Что-то тут было не так.

Я окинул взглядом каждого из пятерых. Точно. Складывалось ощущение, что Ловкач пришел с ними и, вместе с тем, отдельно от них. Он отличался чем-то. Даже напряжение было его собственное, не общее. Гораздо более серьезное, нежели у остальных. Те явно пришли проучить лоха, переломав ему парочку костей, унизив как-то по-своему. Ловкач пришел за чем-то другим.

– Щас разговоришься. – Один из блатных сделал шаг по направлению ко мне. Синхронно с ним выступил еще один. – Запоешь, петушок.

У меня была уйма времени. Не знаю даже, какую единицу измерения применить в данном случае. Короче говоря, у меня было две секунды, которые потребовались бы моим соперникам, чтобы добраться до меня. Время это я тратил в высшей степени нерационально. По крайней мере, так могло показаться, если смотреть со стороны. Вместо того чтобы падать на колени, бежать к выходу или вставать в красивую стойку, я просто смотрел на Ловкача.

Едва шеренга колыхнулась, мой напарник мягко шагнул назад, оказываясь за спиной одного из мужчин внушительных габаритов. Рука Ловкача резко взметнулась, и я абсолютно четко увидел, как он бьет блатного заточкой. Узкое, как шило, лезвие тускло сверкнуло, отражая скудный свет электролампочек, и тут же скрылось в теле человека. Примерно там, где у всех, за очень-очень редким исключением, находится печень.

Никто не видел этого, кроме меня. Заходя с двух сторон, ребята были уверены, что и численный, и физический перевес на их стороне. Они даже не скопом кинулись, отрядили всего лишь пару. Это было фатальной ошибкой.

Обороняющийся, который четко осознает, что на него сейчас будет совершено нападение, и знает, каким образом оно будет осуществлено, всегда находится в более предпочтительном положении, нежели нападающий. Парадоксально, но это факт. С одной стороны, нападение гораздо эффективнее за счет наличия инициативы. С другой – оборона всегда имеет свой план, и он, опять же всегда, будет сюрпризом для нападающего. Иными словами, я четко знал, что меня сейчас собираются бить двое физически развитых мужчин средних лет. А вот они о том, что я их собираюсь убивать, даже не подозревали.

Подавляющее число драк начинается не с удара, а с толчка. Либо с попытки захвата. Сам удар, акцентированный и хороший, только на третьем месте.

Поэтому, когда мужчина ухватил меня за грудки, я позволил ему это сделать с

удовольствием. Затрещала материя рубы, оторвалась и отлетела в сторону пуговица. Нападающий поневоле закрыл меня собственным телом от всех остальных. Злорадно ухмыляясь мне в лицо, вниз он не смотрел.

В фильмах то, что должно случиться далее, выглядит одинаково. Главный герой по-медвежьи обхватывает противника свободной рукой, влипая в него, а вооруженной наносит удар. Куда, мать твою?! Ты же не видишь абсолютно, куда бьешь! И при этом еще толкает нож, все глубже и глубже во внутренности. Ждет, пока умирающий хрипит у него на плече, а сам мужественно смотрит в камеру. Из всего этого многообразия приемов внимания заслуживает лишь один. Надо действительно быть как можно ближе. Чтобы никто не мог видеть нож в твоей руке.

Никогда не делал ставку на один удар. Нас учили работе с ножом. Никакого снайперства и позерства. Секрет прост – бить нужно как можно больше.

Поэтому, прижатый к телу своего противника, я лишь немного повернулся к нему левым боком, открывая для поражения его живот, и заработал ножом. Со скоростью швейной машинки вонзая лезвие в плоть и совершенно не думая о том, что мне непременно следует поразить сердце или какой-то еще жизненно важный орган. Главное в любом бою – нанести как можно больший урон, и совсем не обязательно сразу же класть человека намертво.

Блатной широко открыл рот и вытаращил на меня выкаченные бельма глаз. Еще бы. Нарезанные кишки дают такой болевой шок, что выразить его криком или стоном можно далеко не сразу.

Руки его метнулись вниз, к животу, изрешеченному не менее чем десятью-двенадцатью ударами. Я же, освобожденный от захвата, сделал шаг навстречу второму нападающему. И резанул наискось снизу вверх, уже видя, как отшатывается мой противник. Лезвие вспоролو ему руку, которой он испуганно пытался заслониться.

Блатной взвыл, отпрыгивая назад, встряхнул ладонью. Капли крови широким мазком слетели на деревянный пол.

Глаза его растерянно метнулись с меня на своего недавнего поделника, что, прижав руки к животу, медленно оседал на пол. Не увидеть расплывающуюся под его ногами лужу крови мог только слепой.

– Хватит! Ты чего?! – Видимо, собираясь меня остановить, мужчина показал открытую ладонь правой руки. Именно она и была порезана.

А чего я? Разве вы не этого хотели, не крови?

Я шагнул вперед, стараясь вновь достать его руку. Резать надо то, что подставляют. Можешь добраться до тела, значит, втыкай нож в него, не можешь – калечь руки и ноги. Рано или поздно противник потеряет мобильность, и это позволит добить его.

Лезвие задело пальцы, и мужчина вскрикнул второй раз. Правильно – чувствительность тела на конечностях обострена. Этому нас тоже учили.

Вновь рука... и еще один раз... Он пытался, старался отмахнуться от меня, не подпуская к себе, но с каждым мгновением его позиция только ухудшалась. Он терял кровь и силы. Но большей бедой являлось то, что блатной задумал обороняться. Собирался сдержать меня своими изрезанными руками и не помышлял о нападении, о том, чтобы отобрать у меня нож. Защитная тактика вела его напрямик в ад.

Четвертым или пятым ударом мне удалось глубоко рассечь его запястье. Мужчина на пару секунд схватился ладонью за руку, стараясь остановить кровь, и мне этого вполне хватило. Не размениваясь больше на вспомогательные порезы, я с силой рассадил горло блатному. Не разрезал, а буквально распахал и артерию, и кадык.

Взмахнув руками, пострадавший попытался пережать рану. Куда там. Тут-то как раз как в фильмах. Кровь из сонной артерии действительно бьет фонтаном.

Обернувшись, я проконтролировал своего первого «крестника». Сжавшись в клубок, он лежал на полу в крови, и по телу пробегала конвульсивная дрожь. Судя по всему, один из ножевых ударов достиг цели и повредил нечто важное. Впрочем, насколько мне известно, ранения в живот в любом случае тяжелы: внутреннее кровотечение – штука практически смертельная, если не будет в кратчайшие сроки оказана помощь. В данном случае о помощи не может быть и речи.

Налюбовавшись делом рук своих, я взглянул на Ловкача. Со своей частью задания он также справился без нареканий. Двое других знакомых мне блатных, один из которых был чем-то вроде пахана, кротко остывали на полу. Не мудрствуя лукаво, мой недавний напарник обоих уработал сзади. И судя по всему, справился гораздо более чисто, нежели я: крови на его клиентах видно не было.

В идеале нож существует для того, чтобы резать. В открытом бою широкая резаная рана гораздо предпочтительнее проникающего удара. Не факт, что вам удастся повредить что-то из жизненно важных органов, а вот вытекающая кровь в любом случае ослабит соперника. Однако если вам посчастливилось, как Ловкачу сейчас, нанести удар сзади не ожидающему того сопернику, почему бы и не попробовать ножом печень или даже сердце? Чистенько и аккуратно. Смертельно.

– Ну? – Я требовательно посмотрел на Ловкача. Его руки дрожали. Проследив за направлением моего взгляда, мой бывший напарник спрятал ладони за спину.

Затем открыл рот, собираясь, судя по всему, ответить нечто язвительное. Передумал. Поджал губы и кивнул на мою первую жертву. Глаза его при этом были предельно серьезны, он явно чего-то от меня ждал. Причем не тривиального «добить», скорее то, что я должен был прикончить нападавшего, имело несколько другой, более глубокий смысл.

Безразлично пожав плечами, я сделал несколько шагов в сторону. Опустился на корточки, поднял за волосы голову пострадавшего и полоснул ножом по горлу. Что скрывать, мне приходилось делать подобное и раньше, да и самому видеть, как это делается. Впервые я наблюдал за тем, как режут горло, просматривая подброшенную видеокассету. Это было через две недели после того, как мы прибыли восстанавливать конституционный порядок.

– Теперь что? – Я поднялся на ноги.

– Теперь ты переоденешься в чистое. Умоешься. И мы пойдем в барак как ни в чем не бывало.

Хмыкнув, я качнул головой. Так не пойдет. Использовать меня втемную дальше непозволительно.

– Ну, хорошо, – вздохнул Ловкач, – считай это сменой власти. Устраивает?

– Теперь главный ты? – уточнил я.

Ловкач ответил кивком.

– Тогда устраивает. – Я принялся расстегивать рубашку.

Лебеди

Нельсон

– То, что я вам скажу сейчас, является нашей позицией. Совместной. И она останется неизменной. Мы не ведем переговоров, а лишь предлагаем вам вариант.

Слушавший меня Свиридов нахмурился. Я явно владел языком получше его, и лейтенант не совсем понимал то, что я говорю. Терехов, отошедший в сторону, оперся о подоконник и смотрел в окно. Лица его я не видел, соответственно, не знал, правильно ли он переводит. Да, собственно, и не важно это было. Свиридов и Терехов наделили меня всеми необходимыми полномочиями для беседы с немцем. Так что я на данный момент был главным в нашем трио.

Книппель важно кивнул и подчеркнуто внимательно взглянул на меня. Судя по всему, его слегка гротескному выражению лица и пижонской позе – закинутые одна на другую ноги, – явно он воспринимал меня не слишком серьезно.

Чувствуя, как загораются уши, я продолжил:

– Суть моей речи проста. Мы предлагаем вам сделку, которая удовлетворит обе договаривающиеся стороны.

Немец снова кивнул. Я же, мучительно переживая краску на лице, понимал, что со стороны мои потуги в дипломатии выглядят, по меньшей мере, смешно. Но перейти на другой, не столь высокопарный стиль или выразаться другими словами я просто не мог. Меня словно бы замкнуло.

– Вчера колонна Штайнера вышла в путь. Перемещение было обусловлено моей персоной. Поскольку именно я знаю, где в округе находятся одни из самых богатых залежей металлов КМА.

Аббревиатуру я, к своему собственному удивлению, произнес на русском. Просто не знал, известен ли термин немцам и в какой транскрипции будет верным его огласовывать. Насладившись чарующими звуками своего голоса, я со значением посмотрел на немца. Мол, в достаточной ли он мере проникся моей важностью и величием.

На этот раз немец кивать не стал. Отреагировал иначе:

– Мне это известно. Не знаю, какой из вас переводчик, юноша, но источник информации весьма недурной. Откровенно говоря, не будь вас, Шванендорф уже лежал бы в руинах.

Видя, что я, да и Свиридов тоже, изумленно уставились на него, Книппель счел нужным пояснить:

– О планируемой поездке в целях разведки месторождения мне было известно заранее. Неужели вы, командиры, – Книппель выразительно поднял бровь, обращаясь к Свиридову и повернувшемуся от окна Терехову, – думаете, что у меня не нашлось бы в достатке сил? Не буду пускать пыль в глаза, я действительно не располагаю крупными военными

формированиями. Однако я имею достаточное количество друзей, чтобы Шванендорф через день-другой просто исчез с лица земли.

Но в таком случае, – Книппель вежливо улыбнулся мне, – вас, юноша, мне пришлось бы искать в недрах Эйзенбурга, что, признаться, было бы обременительно.

Есть такое выражение – «шах и мат». Я испытал нечто схожее. Вся наша позиция «сверху», уверенный диктат собственных условий строились на уверенности, что мы предлагаем, а Книппель принимает. В итоге же, по его словам, выходило, что никакого сюрприза с нашей стороны нет и быть не может и ему заранее все было известно.

– Буду с вами откровенен, – продолжил немец, – у меня есть протоколы допроса юноши. И меня, уважаемые командиры, интересует именно он. В отличие от дуболомов Штайнера я не склонен считать мальчишку потенциальным пациентом психбольницы. Вы же со своими людьми – весьма грозная сила, в этом я мог убедиться на собственном опыте. Однако ваш отряд будет являться в первую очередь приятным дополнением к молодому человеку. Уж не обессудьте.

Да уж. Инициативу я окончательно утратил. Что ответить немцу, как сбить его с уверенной, железобетонной позиции, я не знал. И, что самое важное, смысла возражать Книппелю в принципе не было!

Признавая свое замешательство, посмотрел на Терехова и Свиридова. У обоих были сосредоточенные лица людей, внимательно воспринимающих информацию. Однако ни один не решился прийти мне на помощь и вставить хоть словечко.

– Рад, что вы меня понимаете. Первоначально я планирую оставить месторождение, находящееся здесь, в Шванендорфе, под вашей охраной. Оружием, как я полагаю, вы уже обеспечены в полном объеме. – Книппель улыбнулся. Выдержал небольшую паузу и продолжил, обращаясь непосредственно ко мне: – Месторождение находится непосредственно в деревне, верно?

Я кивнул.

– Тогда мои выводы правильны. Вы как подразделение, подчиненное мне, остаетесь на охране. Некоторое время спустя, не больше чем через неделю, сюда придут специалисты, которые и займутся разработкой пластов. Впоследствии, как я думаю, вам придется охранять все, что здесь окажется, – шахту, бараки, население. Без работы не останетесь.

Книппель разговаривал. Было видно, что ему собственная речь доставляет невероятное удовольствие. У него даже глаза засверкали. Между тем, самоутверждаясь, немец вполне закономерно терял влияние на аудиторию. Повествование о собственной прозорливости лучше приберечь для лакеев и рабов. Мы не были ни теми, ни другими.

– Лебеди, – прервал похвальбу немца Терехов.

– Что? – непонимающе уставился на капитана Книппель.

– Место, где мы находимся, называется Лебеди.

– Это что-то меняет? – Книппель свел брови на переносице. Ему действительно было невдомек, о чем идет речь.

– Ничего, – качнул головой Терехов – Все принимается. Но эта деревня называется Лебеди.

Помедлив, Книппель пожал плечами:

– Хорошо. Пусть так. Это все ваши условия? – Нетрудно было заметить, что немец позволил себе легкую улыбку.

– У меня друг остался там, – торопливо добавил я, – в Эйзенбурге вашем, в госпитале. Его надо забрать оттуда и к нам перевезти. Он тоже... – Запнулся на мгновение: – В общем, он тоже из будущего. И это обязательно. Что хотите делайте, но я без него вам ни слова не скажу.

Об этом я не разговаривал с Тереховым. Да и вообще разговор с капитаном был у меня один, и достаточно короткий. Итогами его недовольны остались мы оба. Так что условие я выдвигал сейчас на свой страх и риск.

Терехов на то, что я сказал, никак не отреагировал. Свиридов скользнул по мне любопытным и, как показалось мне, одобрительным взглядом. Ну а Книппель, услышав про еще одного «человека из будущего», явно не удивился. Впрочем, понятное дело – если он умудрился добыть протоколы моих допросов, то и показания Бона у него также должны быть. Взяв паузу на короткое обдумывание, через несколько секунд он довольно решительно ответил:

– Хорошо. Я посмотрю, что можно будет сделать.

– Алексей. Клыков Алексей. – Здравствуй, с которым я недавно свел знакомство, открыто, широко мне улыбнулся во все тридцать два и протянул громадную, как лопата, ладонь.

Я назвал и ответно протянул руку, ощутив немедленно крепкое мужское рукопожатие.

Клыков, удовлетворенно хмыкнув, подмигнул мне и тут же придал себе официальный вид:

– Дело такое – товарищ капитан приказал стеречь тебя и глаз с тебя не спускать. Поскольку, выходит, ты у нас главное сокровище. Чуть что случится, отвечаю за тебя головой. Усек?

– Усек, – кивнул я, удивляясь столь странному описанию функций охранника. Что уж тут, давайте начистоту, – особо мне никто не верил, и по деревне, похоже, передвигаться мне придется под чьим-либо надзором.

– И еще, парень, так тебе скажу – работы у нас край непочатый. Хоть ты и золотник дорогой, однако потрудиться придется. Ты сам-то как, к работе привычный?

Я снова кивнул, не рискуя разочаровывать гиганта. Работа, она ведь разная бывает. В чем-то я спец, в чем-то не очень, а вот к труду руками я совершенно не приспособлен.

– Без обид, конечно, но держаться тебе рядом со мной надо будет постоянно, договорились?

– Заметано, – в третий раз кивнул я.

– Ну и отлично. Тогда сейчас – перекус, а потом, пока время свободное, поучишь меня. Обещал, помнишь?

– Помню.

Обед предполагался на свежем воздухе. Коллективный. Под сенью каких-то фруктовых деревьев, в которых я разбираюсь слабо.

Тут были несколько столов, составленных вплотную, лавки и стулья. Судя по тому, что за этими столами уже расселись несколько человек, подошли мы вовремя.

– Сюда давай, – показал мне место Клыков, и я опустился на стул, чувствуя себя не совсем уверенно. Мне в принципе непросто сойтись с человеком, а тут – целая группа, да и... ну, в общем, понятно. Разные мы совершенно.

Между тем то ли чувствуя мою скованность, то ли по иной какой причине бойцы прекратили разговоры. Стараясь стать незаметным, я опустил глаза, делая вид, что чрезвычайно заинтересован простецкой ложкой и глубокой тарелкой.

– Андрей Симаков. – Вскинув голову, я увидел, что один из бойцов, постарше меня с виду, привстал со своего места, перегнулся через стол, подавая руку. Я поднялся со стула и пожал протянутую ладонь, ответно представляясь. Это будто бы сбило напряжение. Обмен рукопожатиями, имена, короткие емкие фразы. Мол, здорово ты его вчера. Ага...Здорово. Я кивал, улыбался в ответ, называл свое имя, пожимал плечами в притворном смущении. И думал о другом. О том, что здороваюсь сейчас с парнями, которые давным-давно легли в сырую землю. В сорок третьем. Почти семьдесят лет назад.

Глупо, конечно. Я и сам – покойник. Вот только о себе так думать не получается, а о них – пожалуйста. Я никак не мог отделаться от этого странного чувства, что никак не покидало меня. Ответ на немудреную шутку, и тут же щелкает в голове – мертвый. Он мертвый за чертову уйму лет до меня.

Это – как иконы оживают. Все то, что ты привык чтить на расстоянии, – ежегодный парад, Родина-мать, Поклонная гора, «вам, павшим в боях за Родину...». Вот они, передо мной сидят. Молодые, здоровые парни, что улыбками и простецкими разговорами стараются разогнать мое стеснение.

И нам поговорить вроде бы есть о чем. Я бы с удовольствием послушал их фронтовые байки и рассказы. А они? Как они воспримут то, что я рано или поздно обязан буду рассказать им?

Эта тактичность их, она ведь до времени. Сейчас начнем трескать что нам там принесут, борщ, щи, не знаю. И кто-нибудь под горячее возьмет и спросит меня, мол, как там, в светлом будущем? Построили коммунизм-то, потомки? И глянет так, вроде бы и не значит для него ничего вопрос и не сомневается в ответе, а вот в глазах я нешуточное ожидание прочту. Тщательно скрываемое опасение, что все они, весь их взвод poleg зазря.

Что же мне делать?

Черт побери, как же глупо это все! Меня надо было в камеру какую-то спрятать, запереть ото всех, кормить раз в день, и чтобы я потихоньку сведения свои ценные выкладывал. Куда ты влез, капитан, с доверчивостью своей?! На хрена отпустил, с бойцами своими есть послал, сам толком не допросив? Тебе ведь страшно стало и противно от моего общества лишь после того, как я про полтора года войны сказал. А что бы почувствовал ты, узнав, как мы распорядились плодами победы, как мы живем?!

– Я пойду. Нездоровится что-то, и есть не хочу. Извините. – Я торопливо поднялся под удивленными взглядами бойцов, отошел от стола и застыл, чуть ли не хлопнув себя по лбу. Обернулся к Клыкову и, чувствуя, как губы растягивает жалкая и заискивающая улыбка, проговорил:

– Можно, я тут где-нибудь на лавке посижу. Никуда не уйду. Точно. Обещаю.

Клыков, переглянувшись с остальными, ровно так же не понимающими ничего, ответил:

– Ты не дури, парень. Чего едой-то брезгуешь? Или с нами сидеть не желаешь?

– Нет-нет, – торопливо, искренне боясь, то бойцы обидятся, зачастил я, – живот скрутило. Не хочу есть. Плохо мне. Плохо, блин, понимаете? – выкрикнул.

Развернулся и торопливо, чуть ли не бегом, направился по тропинке, обходя дом.

Это было решение, порожденное отчаянием. Не могу сказать, что я не склонен к рефлексии. В то же время это не самое мое любимое занятие. Но дальше тянуть, постоянно тербя себя и терзая, было нельзя. В полной уверенности – будь что будет! – я зашел в дом, демонстративно кивнул находящемуся на первом этаже солдату:

– Командиры у себя? Наверху?

Боец, ничуть не сомневаясь в моем праве спрашивать, указал рукой:

– Да, наверху все.

Я решительно взбежал по лестнице, касаясь перил рукой, и после короткого стука отворил дверь комнаты, в которой не так давно мы все сообща принимали немца. Перешагнул порог и остановился, увидев, что сидящие за столом командиры прервали собственный разговор в связи с моим появлением. Да уж. О том, что могу им помешать, я как-то не подумал. Впрочем, отступать смысла не было. Если уж набрался храбрости, то следует идти до конца.

– Товарищ капитан... лейтенант, – переводя взгляд с Терехова на Свиридова, я запнулся. Третий военный, сидящий с ними рядом, мне был не знаком. В смысле, имени его я не знал, а в лицо, конечно, помнил. Лицо, кстати говоря, кавказской национальности, в полном смысле этого слова.

– И... и вы тоже, товарищ, – теряясь, попытался я хоть как-то поименовать его. – Мне нужно поговорить с вами. Или с вами, товарищ капитан. Я не знаю, как будет правильнее. Я хочу рассказать вам о будущем.

– Сейчас не самое лучшее время, – покачал головой Терехов, – давай дождемся вечера, соберутся все бойцы, а ты как раз подготовишься. Устроим митинг, настроение поднимем ребятам...

– Нет! – прервал я капитана. – Тут все неоднозначно очень. Вы командиры, вам я и расскажу, а им – увольте. Потом сами расскажете или я доведу – это как решите.

Капитан с лейтенантом и третьим, неизвестным мне по званию и фамилии, переглянулись. Не дожидаясь их окончательного вердикта, я обошел стол так, чтобы видеть всех троих. И принялся за свой рассказ, от отчаяния совершенно неправильно строя фразы и коверкая предложения.

– Перед тем как вы все услышите, я хочу предупредить, что я родился через сорок лет после того, как закончилась война. Я был ребенком, когда произошло то... ну, то, что произошло. В общем, вы просто послушайте меня. А потом будете судить, ну, или расстреливать, как вам захочется.

Едва закончив с одной фразой, я торопливо выпулил другую. Чтобы у них не нашлось

ни времени, ни желания меня прервать:

– В сорок третьем, осенью, войска РККА форсировали Днепр. Потом... да, собственно, какая разница! Победа была добыта весной сорок пятого, когда мы... в смысле вы взяли Берлин. Второй фронт открылся только в июне сорок четвертого. К тому времени четко стало ясно, что СССР одолевает. Тогда, чтобы не допустить Советы в Европу, американцы, англичане и канадцы высадились в Нормандии. Вот такая история. Они шли с запада, мы с востока.

Я сделал паузу. Что-то мешало мне. Мой взгляд метался по лицам сидящих людей. Привычно монументальный, отрешенный Терехов. Напряженно смотрящий, замороженный Свиридов. Третий военный, недовольно хмурающийся, недоумевающий. Стоп. Я понял.

– На вас форма была другая... почему сменили? Товарищ лейтенант? – Мне это резало глаз. Вместо вермахтовской гимнастерки с клеймом щита РОА на Свиридове была форма одного из тех, кто конвоировал меня. Зелено-серая вариация.

– Я... я так захотел, – застигнутый врасплох моим вопросом, развел руками. Будто бы за помощью, повернулся к Терехову. И капитан совершенно неожиданно за него заступился. Сидя на стуле, внимательно глядя на меня, скрестив руки на груди, он ответил:

– Лейтенант со своим отрядом встретились нам, когда мы выполняли задание в тылу. Они приложили все силы, чтобы помочь нам. Мы погибли вместе. Как солдаты Рабоче-крестьянской Красной армии. Здесь мы останемся ими же.

Я кивнул, принимая ответ. Понятно... хотя какое, к черту, «понятно»!

– Так вот, война окончена, восстановлено все хозяйство, все кредиты выплачены. Та же Европа замучилась выплачивать, вся легла под США, а разрушенный Союз все до копеечки отдал! Пятьдесят третий, Сталин умирает. За ним – Хрущев. В смысле, наследует. И тут вдруг получается, что Сталин плохой! Исказил он, понимаешь, линию Ленина, народ тут на смерть посылал, в ГУЛАГе гноил всех подряд. Но это ладно еще. Это цветочки. Через сорок пять лет после победы СССР разваливается. Понимаете? Не в результате войны или еще каких катаклизмов, а просто как бы сам собой. Выясняется, что мы неправильно коммунизмом занимались, зазря его строили, надо было капитализмом увлекаться. И это с трибуны говорят – главные лица государства...

– Что? – Незнакомый мне военный вскочил-таки со стула. С какой-то горячечной беспомощностью оглянулся на Терехова. Капитан сидел словно скала, с ничего не выражающим взглядом, все в той же позе, и на его высоких, обтянутых кожей скулах вспухли желваки. Кавказец вновь повернулся ко мне и потряс в воздухе сжатыми кулаками. – Что ты несешь?!

– А то! – неожиданно выверившись, выкрикнул я. – У нас учебники были, понятно?! Там черным по белому написано – победа кровавая, тиран Сталин, да и Хрущев тоже тиран, и Брежнев бестолковый. Это все принимаешь за чистую монету: ведь учебник, в школе так учат, везде говорят об этом. В телевизоре, в газетах, книгах, журналах! Уже потом, когда в голове что-то появляется, в Инете копаешься – и глаза на лоб лезут! Оказывается, во время Сталина-то оправдательных приговоров было в десять раз больше, чем сейчас, когда я живу! Что ж за тоталитаризм такой? Смотришь на эти чистки пресловутые, а там большинство оказываются не то что посаженные, а просто из армии уволенные! Реабилитированных

сколько, через год, через два – уму непостижимо! Да и бог с ним, со Сталиным-то, давно это было. Но вот вы мне сейчас рассказали, а я же читал воспоминания фронтовиков всяких, сколько передач смотрел, и везде, всегда: мол, власовцев расстреливали сразу же. Прямо моментально. И снова литературу открываешь, и волосы дыбом встают. Если вы расстреливали всех, так откуда же заключенных столько, откуда отфильтрованных столько взялось?!

Почувствовав, что фактически ору, я замолчал. Эхо от последних слов метнулось по комнате и затихло.

Трогает ли их то, что я говорю? Или до них просто не доходят эти слова, скатываются, как вода с птичьих перьев?

На живом, переменчивом лице кавказца отражалась буря чувств. Непонимание, недоверие, злоба и ненависть по отношению ко мне, мгновенная растерянность. Они сменяли друг друга, как картинки слайдов, прогнанные в ускоренном режиме. Он то и дело оглядывался на капитана, будто бы ожидая команды, готовый в любую секунду броситься на меня и разорвать в клочки.

Каменный Будда Терехов санкции не давал.

Побелевший, словно мертвец, Свиридов сидел, положив ладони на стол.

– Ложь, понимаете? – устало продолжил я. – Мы живем в мире, в котором не то что коммунизм-капитализм, мы живем в мире, которым правит ложь! Нам врут на каждом шагу, по сто раз на дню, врут по устоявшейся привычке. Может, это и смысла даже не имеет, но все равно тебе соврут. Я рос на американских мультиках и кино. Понимаете? И, главное, ты фильм смотришь, один, другой, третий, и тебя как прозрение какое настигает – они же одинаковые. И мультики с одним и тем же сюжетом, и фильмы. И тут тебе попадаете что-то старое, советское, так ты от экрана оторваться не можешь. Те же «В бой идут одни старики...», да неужели ты будешь «Терминатор» пересматривать столько, сколько ты про летчиков этих смотрел? Как будто глоток какой-то свежего воздуха: ты на экран смотришь, а у тебя душа поет. Потому что ты им всем, тем, кто играет там, тем, кто погибает вроде бы понарошку, ты им веришь.

Я сделал небольшую паузу. Отодвинул стул и опустился на него. Кавказец ожег меня пламенным взглядом карих глаз:

– Почему американские? Что, своих нет?

Поразительно, но в его вопросе звучало вместе с недоумением какое-то странное понимание. Будто бы он уже предвидел ответ. Впрочем, может, я и выдавал желаемое за действительное. Ведь мне, еще и самому не до конца осознающему, что я говорю, страстно хотелось, чтобы смысл речи дошел до бойцов.

– Есть. Знали бы вы, с каким восторгом начинал смотреть новые фильмы про войну... И после каждого сеанса выходишь из кино и думаешь – ну ничего, следующий-то лучше будет. А следующий – такое же говно. Из раза в раз. Там пусто. Мыльный пузырь, где, кроме картинки, нет ничего – ни чувств, ни правды, ни смысла.

Последовав моему примеру, задавший вопрос мужчина тоже сел.

– И потом дошло до меня. Все очень просто. Мы – совершенно другие. Мы выросли на американской культуре, на Интернете и на MTV. Этого оказалось достаточно, чтобы

перестать понимать вас. Чтобы забыть вас.

Мне тяжело было это говорить. Но иначе нельзя. Я подводил именно к такому выводу, и теперь мне следовало озвучить его, нанести последний штрих на завершенную картину моего мира.

– Нет, мы не отказались от ваших подвигов и от ваших жертв. Но мы совершенно разучились понимать, зачем и во имя чего они были. Мы Девятого мая парады устраиваем, шествия всякие, венки возлагаем к памятникам, смотрим несколько новых военных фильмов и забываем о вас еще на год. О погибших и об оставшихся в живых. В Германии ветеран войны получает в десять раз больше пенсию, чем у нас такой же старик.

Я думал, что сейчас кавказец снова вскочит и бросится на меня. Без дураков – порвет на тряпки. Но он молчал. Удивленный, я бросил взгляд в его сторону и внутренне содрогнулся. Он смотрел на меня, не скрывая презрения и гадливости.

Превозмогая себя, я продолжил:

– Вот вы сказали про то, что вам помогли и теперь лейтенант с вами, а ведь у нас менты друг друга пожирают, как Гидра. Подставляют, ловят, сажают. Да к черту бы их, мусорню эту... Мы ведь народ, у которого врагов не существует! Вот вы немцев ненавидели, верно? Что тут скрывать, это понятное дело! Но в сорок пятом в Берлине из своих котлов кормили гражданских... да по всей Германии это происходило! Ни расстрелов внесудебных, ничего, хотя сами дойчи прошли по нашей земле знатно... не мне вам это объяснять. Однако у вас вышло как-то правильно: имея врага, которого вы всей душой ненавидели, вы побеждали его, а не уничтожали. А у нас врагов нет. Вернее, нам объявляют: мол, так и так, есть ваххабиты-террористы. Вот они – враги. А какой это, к черту, враг, если все знают, откуда ваххабиты-террористы деньги на войну получают, видят их на улицах города, знают, где их дети учатся и отдыхают! У нас понарошку все, понимаете? Как в мультиках тех же... не по-настоящему.

Я глубоко вздохнул, переводя дух.

– В общем, я из такого мира. Не знаю, насколько вам понятно стало из моей речи, но я совершенно другой. Считать своим вы меня никогда не будете... я так думаю. Ваше дело, прощать меня или... хотя как прощать... я-то особо не сделал ничего. И в этом тоже, наверное, виноват. Но обманывать вас не хочу. Если желаете, я уйду. Расскажу перед тем, разумеется, все, что вам может понадобиться. Вот. Решайте.

Для описания того, что я почувствовал, выговорившись, лучше всего подходит определение «пустота». Вместе со словами я исторг из себя грязь, что сидела во мне, и сейчас, в данный момент, мне было восхитительно легко. Это позволяло без всякого стеснения смотреть в глаза воинам.

Боялся? Нет, ни капли. Я бы безропотно принял любое их решение. У них было на это право – карать меня или миловать. Не в силу того, что они были вооружены и их было больше, как бывает это во всех фильмах и книгах. Нет. Свиридов, Терехов и неизвестный мне кавказец были лучше меня, честнее и правильнее. Со всеми своими грехами и недостатками. По одной-единственной простой причине. Они погибли победителями, несломленными и непокоренными. И именно в таком качестве попали в этот мир-отстойник. Я же, в силу объективных причин, представлял собой побежденных.

– А немца ты убил сам, своими руками, – неожиданно напомнил мне кавказец. Говорил он достаточно чисто, хоть и с акцентом. С тем самым коверканьем речи, который я привык воспринимать с настороженностью. Не будучи столь же рьяным поклонником расовой чистоты, как Бон, я тем не менее прекрасно представлял себе, что такое диаспоры и сколь велико их деструктивное воздействие на общество. – Он что же, тебе врагом не был?

Чего угодно я ожидал от него. И драки, и слов оскорбительных, но только не этого вопроса. А и в самом деле, разве не хотел я убить лейтенанта? Разве не решимость победить и застилающая ум ненависть помогли мне справиться с ним?

– Был, – вынужденно согласился я. И тут же, словно желая оправдаться, продолжил: – Но это другое. Совсем другое. Это здесь, здешний враг, понимаете?

Кавказец удивленно кхекнул и вопросительно поднял брови. Ему явно было невдомек. Я перевел взгляд на Терехова, явно ждущего ответа, на прищурившегося Свиридова.

– Он хотел, чтобы я учил «Майн Кампф», – произнес я, думая, что тем самым все объясняю, – учил и пересказывал ему.

– Ну и?.. – поторопил меня кавказец.

– Я сказал ему, что испытываю сожаление из-за того, что он не познал позора оккупации и его страна не потеряла в войне семь миллионов военнослужащих – так, как это было в моем... в нашем мире.

Снова молчание. Видимо, и этот краткий рассказ не удовлетворил моих собеседников.

– Он сказал, что я смешон со своими мыслями. А потом, когда мы подъехали к вашей территории, когда стали видны плакаты... ну, я рассказывал это...

Взглянул на Терехова, но тот сидел, будто воды в рот набрал. Видимо, мне следовало посвятить в детали последних дней моей жизни и остальных бойцов.

– Мы подъехали, и он посчитал, что я заодно с вами. Что в ловушку их завел. Ругаться начал, но мне удалось убедить его... что если уж он такой весь из себя, то пусть не постыдится схватиться с недочеловеком на кулаках. А до этого мы тоже с ним столкнулись, когда я форму не хотел переодевать. В общем, он срубил меня. Грамотненько. Вы не думайте, там, на поляне... я ведь слабее его был, он вообще хороший рукопашник. На голову выше меня.

Я ничуть не кривил душой. Лейтенант был отличным боксером, и шансов у меня в открытом противостоянии с ним практически не было.

– Мне просто убить его надо было. Понимаете? За всю ту хрень, что здесь творится, за то, что я видел в деревнях местных. Не знаю, как вам объяснить... – Мысли путались в голове, пока карие, жгучие глаза кавказца, упорно смотрящего на меня, не подсказали ответ. Я знал его. Но не решался высказать. Что-то мешало мне... Мораль или принципы, оставшиеся от прошлого. Желание не высовываться и быть как все, прятать под маской отстраненности оценку происходящего.

А не послать ли это все к черту? Другой мир – другие правила!

Смирившись с очевидным, я кивнул:

– Да. Это враг был. И я его ненавидел.

Обвел взглядом собравшихся за столом:

– Решайте.

На некоторое время воцарилось молчание. Совершенно неожиданно я заметил, что два окна открыты и в комнате отчетливо пахнет сиренью. Будто бы раздававшиеся ранее звуки моего голоса отпугивали этот аромат и не позволяли его почувствовать.

Первым совершенно неожиданно ответил Свиридов. Посмотрел на меня и уверенно покачал головой:

– Сын за отца не отвечает вроде как. Не я это сказал, но это правильные слова. Так что мне не за что судить тебя и не за что прощать.

Кавказец, еще и не дослушав, рывком поднялся со стула и подошел ко мне. Сверкнул глазами и... с улыбкой хлопнул по плечу. Протянул для рукопожатия открытую ладонь:

– Рустам Диляров.

Машинально я пожал ее. дождался еще одного ободряющего хлопка и перевел взгляд на Терехова. После не слишком удачного разговора с капитаном я его не то что побаивался, скорее не знал просто, чего от него ждать.

Капитан почувствовал, как от слов Свиридова лицо перекосило недовольство. Секунда, и он снова сумел взять себя в руки. В который раз уже. В который раз лейтенант лезет вперед!

Растрогал мальчишка? Так что с того, слышали истории послезливее. Сам Терехов при желании мог бы поведать такое, что в истерике зайдешься, не только пожалеешь. Сколько такого таили глубины памяти... фотографии в дрожащих руках, мольбы, уговоры. Воспоминания о детях, семьях, о том, что рабочий и его силой загнали в Россию. Им не верил. Не верил и не жалел.

А этому, если и поверить, так с чего исполниться человеколюбия? Слышали ли вы вообще, что говорил он? Каково слышать такое от потомков, от тех, ради кого сражались и гибли?

Капитан не был жесток сверх меры. Но и всепрощающим библейским персонажем тоже не являлся. Какую цель преследовала произнесенная исповедь? Отпущение грехов? Так он не бог, чтобы судить, и не трибунал даже.

Терехов волен был определять лишь один-единственный момент: может он верить мальчишке или не может. Это чувство локтя в бою, это вопрос доверия. Можно ли опереться на того, кто рассказал тебе, из какого мира он свалился на твою голову?

Ты вынужден будешь доверять ему, прислушиваться к его мнению и советам. Зачислить в состав подразделения, давать ему приказы, которые он обязан будет исполнять. И если с этого боку подойти к вопросу, нужно ли торопиться с принятием решения?

И ладно Диляров. Ему-то что: убил немца – так свой. Простая душа. А вот Свиридов... Не вполне доверяя лейтенанту, капитан в каждом поступке его склонен был искать подводные камни. Что в этот раз? Выражение чувств, своего личного отношения или перехват инициативы? Уже не первый раз Свиридов подает команды, которые принимаются к исполнению его, капитана, бойцами. И не беда бы, коли б эти самые приказания были согласованы с Тереховым. Так ведь нет этого!

Как рассматривать очередной демарш Свиридова?

Командир у группы должен быть один. И это он, капитан Терехов. Какие-либо

разброды и шатания – верная смерть для горстки разведчиков.

Что же касается мальчишки, то выносить окончательное решение было слишком рано. Раскаяние – это хорошо. Осознание своей вины – тоже неплохо. Но Терехов предпочитал, чтобы все сказанные слова проверялись на деле. С винтовкой в руках. Действиям и реальным результатам капитан верил гораздо больше, чем слезам и мольбам.

– Иди, пообедай с бойцами. Потом в распоряжение сержанта Клыкова поступаешь, будешь делать, что он скажет. Языком не трепи про то, что нам сейчас сказал. К вечеру, в пять, явишься, будем думать о том, чего сегодня наговорили с фрицем. Вопросы?

Дождавшись от мальчишки привычного ответа про отсутствие вопросов, Терехов посмотрел на оставшихся офицеров. Несколько секунд он колебался, но внешне это было совершенно не заметно. Капитан привык скрывать свои чувства под маской отрешенности.

– Товарищ лейтенант, это подразделение имеет командира. И вопросы о том, кто кого прощает или не прощает, находятся в моей компетенции. Это понятно?

Свиридов, вздрогнув от резкой отповеди, смерил Терехова взглядом. Кивнул:

– Так точно.

– Я не хочу возвращаться вновь к этому, лейтенант. Если мое командование не нравится, путь открыт на все четыре стороны. Но подумай, нужен ли ты кому-то здесь!

Свиридов, недовольно качнув головой, тем не менее ответил кратко:

– Нравится.

– Тогда хорошо. Будем думать, что нам делать дальше.

– Так это мальчишка, товарищ капитан! – Свиридова все же прорвало. – Это мальчишка, который на моих глазах убил немца, выйдя с ним один на один. Без всякой надежды на спасение! Этим он что, не достоин быть среди нас? Да плевать, что у него за плечами!

– Да, он убил его голыми руками. И я это тоже видел, лейтенант, – в противовес Свиридову, Терехов сохранял холодность и отстраненность. – Когда он сделает это еще десять раз, убьет еще десять фрицев, тогда я буду относиться к нему по-другому. Так, как к тебе.

Свиридов, встретив с нервной усмешкой отповедь Терехова, недовольно покачал головой. Посмотрел на стол:

– Вряд ли он ждет подобного отношения, товарищ капитан.

Нельсон

Вернувшись, я застал за столом одного лишь Клыкова. Здоровяк сидел, задумчиво уставившись куда-то вдаль, и заметил меня далеко не сразу. Я подошел ближе и устроился на скамейке, напротив него. Переведя на меня взгляд, Клыков вздохнул, молча поднялся, и, направившись к дому, вскоре исчез за дверью черного хода.

Машинально стряхивая со стола крошки, оставшиеся от обеда, я старался разобраться в себе. То, что мне полегчало после моего сольного выступления, понятно. Все же хорошо это – перекинуть на других свои собственные горести и сомнения.

Считаю, я честно поступил. По отношению к себе и к тем, кто спас меня, не дал

фашистам разрезать мое брненное тело на мелкие кусочки. Но в то же время мои признания, так беззастенчиво и сумбурно выложенные, с определенного времени становились заботой Терехова и Свиридова. Именно с момента, как они их услышали. Теперь капитану и лейтенанту предстояло решать не только что делать со мной, но и о чем рассказать бойцам, а о чем стоит молчать. Наверное, не слишком просто принять решение.

Клыков вернулся через несколько минут. В руках у него был солдатский котелок – напоминающий большую флягу, закрытый сверху крышкой. Посудину парень поставил на стол передо мной, задумчиво посмотрел, почесал в затылке и вынул из кармана ложку.

– Держи. Себе я еще найду. Наговорился?

Приняв столовый прибор, я подвинул к себе котелок. Не то чтобы привычно, но без особого труда открыл его и размешал ложкой запаривший борщ.

Поднял глаза на парня:

– Наговорился. Я так понял, что в отряде буду. В твое распоряжение попадаю. Как мне к тебе обращаться?

– «Товарищ сержант», известно как, – улыбнулся весело Клыков, – а у вас что, в будущем, звания другие?

– Нет-нет, – поспешил ответить я, – такие же. Просто я не знал про ваше, товарищ сержант.

– Алексей, – покачал головой Клыков, – сержант для строя или для боевых. А так зови Лехой, чего мудрить-то! Ешь, – заметил он мой жадный взгляд, что раз за разом соскальзывал с его лица на котелок, – ешь, потом наговоримся еще.

Напутствовав меня и предупредив, что скоро вернется, Клыков ушел. Я же сразу заработал ложкой. С утра меня никто не кормил, и, получается, обед в себя включал и завтрак. Плюс еще и понервничал. Это как нельзя больше способствует проявлению аппетита, по крайней мере, у меня.

На некоторое время заботившие меня мысли удалось отогнать прочь. Терзания морального плана оказались пшиком по сравнению с обычным голодом. К тому же борщ был вкусен. Без майонеза, сметаны и даже без хлеба, который почему-то забыл мне выдать Клыков.

– Занимался чем? – Важно было выяснить, чтобы сориентироваться, что конкретно показывать и на чем базировать технику. Упаси боже, я не мнил себя великим бойцом: знал лишь кое-какие азы. Тем не менее некоторые моменты наверняка были бы откровением для ребят. Та же нехитрая встреча в ногу, что я продемонстрировал с немцем, настолько заинтересовала Клыкова, что он счел ее каким-то чудом.

– Не-а, – покачал головой Алексей и усмехнулся, подмигивая, – хватало, знаешь, и так.

Затем, явно похваляясь, сержант сжал кулак и продемонстрировал его мне. Это, конечно, внушало. Но, думаю, и сам Клыков понимал, что далеко не все в бою решает размер кулака. Иначе бы он не попросил меня показать тот самый, видимо, ставший уже знаменитым в узких кругах прием.

– Там боксер был. Но в принципе это не важно. Давай, с места медленно бей меня рукой. Правой, левой, не важно. Только медленно.

Хитрости тут никакой не было. Собственно, как и секрета. Простая левосторонняя стойка. Достаточно лишь немного отклониться назад, перемещая вес тела на правую ногу, а левую поднять на уровень колена соперника. Естественно, сделать это в тот самый момент, когда он постарается вас ударить рукой.

– Ого! – Алексей, колено которого уперлось в мою стопу, забавно промахнулся, провалился и еле-еле удержал равновесие, чтобы не упасть. Бей он в полную силу, мало того, что обязательно оказался бы на земле, еще бы и ногу не уберег.

– Так это левой, а правой если? – Алексею действительно было интересно. Я пожал плечами и повторил тот же самый трюк. Бить руками совсем не сложно. Но в любом случае при длинном ударе ты просто вынужден выставлять вперед опорную ногу, на которую придется вес тела. И именно эту ногу я и встречал своим, по сути, контрударом.

Попытавшись пробить прямые правой и левой, раздухарившийся сержант перешел к боковым, которые он исполнял, пожалуй что, ближе к свингам. В любом случае смена тактики ему никакой пользы не принесла. «Ахиллесовой пятой» так и оставалась нога, которую я встречал.

Испробовав различные варианты, Алексей все же вынужден был остановиться. Поморщившись, он шутливо поднял руки. Затем, согнувшись и весело посматривая на меня, парень принялся растирать коленку, приговаривая при этом:

– Хитер, хитер, чертяка. Ну как, видели? – Последнюю фразу сержант произнес для троих бойцов, стоявших невдалеке и увлеченно наблюдавших за нашими занятиями. Дождавшись энергичных шутливых ответов, Клыков весело мотнул головой и предложил:

– Ну, дальше давай?

– Чего дальше? – несколько опешил я. – Договаривались на один приемчик!

– А ежели немец буром прет на тебя? А ты не успеешь вот эту свою хитрость проверить, что делать будешь?

– Слушай, – попытался я урезонить сержанта, – глупости это, сейчас еще что-то показывать. Есть же множество всяких школ и дисциплин. Борьба, боевые, смешанные стили, всего и не перечислишь! Как я тебе сейчас что-то покажу? Это же комплекс, понимаешь, его надо полностью изучать, решать, что тебе нравится, что нет!

– Вводная такая, боец! Немец прет на тебя, а ты про свою эту хитрость забыл! Поехали! – Алексей махнул рукой, будто отметаая все возможные сомнения. Затем, скорчив какую-то гримасу, сержант действительно пошел на меня, широко раскинув руки, видимо, собираясь заграбастать в объятья.

На принятие решения у меня была буквально пара секунд. Так что никакого многообразия, никакой многовариантности. Только то, что не раз проверено и отработано.

Знаете, не советуют работать ногами в драке выше ног противника. В целом я согласен, однако и у этого правила есть исключения. Если вы серьезно занимались восточными единоборствами, подразумевающими активную работу ног, то скачите ради бога. Ну и, на мой взгляд, у любого более-менее физически подготовленного человека должен быть в загашнике один-два отработанных удара ногами.

Поэтому, как только сержант начал движение, я автоматически встал в чуть более короткую стойку. И через секунду, резко выпрыгнув, распрямил левую ногу, нанося

своеобразный мае гири – прямой удар ногой, но только в прыжке.

Носок ботинка четко пришелся в солнечное сплетение сержанту. Блестяще. Идеально. Брависсимо. Отпрыгнув после удара, кляня себя последними словами, я с испугом посмотрел на богатыря. Клыков застыл на месте и, выпучив глаза, силился вздохнуть, лицо его стремительно краснело.

– Дыши-дыши, только потихоньку, маленькими порциями, – тут же пришел я на помощь и положил руку на плечо сержанту, – дыши давай, только аккуратно, медленно!

Исполняя мои рекомендации, Клыков вдохнул, не торопясь, и выдохнул. Еще раз. Затем, выполнив уже более глубокий вдох, закономернo закашлялся и скрючился, громко перхая.

Да уж. Тренировка закончилась весьма печально. И неизвестно, чем мне еще откликнется моя инициатива. Вообще, конечно, я сам дурак. Удар, хоть и отработанный, все равно при этом опасности своей не теряет. Не следовало мне так делать. Отводя глаза от Клыкова, которого сотрясал глубокий кашель, я наткнулся взглядом на группу бойцов-зрителей. Теперь их было уже четверо, и один из ребят, совершенно не стесняясь, показал мне оттопыренный большой палец. Остальные так и вовсе чуть не покатывались со смеху.

Тем самым они меня совершенно сбили с толку. Переводя взгляд с них на прокашливающегося Клыкова, я силился понять, в чем же дело. Вроде бы смешного тут мало, и я более склонен был считать, что мне вообще сейчас достанется от всей шоблы за некорректно проведенный спарринг.

– Что, сержант, пошел стричь, да сам стриженным? – задорно крикнул кто-то из четверых, и они все вместе просто-напросто грохнули со смеху.

Клыков, наконец-таки распрямившись, посмотрел на меня, вытер ладонью рот и удивленно-озадаченно кхекнул.

– Хорош... хорош, ничего не скажу. Молодец! Спасибо! Давай пять! – Совершенно неожиданно сержант улыбнулся и протянул мне руку. Машинально я пожал ее, а Клыков, встряхивая энергично мою ладонь, вдруг выкрикнул в сторону зрителей:

– Яковенко, иди сюда! Теперь с тобой попытаем!

– Ага, разбежался! – донесся ответ.

Обернувшись, я успел увидеть, как все четверо, не сговариваясь, взяли старт в разные стороны.

Другие

– Мы нужны им до той поры, пока в нас есть необходимость. Сейчас главное наше достоинство – мальчишка и его знания. А также наша сплоченность и ценность как боевой единицы.

Высказавшись, Трехов замолчал. Задумался. С того самого момента, как было принято решение, капитану стало гораздо легче. Он будто бы вышел из тупика, заново обретая возможность строить планы и рассчитывать версии. Спасибо за это следовало сказать как раз-таки Свиридову и парню, подобранному с уничтоженной колонны. Именно они

фактически заставили Терехова принять предложение Книппеля. Не будь их... скорее всего капитан ответил бы отказом. Какие последствия ждали при этом группу, нетрудно догадаться.

Но Терехов поддался. В определенной мере. И теперь, когда предложение служить немцам было принято коллегиально, никто не смог бы упрекнуть Терехова в намеренном предательстве. Как минимум ответственность эту следовало разделить на троих. При этом Свиридов и мальчишка ни в коей мере не считали зазорным такое сотрудничество, видя в нем лишь своеобразную военную хитрость.

И постепенно свалив груз со своей шеи, Терехов принимал эту же самую установку. Так было проще и легче. И способность к внятному анализу обстановки, острота мысли... – заработало все, что изначально было присуще капитану.

– Согласны? – Терехов поднял взгляд на Свиридова и Диярова. Оба лейтенанта сидели молча, ожидая, когда командир обратится к ним непосредственно или попросит их высказать собственное мнение. Видимо, последний разговор пошел впрок обоим. И сейчас, по крайней мере, не было заметно никакого покушения на лидирующую роль капитана.

– Согласен, – кивнул Свиридов. Дияров развел руками, показывая, что и ему нечего противопоставить высказанным аргументам.

– Зависимость от немцев станет для нас фатальной. И нам следует этого максимально избегать. Лейтенант?

Свиридов, полностью принимая правила игры, а именно свое подчиненное положение, дождался разрешения высказаться.

– Любое задание, которое выполняем мы, уже ставит нас в зависимость. Что может предложить нам немец? Все то же самое – охрану да войну. Я знаю один исход, при котором мы останемся нужны, вернее, даже жизненно необходимы. И при этом будем делать лишь то, что устраивает нас. Война. У Книппеля не будет иных мыслей, кроме спасения собственной жизни. И если он в самом деле такой увлеченный, авантюрный игрок, как это кажется, он не решится просто взять и уехать отсюда.

– Хочешь устроить войну между немцами? За это месторождение? – Было очевидно, что Терехову мысль прилась по вкусу. Мало того, капитан и сам держал ее в уме, не высказывая раньше. Свиридов лишь опередил с ее озвучением.

– Мы уже устроили ее. Вот только Книппель сейчас всеми путями будет стараться замять конфликт. – Лейтенант пожал плечами.

Действительно. В настоящий момент Йозеф Книппель, судя по его настрою, пытался решить проблему какими-то дипломатическими путями. Не факт, что ему удастся. Однако, не обладая сравнимыми с корпорацией Штайнера военными силами, другого пути он и избрать не мог. Именно поэтому ему как минимум на первых порах была столь необходима группа Терехова. Но впоследствии, когда Йозеф сумеет заинтересовать какой-то другой концерн, станут ли столь важны для него русские разведчики?

Нет. Важную роль Терехов играет лишь тогда, когда у Книппеля нет никаких других сил и ему просто не на кого опереться. Выходило, что лишь искусственное продление данной ситуации дает разведчикам шанс выжить и сохранить себя в положении людей, а не бесправных рабов.

То, что у всех троих командиров мысли шли в одном и том же направлении, доказал и Диляров. Он кивнул, подтверждая только что прозвучавшую сентенцию Свиридова:

– Точно так. Лучше и не скажешь.

– А если ему не удастся... сгладить углы? – Терехов, явно что-то уже придумав, взглянул на соратников. – Если что-то пойдет не так? Деревня нужна всем. Даже если Книппелю удастся как-то добиться прощения за наши действия, уверен, что во второй раз нечто подобное будет уже не замять. Верно?

Подчиненные выразили согласие кивками. Им обоим уже стала ясна позиция Терехова.

– У нас есть пятеро пленных. Нужно как-то по-хитрому довести до них, что нас тут совсем ничего и свежих сил не ожидается ближайшее время. И если они не нападут прямо сейчас, день-два, подойдет... ну пусть батальон ожидается? Со средствами усиления. Четверых придется расстрелять... один убежит. У них будет два дня, чтобы подготовиться. Ясно?

Молчаливое согласие было ответом капитану. Диляров и Свиридов, сосредоточенно размышляя, не находили изъяснов в коротком дерзком плане Терехова. Им не впервой было вызывать огонь на себя, и этого они не боялись. Страшнее было не учесть чего-то, не заметить какую-то мелочь, которая впоследствии сыграет свою роковую роль. Пока, при первом приближении, никаких промахов не было заметно.

– Лейтенант Свиридов, вам следует проинструктировать конвоиров. Будет неплохо, если утечка информации пойдет от них. И расстрел. Расстрел тоже – с вас.

Помедлив, Свиридов угрюмо кивнул. Одно дело – убить в бою, другое – расстрелять пленных. Неприятно было сознавать, что тебе поручают самую грязную и подлую работу, тем самым оставляя руки других незапачканными. Судя по всему, возжеланный статус «свой» еще не гарантировал, что Свиридов со своими людьми и в самом деле стал ровней разведчикам Терехова.

– Так точно, товарищ капитан. Будет исполнено.

В сорок первом привычная картина мира, да и собственное мировоззрение лопнули, как зеркало, упавшее на пол. Тысячью фрагментов, случайных отражений. Июнь будто бы перечеркнул множество прошлых жизней. Со своей суматохой, с потерями и отступлениями, он все же твердо дал знать – целая эпоха уходит в прошлое. Эпоха мира.

Миллионы рук в сорок первом взяли винтовки. Мозолистые, похожие на лопаты, интеллигентные, с длинными пальцами, холеные ладони были едины в одном – твердом убеждении с оружием в руках защищать свою Родину. Илюхин был одним из многих.

И честно тянул свою лямку: ходил в атаку, кричал «ура» и даже имел представление на награду, так и не нашедшее своего зримого воплощения. А в сорок втором, в апреле, он попал в плен.

Здесь в своих размышлениях и воспоминаниях Илюхин привык ставить точку. Память услужливо шла ему навстречу. Время с момента пленения и до встречи с разведчиками Терехова будто бы исчезло из головы. Как не было ничего. Пустой год.

В разговорах с другими Илюхин старался не рассказывать о себе. Это тоже было сродни кодексу, своеобразное табу. Впрочем, ничего необычного в том не было. Подавляющее

большинство русских, служивших немцам, представляли собой классических «людей ниоткуда». У них не было прошлого, родных и воспоминаний. Только имена и фамилии, зачастую вымышленные, и их настоящее. Из чего состояло оно? Из того, что позволяла совесть. Кому-то подсобными, кому-то в полицию, ну а кому и в каратели.

Рассказывай – не рассказывай, а от слухов никуда не денешься. Как и от документов, скрупулезно заполненного личного дела, что следует за тобой, куда бы ты ни перевелся. В таком случае твое молчание будет лишь служить подтверждением вины. Какой? Это уж додумают люди.

И за Илюхиным тянулся хвост сплетен, недомолвок, туманных намеков. Никто не мог сказать что-то определенное, в чем-то укорить его, однако, как это бывает часто, обвинение, сплетенное из общего мнения, оказалось гораздо серьезнее, нежели документальные свидетельства. Ни Свиридов, ни остальные бойцы не видели личного дела Илюхина, однако были абсолютно уверены, что идти на сделку с красными ему незачем. Между тем, следуя своим личным причинам, Илюхин присоединился к заговору в батальоне и принял в нем достаточно активное участие. Ну а затем... затем он честно и достойно проявил себя в провалившейся затее разведки.

Упрямая вещь – память. Почему то, что следует забыть, стереть, вывернуть из себя, будто последствия вчерашней попойки, не поддается приказам разума? Картины, что должны уйти в небытие, становятся столь реальными, что замещают изображение на сетчатке твоих глаз.

Пятеро мужчин стоят на коленях на краю неглубокой, только что отрытой ямы. Отрытой ими самими. Стоят без обуви, в нательном белье. Обмундирование, ремни, ботинки заботливо сложены в стороне.

Одного из них трясет крупной, сильной дрожью. Другой стоит, словно окаменев и боясь пошевелиться. Белые майки пропитались нервным вонючим потом и липнут к телам. Вспотевшие волосы на затылках и висках.

Сколько раз так уже бывало? Услужливая память подсказывает – двенадцать. Двенадцать раз. Безжалостно наслаивает картины, словно на резаных кадрах киноплёнки – вот мужчины, раздетые, вот – женщины в исподнем, вот – дети. Прошлое остается в нас. Навсегда.

Илюхин прошелся вдоль ряда пленных. Вынул из кармана портсигар, раскрыл его, вытаскивая сигарету. Щелкнул зажигалкой, закурил. Глубоко затянулся.

Жилов, стоящий рядом и напряжено сжимающий в руках автомат, вытер лоб о плечо. Лето, жара. Нервы. Кинул взгляд на руки Илюхина и завистливо дернул верхней губой. Пальцы напарника не дрожали. Ни капли. Илюхин глубоко затягивался и смотрел на стоявших на коленях пленных. Лицо его внушало страх. Лучше бы оно было маской. Жилкову очень бы хотелось, чтобы истинные свои чувства боец РОА скрывал под шторами безразличия. Потому что с таким лицом убивать людей нельзя.

Двенадцать. Точно. Илюхин мог вспомнить все случаи наперечет и даже назвать места. Эта его память, возможно, когда-то могла бы быть полезна. Война обязательно кончится, и могилы, оставшиеся безымянными, станут незаживающими ранами на теле страны. Илюхин

мог бы подсказать, прояснить судьбу хотя бы некоторых. Практически все операции, в которых участвовал, он помнил досконально. Однако судьба распорядилась иначе. Вполне вероятно, что и его тела никто и никогда не найдет в той чертовой редкой дубраве.

Он добил сигарету до конца в несколько затяжек. Бросил окурок и тщательно затоптал его ногой. Поднял пистолет и выстрелил, практически воткнув дуло в затылок стоящему крайним справа.

Звонко ударил выстрел. Из ствола вырвался короткий плеск пламени, и человек, дернувшись, повалился лицом в яму.

Шаг в сторону, и еще один выстрел. Один за другим. Тела, будто кули, падают в яму. Никакого сопротивления, никакой мольбы – испуганное и планомерное ожидание смерти. Перемещаясь, переводя прицел на очередной затылок, Илюхин задавал себе один и тот же вопрос. Опостылевший. Осточертевший. Ненужный.

Не в себя ли я стреляю? Не я ли, вот так же безропотно, не желая умереть голодной смертью, сойти с ума за колючкой, пошел в «хиви»? И теперь эти выстрелы, давным-давно приобретшие очередность, не попытка ли это застрелить себя? Того самого, не выдержавшего голода?

Почему они все боятся? Почему не встать, не развернуться, не напасть, в конце концов? Попытаться завладеть пистолетом, и к черту мысли о том, что рядом стоит второй, страшует от как раз-таки подобного случая. Пусть так, пусть ты прошишь очередь в грудь, но сравнимо ли это со скотским выстрелом в затылок?

Сравнимо. Никакой разницы. Это Илюхин мог заявить со всей ответственностью. Бывало такое – бросались, обезоружить пытались, лозунги кричали, а кончалось это одинаково. Мертвое тело в яме. Мертвый герой неотличим от мертвого труса.

Дойдя до последнего, Илюхин развернулся и дважды выстрелил в Жилова. Вытащив из кобуры запасной магазин и хладнокровно его меняя, пнул сапогом пленного:

– Вставай, одевайся. Очень быстро. Мы уходим с тобой.

Нельсон

Удар сержанту под дых сошел мне с рук. Мало того, он еще и позитивную роль сыграл – тяготившая меня тренировка была тут же закончена. Продышавшись, Клыков не решился продолжать, а лишь похлопал меня покровительственно по плечу. Однако отыгрался он очень быстро. Буквально через несколько минут мы с сержантом вернулись к дому, который бойцы выбрали себе под базу, и, велев мне ждать у крыльца, он скрылся в особняке. Приняв независимый вид, я аккуратно озирался по сторонам и размышлял.

Меняющиеся словно в калейдоскопе события не давали возможности сформулировать четкое и логически выверенное отношение к происходящему. Достаточно продолжительное время от меня совершенно ничего не зависело. Все происходило помимо моей воли, я был подобен листу, влекомому порывами ветра. Изначально мы с Боном стали добычей немцев, затем затесались в ряды казаков и вновь попались к фашистам. Не по своей воле, это понятно. Тем не менее лично я за последнее время мог назвать лишь один поступок, который я совершил сознательно и который привел к действительно резкому изменению ситуации. В

мою пользу. Речь идет, разумеется, о моем эпическом бое с немецким офицером.

Всю свою сознательную жизнь я предпочитал играть ведущую роль. Быть действительно властелином своей судьбы, не оглядываясь на других, идти собственным путем. Я старался анализировать происходящее, принимать обоснованные и разумные решения.

Хотите смеяться, хотите нет, но у меня и жизнь вся была распланирована. Я знал, когда и что произойдет, был максимально готов к неожиданным коллизиям и поворотам. Меня было не застать врасплох.

И все, черт побери, шло довольно неплохо, пока я не решился развернуться и заступиться за Бона.

И вот ведь какая штука... здесь, в этом мире, моей логике, отрешенности, взвешенности и холодности уже не было места. Действительность касалась меня не абстрактно – с экрана телевизора или монитора бука, – а физически – кулаками, прикладами и словами, которые раньше бы не тронули меня.

Здесь не было времени для раздумий. Мне приходилось действовать инстинктивно, поддаваясь мгновенному импульсу.

Всегда считал, что человек от животного отличается именно наличием разума. И гордился этим, зачастую отказывая в высоком звании «хомо сапиенс» очень и очень многим двуногим, удовлетворяющим свои сиюминутные потребности и не заботящимся о будущем.

И вдруг оказалось, что шанс на спасение мне дала именно моя ненависть. Инстинкт. Неконтролируемая, затапливающая злость, которую я и не пытался ограничивать. Я не махаться собирался с немцем, не разбираться и не вымаливать прощение. В ту секунду, когда я предлагал ему поединок, решение убить твердо созрело в моей голове.

Сейчас, оказавшись в кругу непонимающих и настороженно относящихся ко мне людей, наверное, следовало бы почаще держать язык за зубами. Минимум информации о себе, максимум полезности для окружающих. Стать незаменимым, войти в доверие, а уж затем, исподволь, постепенно, рассказать о своем мире. Или вовсе – соврать. Неужели это было бы сложно для меня?

Я поступал неправильно. Не так, как в действительности следовало делать. Умом я понимал свою ошибку. Но доказать сердцу порочность этих действий не мог.

Входная дверь распахнулась и пребольно ударила меня по руке. Возмущенно ойкнув, я услышал ответный возглас примерно такого же содержания.

– Прости! Сильно? – спросила меня девочка, испуганно застывшая на пороге. В руках у нее была огромная охапка белья. Так что открывала она дверь, судя по всему, плечом или ногой.

– Нет, что вы! – тут же откликнулся я, морщась и потирая ушибленную руку. При этом во все глаза смотрел на девчонку, силясь понять, откуда она взялась. Насколько я помнил, в доме, где расположились все бойцы, женского пола не было.

– Настя. – Обозначив имя девушки, Клыков обошел ее, перевел взгляд на меня и скомандовал: – Боец, пойдем. Посмотрим, как с остальным обстоят дела.

С чем именно «остальным», было понятно и без слов. В правой руке сержант нес винтовку, а в левой у него был целый ворох всяких военных принадлежностей. Бросив

короткий взгляд на девушку, я послушно направился следом за Клыковым. Тут ничего не поделаешь. Саботировать приказы того, кто назначен для меня главным, было бы не очень умно с моей стороны. Да и не научит сержант чему-то плохому. Владение оружием в этом мире, как я думаю, являлось одним из качеств, определяющих человека. Впрочем, я все равно не мог отделаться от мысли, что моя победа в тренировочном поединке грозила оказаться для меня пирровой.

– Карабин Маузера, – протянул мне оружие Клыков. Я его, разумеется, взял в руки и вопросительно посмотрел на сержанта.

– Стрелял раньше? – поинтересовался тот.

– Стрелял. Винтовка Мосина тогда была.

Сержант кивнул:

– Да то же самое почти. Мосинки нет, больше карабинов взяли. Да и попроще он будет. Итак, первое. Сейчас карабин разряжен. Предохранитель на затворе видишь? Ставь его так, чтобы вверх смотрел.

Присмотревшись, я действительно обнаружил флажок. Попытался сдвинуть его, но был остановлен сержантом:

– Большим пальцем. Привыкай.

Это действительно оказалось проще. Эргономика у этого оружия была продумана.

– Затвор вверх и на себя. Отводи.

Пошло туговато, но безо всяких шатаний. Как на салазках, только очень сильно груженых.

– Мосинку так же заряжал. Держи. – Сержант протянул мне обойму – пять остроконечных патронов, вставленных в своеобразную пластинку. Демонстрируя Клыкову свои умения, я приставил обойму к открытому стволу и пальцем выдавил патроны вниз, в магазин.

– Можно и без обоймы заряжать. Так же, открываешь затвор – и в магазин, напрямую. Закрывай затвор. Целься.

Я послушно произвел все манипуляции и прижался плечом к прикладу оружия, направляя его ствол в лес. Сержант, придирчиво осмотрев меня, остался стойкой и хватом доволен.

– В стену сарая целься. Предохранитель направо.

Повернувшись, я взял на мушку сарай, стена которого уже давным-давно была испещрена выстрелами. Судя по всему, проверяли тут не только меня. Большим пальцем правой руки перекинул предохранитель.

– Огонь.

Через секунду после команды я нажал на спусковой крючок, и приклад довольно сильно толкнул меня в плечо.

– Держи за счет тела. Приклад должен влиться в тебя. Не надо за счет рук стараться удержать, – внес необходимые коррективы сержант и скомандовал: – Предохранитель наверх. Оружие разрядить.

Я послушался указания и по аналогии с мосинкой, отработав затвором, выбросил на

землю все пять патронов. Вернее, четыре патрона и одну гильзу. Присел на корточки, быстро собрал нестреляные и протянул их сержанту. Клыков небрежно принял от меня боеприпас и ссыпал его в один из своих карманов.

– Закрывать затвор, предохранитель влево.

Дождавшись, когда я выполню команду, Клыков продолжил:

– Оружие надежное. Перекосов почти не бывает. Затвор хороший. За оружием ухаживать надо, но пока тебе достаточно ствол чистить. Набор для чистки в прикладе, шомпол снизу, под стволом. Теперь это оружие твое. Когда со мной или с кем-то из бойцов, носить будешь с собой. Хранится в доме, в пятой комнате, внизу под лестницей, там пока временно оружейку сделали. Брать можешь, когда с кем-то идешь, один не бери. Во избежание, так сказать. Взял – расписался в журнале, сдал – тоже расписался. Понял?

– Понял, товарищ сержант.

Клыков кивнул:

– Положить оружие.

Как только я исполнил, сержант подошел ко мне, и, сноровисто расстегнув, снял с меня ремень. Шарахаться от Клыкова я не спешил, хотя, признать, действия его меня удивили. Вместе с винтовкой он взял какие-то причиндалы и сейчас, судя по всему, собирался их на меня надеть.

Вновь опоясав меня ремнем, от чего я сразу внушительно потяжелел, Клыков принялся за объяснения:

– Впереди четыре подсумка. Туда складываешь обоймы с патронами или при необходимости сами патроны. Сзади слева лопатка в чехле, справа – фляга. На правом боку штык-нож, подсоединяется к карабину. Можно и просто как нож использовать. Снаряжение будешь носить постоянно. Чтобы привыкал. Понятно?

– Так точно, товарищ сержант, – снова заученно произнес я.

– Теперь дальше. Подчиняешься ты мне, да и любому другому командиру или бойцу. Так что старшие для тебя будут все. Усек?

Дождавшись моего ответа, сержант продолжил ликбез:

– Так что дрова, готовка, по хозяйству какие задания – все исполнять. Не отлынивать. Сам пришел, будешь работать. Если нет, мне так сказали – никто тебя не держит.

Старая песня. Напоминания мне эти не нравились. Согласен, что я, скажем так, ненадежный элемент, но сразу втапывать меня в грязь тоже ведь неправильно. Положим, армия, или там подразделение какое – это тоже коллектив. В любом коллективе каждый должен делать то, что ему больше подходит, что у него получается. Ну вот, скажите на милость, какой прок от того, что я буду картошку чистить в тазик, а не переводить с немецкого или делиться какими-то тактическими приемами своего времени?

Короче говоря, все это сильно мне напоминало момент, когда мы с Боном только-только оказались здесь, в этом мире. Немцы тоже нас припрягали на всякую ерунду, абсолютно не интересуясь нашей потенциальной ценностью. Не хотелось бы сравнивать бойцов РККА и фашистов. Но по-другому не получалось.

Даже вот девчонка та. Как ни крути, прислуга. Ну а как иначе назвать? Она же не в форме, в платье была, таком, знаете, простецком. Прямое, ниже колен, унылого

бледно-синего цвета с широким белым воротником, на пуговицах, с двумя накладными карманами чуть ниже уровня пояса. Сомневаюсь, что это было модно даже в сороковом году.

Вы же освободители, так? А чего у вас девочка ходит, обстирывает вас, а может, и еще чего? Что-то радости на ее лице я особо не заметил. Темно-русые волосы, не убранные в прическу, а просто лежащие на плечах, не слишком выраженные веснушки, тонкие губы, вздернутый носик – это все заметил. А вот счастья или удовольствия от выполняемой работы – ни фига.

– Все уяснил, боец? – вырвал меня из размышлений Клыков. И я неожиданно понял, что внушительную часть его речи просто-напросто пропустил, задумавшись о своем. Тем не менее кивнул:

– Понял, товарищ сержант. А вот та девочка, которую я видел у входа, это кто?

Сержант, неожиданно помрачнев, задержался с ответом. Затем, поморщившись, произнес:

– Хочешь вопрос задать – спроси разрешения. Привыкай.

– Разрешите вопрос, товарищ сержант: та девочка, которую я встретил у входа, кто она такая?

– Не твое дело, боец! – отрезал Клыков и с легким вызовом посмотрел на меня. Я открыл было рот, чтобы продолжить удовлетворение интереса, но сдержался. Судя по выражению лица Клыкова, ничего он мне рассказывать не собирался.

Да и ни к чему это было. Мне не десять лет, чтобы исключительно в розовых тонах воспринимать героических бойцов РККА. Что может девчонка делать в окружении более чем пятнадцати здоровых и в основном молодых мужиков? Наверняка, кроме стирки, обихаживания и готовки, у нее есть и какие-то иные обязанности.

– Нет вопросов, товарищ сержант, – не считая нужным сдерживать разочарование, покачал я головой.

Другие

Они потратили остаток дня и часть ночи на то, чтобы добраться до населенного пункта, находящегося под протекторатом концерна Штайнера. Оказавшись в знакомой обстановке, освобожденный Илюхиным пленник тут же развил бурную деятельность и посредством телефона сумел связаться со своей базой. К утру в небольшой деревеньке оказался грузовик, битком набитый солдатами, и легковой автомобиль с командующим составом.

– Как такое вообще могло произойти? – Высокий, ладный немец в прекрасно подогнанной форме, сложив руки за спиной, вышагивал перед Илюхиным. В свете фар его фигура, окутанная предрассветным туманом, смотрелась загадочно и таинственно. – Неслыханно! Совершенный абсурд. Этого просто не может быть! – Остановившись, он посмотрел на сержанта, будто бы пытаясь в нем разглядеть что-то, что станет подтверждением его собственных мыслей.

Попытка, заранее обреченная на провал. Илюхин, отвечая моменту, имел вид сосредоточенный и слегка взволнованный. Никакого страха. Лишь напряжение и ожидание, закономерное для того, кто принес страшную весть, но при этом рассчитывает на

собственную ценность как гарантию безопасности.

– Почему он вообще решился на это? Ведь существует путь... переговоров. – Немец с надеждой посмотрел на Илюхина. Он и в самом деле решительно не понимал того, что произошло. Не хотел верить. Но уже второй человек рассказывал одно и то же. Чуть ли не слово в слово.

– Вы не вели переговоров. Пытались осуществить захват его земли. О чем вы говорите? Кто будет разговаривать, если оружие наготове? Двое дозорных зашли за линию. Вашим четко было объяснено, что нельзя пересекать ее и входить в деревню нельзя.

– Что за чушь! – Немец возмущенно фыркнул. – Кто такой Книппель?! Черт... черт побери! Сколько с вами было бойцов?

– Пятнадцать из нашего отряда и взвод приданных. Люди концерна Бах-Ругер. Все тяжелое вооружение было их.

– Абсурд... – Немец потер подбородок ладонью. – Полная чушь... так не может быть!

Илюхин пожал плечами. Может – не может... какая сейчас разница? Правда лишь то, в чем он сумеет убедить немцев.

– Мы знали о вашей колонне. Данные были у Книппеля. Это он привез бойцов концерна и оружие. Все было решено заранее. Имею в виду – уничтожение. Впрочем, не сунься ваши офицеры в деревню, все было бы иначе. Крови бы не было.

– Да что ты несешь?! – Не сдержавшись, немец выкрикнул, энергично взмахивая рукой. – Да кто такой Книппель? Вошь, таракан!

Илюхин позволил себе усмешку. Все шло как по маслу.

Допрошенный первым бывший пленный дал упомянутые показания. И о разгроме колонны, и о подслушанном разговоре, старательно разыгранном для него Свиридовым и Тереховым. Маскируя собственное бессилие и страх, он вместо банальной засады расписал тактически безупречную операцию на уничтожение. Из обрывков слов, умело поданных капитаном и лейтенантом, раздул мыльный пузырь многоэтажного заговора. Илюхину оставалось лишь ничего не испортить.

– Дело не в Книппеле. Он бы и не решился на такое, если бы не позиция концерна Бах-Ругер. Они заключили договор концессии, если не ошибаюсь. В общем, считайте, что эта деревня уже продана.

– Чушь! – Сложив руки за спиной, немец вновь прошелся перед сержантом.

Отрицание очевидного есть не более чем бессилие. Попытка спрятаться в раковину неверия. Бессмысленный прием.

– Едем в город, – остановившись, наконец-то принял решение немец.

Илюхин, пожав плечами, безразлично кивнул:

– Едем.

Первый раунд был выигран сержантом вчистую. Ошарашенный свалившимися на него данными немец не в силах был поверить в них, а уж тем более дать оценку или провести анализ. Это был даже не соперник Илюхину.

Впрочем, сержант не обольщался. Он прекрасно понимал, что сейчас именно от него зависит, сработает план Терехова или провалится. Для реализации задумки капитана Илюхину следовало вжиться в роль, лгать на уровне искусства.

Трудно было бы подобрать человека, который умел это делать лучше сержанта.

Первые сумбурные попытки узнать хоть что-то – это, конечно, не допрос. Илюхин знал, что ему предстоит выдержать действительно серьезные испытания, и был к этому полностью готов. Он даже предполагал примерно, как это будет выглядеть и каким образом происходить.

Отправившаяся с рассветом колонна примерно через километр сменила проселочную дорогу на вполне нормальное асфальтированное шоссе. Одновременно неуловимо стал меняться пейзаж. Вдоль дороги ряды деревьев и густые кусты. Подстриженные, облагороженные. Не лесополоса, а просто ухоженный парк!

– Зачем это? – видя, что боец, к которому он обращается, не понимает сути вопроса, Илюхин конкретизировал: – Зачем разводить деревья вдоль дороги? И кусты?

Боец дисциплинированно обернулся к старшему по званию, сухопарому мужчине средних лет с непонятными нашивками и странного вида погонами. Усмехнувшись, тот снисходительно пояснил:

– Чтобы ветер не наметал сугробы на дорогу! Культура!

Культура? Ответом Илюхин оказался удивлен, однако виду не подал. Судя по всему, о противопартизанских мероприятиях с вырубкой леса на сто-двести метров и уничтожением населенных пунктов на всем протяжении дороги немцы имели весьма слабое представление. Принося собственную безопасность в жертву красоте и практичности. Что ж. Это показательно.

Сержанту не впервой было сталкиваться с пренебрежением к собственной персоне. С откровенными унижениями и издевательствами. Немцы никогда не считали коллаборационистов равными себе. Ровно так же, свысока, относились к сдавшимся в плен и чины разнообразных казачьих и подобных им частей, изначально пришедшие с вермахтом. Меж тем на данный момент Илюхин был жив. А многие из тех, кто держал его за покорную вещь и мразь, давным-давно мертвы. По мнению Илюхина, правда была за тем, кто сумел остаться в живых.

Хорошая дорога позволяла передвигаться гораздо быстрее, чем по разбитой грунтовке. По странному стечению обстоятельств, Илюхина хоть и посадили под надзор солдат, однако не связали, не положили на дно кузова, не надели на голову мешок, наконец. Это не доверие. Скорее промах. Один из многих, что местные хозяева земли уже допустили. Илюхину нельзя было позволять смотреть по сторонам и запоминать дорогу.

Все это – настороженное уважение, странным образом уживающееся с пренебрежением, придание значимости его персоне – было ошибкой. На взгляд Илюхина, здесь надо действовать совсем по-другому: избить, втоптать в грязь, заставить почувствовать себя вошью, сломать в один момент, чтобы не просто говорил, а, воя от боли, упрашивал слушать себя.

В грузовике, старательно осматриваясь по сторонам, подмечая любые значимые мелочи: порядок передвижения, вооружение бойцов, вслушиваясь в их слова, – в самое сердце поселения, являющегося одним из основных статей дохода финансовой империи Штайнера, ехал враг. Он имел в голове рискованный, но весьма реальный и достаточно четко

просчитанный план, результаты которого должны были не просто всколыхнуть настоящую действительность. Скорее полностью уничтожить устоявшийся порядок вещей.

– Ты понимаешь язык?

Илюхин покачал головой. И тут же пояснил свой ответ:

– Совсем немного. Лучше с переводчиком. Легче.

Немец скривился с выражением легкой гадливости. Словно бы иного он от животного, похожего на человека, и не ожидал. Это не обидело.

Офицер так и спросил – «язык», даже не подумав уточнить – немецкий или французский, к примеру. Понятный ход. Ведь немцу и раньше было известно, что пленник плохо владеет иностранным языком. Подобная методика имела своей целью унижить, рассердить и вывести из себя Илюхина. Сержант это прекрасно понимал.

– Ты утверждаешь, что служил в подразделении СС. Как ты мог это делать, не понимая приказаний?

Илюхин посмотрел на переводчика. Такой же чванливый урод, что и допрашивающий офицер.

– Наши командиры хорошо говорили по-русски.

Офицер вновь некрасиво поджал губы, видимо, демонстрируя тем самым собственное отношение к владению русским языком. Второй, выполняющий функции переводчика, оказался более сдержан. Лишь понятиливо кивнул и продолжил:

– Какие функции ты выполнял? Как называлось подразделение?

– Я уже говорил все это. – Илюхин попытался уйти от ответа. С самого утра, с момента прибытия в город, его допрашивали дважды. Подробно, тщательно, под запись. Нынешний допрос стал третьим.

– Говори, – невозмутимо возразил переводчик.

– Оперативный отряд «Н». – Сержант в любом случае не собирался говорить правду. Даже в совершенно другом мире, где никто и никаким образом не мог проверить его слова.

– Там были только русские? В этом вашем отряде? – Видимо, эта тема очень сильно интересовала переводчика.

Прекрасно понимая, какого ответа от него ждут, Илюхин покачал головой:

– Командование – немцы из прибалтийских, белогвардейцы бывшие. Рядовой состав из пленных украинцев, белорусов, русских... Поляков много было.

Переводчик, внимательно выслушав, довел все до офицера. Тот, буравя взглядом Илюхина, бросил несколько слов.

– Чем вы занимались? – Это было понятно и без перевода.

Не стремясь слишком уж приуменьшить знание немецкого, Илюхин дал себе несколько секунд якобы на усвоение вопроса и затем кивнул, будто бы наконец поняв:

– Каратели. Мы убивали евреев, коммунистов. Да вообще... всех.

– Как ты оказался вместе с красными? Разве они не должны были тебя расстрелять? – Это уже переводчик. Сосредоточенный маленький человечек с хитрыми глазками-бусинками.

– Вы теряете время... – Увидев, как нахмурился офицер, Илюхин тут же исправился: – Я уже говорил, но повторяюсь: меня перевели в пехотную часть, на фронт. Затем мы

отступали, и нам пришлось оборонять деревню. Эти разведчики, о которых я вам рассказывал, взяли нас в плен. А затем мы каким-то образом оказались здесь, в вашем мире! Мы у них на положении пленных. Никто нам не верит, и расстрелять могут в любую минуту. До поры нас спасало лишь то, что никому не понятно было, что происходит вокруг и где мы находимся. Сейчас капитан определился, что собирается делать дальше. Поэтому я и решил сбежать.

Немец, выслушав перевод, вновь снисходительно усмехнулся. Видимо, другого он и не ожидал. Мечущийся, трясущийся за свою шкуру жалкий предатель: разве не такими привык он воспринимать русских? Илюхин четко знал, что ему следует делать и как себя вести.

Закрывшаяся дверь отгородила русского от двух офицеров. Лицо одного из них, только что изображавшее брезгливость, словно по мановению волшебной палочки, сменило выражение. Сделав десяток стремительных шагов по ковровой дорожке, устилавшей пол, немец остановился, позволив догнать себя тому, кто представлялся переводчиком.

– Не верю. Это все слишком авантюрно и глупо для Книппеля. – Маленький человечек в деловом костюме был вынужден смотреть на офицера снизу вверх.

– Этот ублюдок считает, что он чертовски убедителен, Клаус... Мы позволим ему себя убедить. Нам это ничего не будет стоить. Они стараются не дать нам времени, заставить принять самое простое, лежащее на поверхности решение. Подсовывают на блюдецке.

– Мне известить Конрада? – понятливо уточнил человечек.

– Точно! Завтра мы прихлопнем этих выскочек! – Офицер демонстративно и звонко хлопнул в ладоши.

– А... с этим? – Переводчик выразительно кивнул в сторону закрытого кабинета.

– Пусть займутся. Никаких церемоний, Клаус, никто об этой свинье сожалеть не будет. Мне все равно, как он будет выглядеть. Главное – я хочу знать правду.

Переводчик понятливо кивнул. Ничего удивительного в приказе военного коменданта не было. Русский являлся лишь сосудом, содержащим нужные сведения. О сохранности тары, когда нужно ее содержимое, задумываться никто не станет.

Нельсон

– Получить оружие, боец! – Клыков, стоявший над душой, был, несомненно, серьезен. Поддавшись его настроению, я взял из рук дежурного карабин и проверил затвор. Как и что может в нем сломаться, мне даже примерно было неизвестно, но тем не менее процедура была обязательной. Закончив с проверкой, я закинул карабин на плечо и поставил свою подпись в журнале.

– Патроны при себе? – поинтересовался Клыков, и, не будь он настоящим сержантом, клянусь, я бы подумал, что ему просто нравится играть в войнушку.

– Так точно, товарищ сержант! – отбарабанил я. – Четыре обоймы!

– Выдай ему две гранаты, – совершенно неожиданно приказал сержант, и невысокий крепкий Величко, ни секунды не сомневаясь, выставил на столе две длинные «колотушки», правилам обращения с которыми меня учил Клыков буквально накануне.

Молча расписавшись в журнале и передав его абсолютно серьезному Величко, я вопросительно посмотрел на сержанта.

– Бегом за мной, боец! – Клыков вышел из дома. Я последовал за ним.

Бегом, разумеется, было сказано для красного словца. Шли мы быстрым шагом, дабы Клыков мог успеть посвятить меня в свои планы. Слушая сержанта, я все больше удивлялся. И было чему.

– Заступаешь на дежурство, боец. Боевое дежурство, ясно? Сейчас идем на наблюдательный пункт, и я тебе показываю зону наблюдения. Никаких шуток. Сегодня почти целый день защита населенного пункта будет лежать на тебе! Уяснил?

Сделав несколько шагов и поняв, что идет в одиночестве, Клыков остановился и развернулся ко мне.

– Что не так, боец? – Вот и вся реакция на мое вытянувшееся в недоумении лицо.

– Товарищ сержант, вы уверены, что я готов к таким мероприятиям? – выдавил я из себя.

– Какие сомнения, боец? – Клыков вопросительно поднял бровь.

– Ну... как бы... э-э...

– Понятно. Хорошо. Ввиду твоей неготовности, боец, мною принято решение оставить тебе в помощь красноармейцев Коздоева и Величко. Коздоев и Величко будут также вести наблюдение. Лейтенант Диляров будет осуществлять общее руководство.

– Ага, – с облегчением сообразил я. – Вы шутите, товарищ сержант?

Клыков вперил в меня немигающий взгляд. Сурово сдвинул брови. И урезонил меня весьма кардинально:

– Ты видишь, что я улыбаюсь боец?

Не рискуя больше лезть с вопросами, я послушно шел за быстроногим сержантом. На окраине села Клыков привел меня в полуразрушенный заброшенный дом и вылез на чердак. Мне не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним. Оказавшись наверху, я полностью утратил свои иллюзии. На чердаке с прохудившейся и, естественно, нечиненой крышей действительно был оборудован наблюдательный пункт. Основными его составляющими являлись табурет, бинокль, журнал, небольшой столик и немецкий пулемет рядом с какими-то ящиками.

– Садись сюда, – сержант указал на табурет, – берешь бинокль и неотрывно наблюдаешь за секторами. Ориентиры написаны вот здесь, – Клыков ткнул пальцем в журнал, – разберешься. Ничего сложного. Глазам отдохнуть давай, биноклем не злоупотребляй. Наблюдай по ориентирам, начиная с левого крайнего. Все, что обнаружишь, любые изменения... записывай в журнал. Увидел врага – сразу сообщай.

Наклонившись к столу, сержант вынул из-под него классический советский телефонный аппарат, продемонстрировав мне.

– Все ясно?

– Нет, не все! – категорично не согласился я. – Куда вы все собрались? Долго мне здесь сидеть? А если я есть захочу или в туалет? Почему телефон на полу?

– Вечером отряд возвращается. Пить во фляге всегда должно быть, ты боец, есть, – снова заглянув под стол, сержант выставил на него какую-то небольшую картонную

коробку, – вот еда. Естественные нужды справлять по мере надобности, не отлучаясь от наблюдения. Телефон стоит под столом в целях сохранности. Дабы при обстреле или бомбардировке не пострадал.

– А у меня мало воды! – на мой взгляд, резонно возразил я и был тут же прерван резким окриком сержанта:

– Приступить к выполнению боевой задачи – наблюдению!

– Есть! – обескураженно отозвался я и через пару десятков секунд остался на напоминающем решето чердаке в полном одиночестве.

Даже и подумать не мог, что вести наблюдение – это действительно сложная задача. Положим, сначала даже интересно смотреть по сторонам и улавливать что-то. Но буквально через полчаса все это надоедает до такой степени, что готов уже на стенку лезть. Плюс ко всему взошедшее солнце принялось хорошенько припекать, заставляя меня исходить потом. Наблюдение медленно, но верно осточертело мне до такой степени, что хоть сейчас ложись и дрыхни.

Конечно, на это я бы не решился. В конце концов, отряд действительно почти в полном составе ушел из деревни. Это я наблюдал воочию, цинично забив на свой сектор наблюдения и пялясь в абсолютно противоположную сторону.

В общем, к часу дня мое настроение и самочувствие стали подходить к критической отметке. Я весь вспотел, немилосердно чесался и был голоден как волк. Негодяй Клыков подсунил мне так называемый сухой паек – печенья и консервы, которые я, видимо, должен был поесть с помощью штыка, без таких излишеств, как ложка и вилка. К тому же у меня кончилась вода и дьявольски хотелось пить. Короче говоря, где-то с полпервого Клыков, где бы он ни находился, икал, и у него наверняка пламенели уши.

Ничего, кроме морального удовлетворения, представляемые картины мучений сержанта мне не приносили. Пить по-прежнему хотелось, все так же я чесался и рассеянно поглядывал по сторонам. Как вдруг...

Насторожившись, я схватил бинокль и поднес его к глазам. Что-то мелькнуло буквально на краю поля зрения. Знаете, как бывает, когда улавливаешь движение, не замечая при этом ни фигуры, ничего. Просто какой-то inferнальный след.

Едва посмотрев в бинокль, я чуть не выронил его. Вздрыгнул всем телом и непроизвольно громко сглотнул скопившуюся во рту слюну.

Цепочка вооруженных людей, обряженных в камуфляж, пыталась передвигаться скрытно, держась редкого липового леса.

Не выпуская из рук бинокль, я присел, нашарив под столом телефонный аппарат, крутанул ручку несколько раз, снял трубку и с волнением произнес:

– Алло!

Несколько секунд спустя, показавшихся мне вечностью, трубка ожила:

– Докладывай!

– Наблюдаю вооруженных людей, человек пятьдесят, не меньше! – с огромным облегчением вывалил я информацию.

– Далеко? – спустя пару мгновений поинтересовался мой собеседник.

– Да метров... ну, триста им до меня. В лесу, который идет к дороге с моей стороны.

– Продолжай наблюдение, – тут же принял решение Коздоев, – я сейчас подойду к тебе. Огня не открывай, дождись меня. И не паникуй. Конец связи.

– Конец, – проговорил я в трубку, почувствовав, что покрылся краской смущения. Вроде бы и голос не дрожал, как же он догадался?

Скопившись в лесочке, вооруженные люди, кто бы они ни были, устроили привал. Или, что вернее всего, предприняли контрнаблюдение, поскольку я неоднократно ловил сверкание солнечных зайчиков с их стороны. Сто процентов – пытались рассмотреть село в бинокли.

Я подобного палева не опасался. Находясь в тени под крышей, я мог наблюдать лес сколько угодно душе, – солнце не попадало на оптику бинокля, соответственно, не было и солнечных бликов.

Первоначальная растерянность прошла. Я даже зарядил карабин, ни на секунду не выпуская из поля зрения приближающийся отряд, и снял оружие с предохранителя. Иными словами, подготовился.

– Свои! – во избежание недоразумения, крикнул мне снизу Коздоев. Затем как-то гимнастически красиво и неслышно забрался на чердак, подобрался ближе и присел рядом со мной. – Давай сюда! – кавказец требовательно забрал у меня бинокль и тут же прильнул к окулярам. – Ага, вижу... – пробормотал он... – Ну, да это не страшно. Это ерунда...

Услышав столь странное суждение, я с недоумением покосился на неожиданного напарника. Нет, я давно знаю о самоуверенности представителей кавказских народов, однако не подозревал, что она настолько велика! Это же надо – назвать ерундой вооруженный отряд, целеустремленнодвигающийся на нас четверых!

Тем временем Коздоев, не обращая на меня никакого внимания, установил пулемет на сошки и, поколдовав с ним некоторое время, зарядил. Прильнул к прицелу, примериваясь, и переместился ближе к одной из дырок в жестяной крыше.

– Стрелять умеешь? – поинтересовался, не отрываясь от пулемета.

Я кивнул, но сообразив, что будет лучше свои мысли озвучить, произнес:

– Да, вроде бы умею.

– Тогда позицию себе выбери. Подальше от меня. Целься в крайних. Тех, кто бежит или наступает с краю, понял?

– Понял. – Мне оставалось лишь согласиться. Отойдя от распластавшегося на полу Коздоева, я занял место в углу чердака, пристроившись в глубине, подальше от широкого и большого пролома. Заметить меня было мудрено. Клыков, проводивший со мной несколько теоретических и практических занятий, крепко-накрепко велел запомнить главное – будь по возможности наиболее скрытен.

– Э-э... а упор? – потупив пару минут, все же спросил я. Стрелять стоя, на мой взгляд, было бы верхом самонадеянности. В то же время я не видел ничего, что мог бы перетащить к занятой позиции и использовать для более меткой стрельбы.

– На колено присядь – посоветовал, не отрываясь от пулемета, Коздоев и добавил: – Внимание. Движение. Стреляешь после меня.

И вот тут меня пробрало... Опустившись на одно колено, я почувствовал, как сильно у меня дрожат руки. Скосил взгляд на Коздоева и с завистью отметил его уверенно-напряженную позу, будто бы заснятую фотографом на какую-нибудь передовицу про классического пулеметчика. Я-то наверняка выглядел сейчас не столь козырно.

Неожиданно Коздоев вздрогнул и тут же затрясся всем телом. В уши ударила резкая, неимоверно быстрая трещотка пулемета. Опомнившись, я оторвал взгляд от красноармейца и посмотрел, что творилось снаружи.

Немцы (ну а кто же еще?) постарались легкой перебежкой добраться до окраины села. Неорганизованной толпой они просто рванули от леса напрямик, к заросшим садам и огородам. Решение, на мой взгляд, спорное. Все же открытая местность, под огнем – рискованно. Можно было бы придумать и какие-то другие, более разумные варианты.

Меж тем едва перед противником расцвели густые султанчики попаданий, немцы, будто по команде, мгновенно залегли.

– Цель – пулемет на краю! – крикнул мне Коздоев, выводя из уютной роли стороннего наблюдателя. Поморщившись, я прильнул щекой к ложу карабина и подвел прицел к двум суеязящимся немцам. В руках одного из них был такой же пулемет, что работал сейчас в нескольких метрах от меня. Второй номер, как-то чудно вертясь, сбрасывал с себя ленты, которыми был опоясан, словно революционный матрос. Пулеметчик же, широко раскинув ноги и прижав к плечу приклад, дергал дулом в разные стороны, до конца не понимая, откуда ведется огонь.

В голове у меня завертелись какие-то цифры. Целясь в лежащую фигуру, я с трудом пытался вспомнить, как же Клыков учил меня наводить. Вроде бы выше. Или наоборот, брать ниже?

Короткий треск. Через секунду еще один. Недоуменно взглянув на своего напарника, я понял, что стреляет не он. Чертыхаясь, Коздоев дергал затвор: наверное, застрял патрон. Тем не менее немец, бывший секунду назад в моем прицеле, дернулся, отваливаясь от оружия, и закрутился волчком на земле.

Снова прострелкотала очередь откуда-то со стороны, и пулемет раненого, подпрыгнув, опрокинулся. Из тела пулеметчика полетели какие-то ошметки. Второй номер, прижавшись к земле, подполз к убитому. Толкнул его в сторону и, ухватив пулемет за приклад, потащил на себя, стремясь скрыться за трупом. Решив не мудрить и понимая, что больше оттягивать просто не получится, я навел прицел на копошащегося немца и медленно потянул спусковой крючок.

– Цель – справа с краю, одиночный стрелок! – выкрикнул Коздоев, заставив меня вздрогнуть. Подчинившись команде, я немного повернулся и тут же обнаружил солдата, о котором говорил мой напарник. Немец, прижавшись к земле, рьяно жестикулировал, тыча пальцем практически в нашу сторону. Похоже, Коздоев в первую очередь старался уничтожить тех, кто мог нести угрозу непосредственно нам. Пулеметчики, а вот теперь и какой-то зоркий боец.

Я прильнул к прицелу, наводя его на указанную цель. И по положению затвора осознал, что, не отдавая себе отчета, дослал патрон, снова приготовив оружие к стрельбе.

Вновь выдал короткую очередь помогающий нам пулемет. Дилиаров с Величко.

Понятно. Не стали дробить и без того куцые силы и решили встретить противника всем, что имелось в нашем распоряжении. Продернув ленту и звонко захлопнув крышку, через секунду к обстрелу присоединился и Коздоев.

Оперативный отряд в наступлении на Лебеди

Другие

Унтер-офицер Агер, распластавшись на земле, судорожно повернулся в сторону вопящего Балька. Гефрайтор заходил в крике:

– Там! Там! Дом тот! Наверху!

Дерьмовое целеуказание. Никуда не годное.

– Откуда огонь, стрелок?! – попытался выяснить главное Агер. Сам он точку, откуда работал пулемет, не видел.

– Дом! Черт побери, дом! – Бальк энергично ткнул пальцем в сторону деревни. – Наверху, крыша!

Агер вздрогнул и поспешно зажмурился. Пулеметные пули разнесли череп стрелка на куски, и брызги крови мелкими каплями попали на лицо унтер-офицера. Агер торопливо утерся и выпростал дрожащими пальцами из-за ворота свисток. Все шло наперекосяк. Совсем не так, как планировалось.

Будь он проклят, этот чертов пулеметчик. Нужно добраться до него и повесить.

– Вперед! Отряд, бегом вперед! – Выдохнув резкую трель в воздух, унтер-офицер дополнил ее командой. Лежать в голом поле было смерти подобно.

Подхватив с земли карабин, Агер снова привлек внимание свистом и бросился вперед навстречу пулям.

Короткий взгляд вправо – отлично, поднялись. Влево – то же самое. Вот что значат хорошая выучка и готовность выполнить приказ.

Агеру никогда не приходилось попадать в подобные переделки. Чтобы вот так, откровенно и, главное, смертоносно, по нему и его людям молотил пулемет... Можно представить лишь в страшном сне. По-другому – бывало. И не раз. Коньком отряда были операции по ликвидации изредка появлявшихся банд и поиску сбежавших из лагеря русских.

Но то, что происходило сейчас, совершенно не соответствовало стандартам. Никогда раньше отряд не нес таких потерь, никогда не терял убитого первой же очередью командира, и никогда Агеру не приходилось брать командование на себя.

Впрочем, это не имело особого значения. Полученное унтер-офицером военное образование было лучшим в мире. И Агер четко знал, что стоит его людям добежать до домов, и они сразу обретут укрытие, сумеют перегруппироваться, а затем и завершить столь неудачно начавшуюся атаку. В конце концов, несмотря на убийственный огонь пулемета, потери еще не стали критичными.

Сосредоточенность на собственных мыслях не помешала унтер-офицеру расслышать звонкий щелчок. Агер не успел ни удивиться, ни придать значение услышанному. Равно как и

оценить то, что нога его будто провалилась, раздавив нечто упругое. Буквально через доли секунды противопехотная мина – примитивная тротиловая шашка со взрывателем нажимного действия – взорвалась под правым сапогом унтер-офицера, начисто разворотив ему стопу.

Агера подкинуло, будто на трамплине, и мгновение спустя свежее испеченный командир отряда рухнул на землю, заходясь в бешеном крике. Скорчившись, унтер-офицер подтянул к себе пострадавшую ногу и попытался зажать руками стопу, но тут же отдернул пальцы – остатки сапога и брюк тлели.

Едва вдохнув воздух в легкие, Агер тут же выпустил его. Выгнувшись, унтер-офицер сучил изувеченными конечностями и заливался диким криком. Через секунду к нему присоединился еще один боец, наступивший на мину и совершивший такой же кульбит в воздухе. Остальные, будто нарвавшись на невидимую стену, тут же залегли.

Безусловно, унтер-офицер прошел хорошую школу обучения, и его собственная безупречная и результативная служба на протяжении нескольких лет давала повод для гордости. Однако прошлый опыт и полученные знания теперь ничего не стоили. Все секреты суровой и самой жестокой в истории человечества войны принадлежали бойцам Терехова. Минирование подступов к населенному пункту – азы организации обороны. Равно как и максимально плотный огонь, которым следует встречать атакующих.

Тот, кто посылал штурмовые группы на Лебеди, даже не задумывался о таких мелочах. Он просто не принимал их во внимание.

Нельсон

Второй раз за день я нажал на спусковой крючок и дернулся от короткого удара приклада в плечо. Коздоев, твердо вжавшись в пулемет, продолжал поливать противника короткими, как принято говорить, экономными очередями.

Взглянув на цель, я с каким-то отстраненным равнодушием заметил, что немец валяется недвижимо: чья-то пуля – моя, моего напарника или пулеметного расчета Дилярова – его все же настигла. Чья конкретно, меня не интересовало. Чувствуя, что первое волнение уходит, я старался представить себя приложением к карабину, эдаким механизмом, исполняющим приказ.

– Любого выбирай! – Оторвавшись от пулемета, Коздоев повернулся к принесенной им с собой сумке. – И стреляй, не останавливайся!

Я послушно передернул затвор, выбрасывая гильзу, и прицелился в первого же попавшегося немца. Выстрел. Отработка затвора – гильза, кружась, вылетает из казенника, досыл патрона. Простые, грозящие стать для меня автоматическими действия. Итогом всего их комплекса станет раскаленный кусок свинца, могущий запросто оборвать чью-то жизнь. Я четко сознавал это.

И со всей старательностью производил зарядание, прицеливание, совмещая все с конечным этапом – выстрелом. Стараясь попасть в поднявшиеся с земли фигурки. Черт возьми, я этого действительно хотел!

Выбросив гильзу, я перевел предохранитель в вертикальное положение и отвел затвор. Нашаривая в патронташе обойму, скосил взгляд на Коздоева. Тот, распотрошив свою сумку,

спешно натягивал на ладони здоровенные рукавицы.

– Стреляй, не останавливайся! – Не оборачиваясь ко мне, красноармеец ухватился за дуло пулемета и выдернул его из кожуха. Отложив в сторону, тут же сменил ствол запасным, извлеченным из той же сумки.

– Перезаряжаю, – отозвался я и, вытянув обойму, выдал из нее в магазин патроны. Получилось на удивление легко, и я с радостью отметил, что руки у меня совершенно не дрожат.

– Молодец, – скупно похвалил меня Коздоев и, закончив со своими делами, прильнул к пулемету. – На выбор стреляй, не останавливайся!

В ту же самую секунду, едва я поднес к плечу приклад, один из бегущих к нам немцев наступил на мину. Сапог его скрылся в мгновенном выхлопе огня, разлетаясь кроваво-красными обрывками, и искалеченного швырнуло на землю.

Сморщившись, я перевел прицел на бегущего рядом и выстрелил. Человек, дернувшись, согнулся, зажимая ладонью плечо. Затем, сделав буквально еще пару шагов, рухнул на колени.

Оперативный отряд, атакующий во фланг

Другие

Обер-лейтенант Кристиан Бель, услышав перестрелку, недовольно нахмурился и посмотрел на часы.

– Раньше на пятнадцать минут, – озвучил его мысли лейтенант Шуман. Констатируя неприятный, свидетельствующий об очередной несогласованности факт, заместитель командира прислонился спиной к обрывистой стене оврага и достал из кармана портсигар.

То, что сводная группа Хеллера начала свою операцию раньше установленного времени, ни в коем случае не влияло на план действий Беля. Фланговая атака должна была состояться именно в четырнадцать часов десять минут и не секундой раньше. Что бы там ни взбрело в голову выскочке Хеллеру.

Впрочем, гадать о причинах, по которым лейтенант повел группу в атаку раньше назначенного времени, не приходилось. Наверняка соплик собирался самостоятельно занять деревню и отразить этот факт в отчете. Огромными, потрясающими воображение буквами.

– Соппротивление... – Затянувшись сигаретой, Шуман с интересом прислушался к разгорающимся звукам боя.

Бель промолчал, почувствовав, что вместо вполне закономерной досады и раздражения на идиота Хеллера начинает тревожиться. Два пулемета непрерывно лупили короткими очередями, а вот выстрелов карабинов и автоматов было до обидного мало. С чего бы? Ведь если пулеметчики Хеллера лупят сейчас по подозрительным местам, наверняка к обстрелу присоединилась бы и вся остальная его орда.

Похоже, Шуман прав. Два пулемета – достойная встреча, устроенная обороняющимися для бестолковой толпы Хеллера.

– Связь мне с Хеллером! – раздраженно бросил Бель подбежавшему радисту. – Быстро.

– Не будет. – Флегматичный Шуман, сделав очередную затяжку, с ленивым любопытством наблюдал, как бойцы их отряда, стремительно преодолевая открытое пространство, скапливаются в овраге, который был выбран точкой сбора. Двое, максимум трое, бегут, а другие, все еще оставаясь в лесу, прикрывают их. Классика выдвижения на позицию. Участвовавший еще в русской и польской кампаниях Шуман был не просто опытным солдатом. Он являлся настоящим ветераном, кладезем военной премудрости и прекрасно понимал, что основные постулаты военной науки в буквальном смысле написаны кровью.

В деревне нет русских бойцов? Хорошо, пусть так. А если и есть, они никуда не годны? Вполне допустимо.

Но ведь это не означает, что следует переть толпой и нарушать согласованный график наступления.

Связи, естественно, не было. Попасть под два пулемета дорогого стоит. Шуман не сомневался, что первым делом пулеметчики вывели из строя бестолкового Хеллера и его радистов.

– Перекатами, бойцы! – Затушив сигарету, лейтенант отбросил в сторону окурков. – Первая группа со мной, вторая за обер-лейтенантом! Следите за окнами домов и чердаками в первую очередь!

Поднявшись, Шуман прошел по оврагу до его скошенного склона, передернул затвор автомата и, покинув укрытие, побежал как можно быстрее, прилежно меняя направление, сбивая тем самым гипотетический прицел стрелка противника.

Даже не оглядываясь, лейтенант прекрасно знал, что за ним следуют восемь человек, выполняя точно такие же маневры, как и он сам. Азбука. Все та же, кровавая. Часть бежит, занимает рубеж. Оставшиеся прикрывают бегущих огнем.

Добравшись до намеченного ориентира – цепочки небольших бугорков, – лейтенант упал на землю и махнул рукой, давая сигнал старту второй группы. Слева и справа заученно падали его бойцы, беря под прицел дома – в первую очередь окна и чердачные помещения.

Скосив глаза, лейтенант увидел, что Бель, возглавлявший подразделение в семь человек, повел своих под углом к нынешней позиции Шумана. Правильно. Будут стрелять по наступающим – не смогут вести огонь в сторону уже залегшей группы.

Трескотня пулеметов в стороне шла на убыль. Будь на месте Шумана завзятый оптимист, он бы наверняка подумал, что Хеллеру удалось достигнуть деревни и закрепиться в ней, сблизившись с противником. Однако лейтенант мало того что не относился к категории людей, смотрящих на жизнь через розовые очки, так еще и являлся грамотным военным. И знал прекрасно, что подавить огневые точки можно лишь собственным огнем. Усиленной и масштабной стрельбы карабинов и автоматов, в основной массе бывших на вооружении у штурмовой группы, лейтенант не слышал. И делал единственно правильный, на его взгляд, вывод: группа Хеллера как боевое подразделение уничтожена. И сейчас ее просто добивают.

Бель, стараясь петлять ровно так же, как делал это лейтенант, миновал условную середину пути. Задача, стоящая перед обер-лейтенантом, была чрезвычайно проста и вместе с

тем довольно опасна. В то время как группа Шумана, обнаружив укрытие на местности, залегала на середине пути и прикрывала, Бель со своими бойцами должен был покрыть расстояние от оврага до намеченного целью дома на окраине за один рывок. Таким образом, если под огонь попадал обер-лейтенант, Шуман обязан был прикрывать его либо, воспользовавшись тем, что внимание обороняющихся сосредоточено на второй группе, достигнуть окраинного дома самостоятельно. Очень простая и незатейливая, но довольно эффективная тактика. Один из двух отрядов неминуемо выполнял поставленную перед ним задачу.

До цели Белю и его ребятам оставалось не более пятидесяти метров. Шуман, верный своим принципам никогда не загадывать наперед, в целом уже готов был признать, что им в некоторой степени повезло, как вдруг...

Земля под ногами бегущих неожиданно выбросила вверх черно-зеленые комки почвы и огненные султанчики подрывов. Их было множество. Не один, не два и даже не десяток.

Холодея, Шуман с неожиданной четкостью и ясностью классифицировал произошедшее – подрыв минного поля. Одновременная инициация зарядов позволяет мгновенно уничтожить целое подразделение и не оставляет никаких шансов счастливым, непосредственно не наступившим на мину.

Зона поражения идеально накрыла бегущих. Десятки подрывов швыряли в стороны не только комья грязи, но и сотни мелких осколков, секущих ноги и тела наступающих. Никаких простых вариантов с обычными тротильными шашками. Заведенные в цепь мины были снабжены различными поражающими элементами, и теперь сотни граммов железа, насыщая собой каждый кубический сантиметр воздуха, жадно рвали человеческую плоть.

Двое из отряда, избежав воздействия минного поля, увлеченно пробежали вперед, но, оглянувшись, тут же залегли. Совершенно верно. Никакой беготни по минному. Остальные же пятеро, рухнув на изрытую взрывами, поляну, с разницей в какие-то секунды завопили от переполнявшей их боли.

Сама мина – не такое уж страшное дело. В зависимости от мощности она может оторвать ступню или всю ногу по колено, но только в редком случае сразу, моментально, лишит жизни. Кроме того, подрыв мины в пяти-шести шагах уже практически не страшен, ее разрушительная сила сосредоточена в очень узком и довольно небольшом пространстве.

Однако подрыв целой серии мин, начиненных поражающими элементами, ни в коей мере не преследовал целью использовать лишь фугасные свойства {3}. В гораздо большей степени тех, кто готовил закладку, интересовал разлет осколков. При таком подходе после взрыва получалась сплошная зона поражения в десятки квадратных метров.

– Не дергайся! – Шуман отрезвил одного из своих бойцов, готового броситься на помощь раненым. – Обер-лейтенант! – громко выкрикнул Шуман. – Бель, ты жив?

– Здесь ранены все, господин лейтенант! Дева Мария, тут просто ад! – спустя некоторое время отозвался один из не затронутых взрывом бойцов, стараясь перекричать ругань и стоны пострадавших.

– Заткнитесь все! Вы хотите, чтобы вас расстреляли, как придурка Хеллера? Закройте рты и перевяжитесь! – не стесняясь в выражениях, кричал Шуман.

Ситуация осложнилась. На ровном месте потерять половину бойцов... чем он лучше

того же Хеллера? Нет, не нужно лишних обвинений. Как можно предусмотреть минное поле? Да и, в конце концов, это все лишь выглядит страшно. Много крови, много ранений, но наверняка не так уж и много смертельных или хотя бы достаточно тяжелых. По крайней мере, на это хотелось надеяться.

Внимательно следя за происходящим, Шуман удовлетворенно кивнул. Отлично. Двое оставшихся невредимыми подползли к раненым и сноровисто оказывали им первую помощь. Эта проблема решена. По крайней мере, пока.

Однако оставалась еще одна, гораздо более серьезная.

– Петерс, вперед. Не спеши. И не останавливайся.

Сплюнув, один из бойцов поднялся с земли. Бросив взгляд в сторону подорвавшихся товарищей, рядовой перешагнул пригорок и, внимательно смотря под ноги, направился вперед. Ему было необходимо пройти до ближайшего дома по меньшей мере шестьдесят метров. И не исключено, что шаги эти Петерс должен был сделать по минному полю.

Нельсон

Как Коздоев умудрился услышать звонок, я не представляю. Тем не менее, пока я отстреливал свои невеликие запасы патронов, мой напарник огонь прекратил и схватил трубку телефонного аппарата. Я удивленно посмотрел на него, однако останавливаться не стал. Различил шевеление в рядах недвижимых тел и выстрелил. Передернул затвор, дослал патрон и вновь прицелился к прицелу, выискивая цель.

– Парень! – Коздоев, чрезвычайно серьезный, отвлек меня от моего занятия и, кивнув на пулемет, спросил: – Умеешь?

– Мне показывали, – неопределенно ответил я и пожал плечами.

– Владей, – расщедрился Коздоев. – На фланге еще группа немцев. Уже подошли. Я снимаюсь и Диляров тоже: мы уходим на восток. Ты будешь сдерживать всех, кто тут остался. Понятно?

Всех? Стоп, а кого всех-то? Последнюю пару минут пулемет практически не работал: стрелял только я, да и то скорее всего добивал раненых.

– А кто тут? В смысле, там же все... уже того... – нахмурившись, выразил я свою мысль.

– Здесь не меньше пятнадцати человек, которые вообще не ранены или ранены легко. Рано или поздно они поднимутся – или в атаку, или побегут. Будут атаковать – убивай. Побегут – не убивай. Кто будет отстреливаться, сразу дави. Держись, потому что, если они доберутся до тебя, хана не только тебе, но и всем нам. Мигом по домам рассыплются.

Высказав такое напутствие, Коздоев быстро скрылся в лазе чердака. Я услышал его быстрые шаги по первому этажу и скрип двери, возвестивший, что я остался совершенно один против целого отряда немцев.

Наверное, мне следовало возмутиться. Хотя бы для виду.

Мысль эта пришла мне в голову, когда я уже лег за пулемет и прижался к прикладу плечом. Проверил предохранитель, аккуратно пощупал пальцами спусковой крючок. Взглянув на него сбоку, изменил положение пальца и для пробы нажал на верхнюю часть

«собачки». Пулемет, дав одиночный выстрел, ощутимо лягнул меня в плечо, так, что я чуть не отлетел в сторону.

Исправив ошибку, я крепко вжался в приклад и, подведя прицел к недвижимо лежавшей, показавшейся мне подозрительной, фигуре, вновь выстрелил. Попадание рвануло обмундирование на спине немца. Не дернулся. Отлично.

Глухой удар в доску, на пару метров выше меня. Я резко повернулся вместе с пулеметом, выискивая стрелка, и в ту же секунду грохнул еще один выстрел. Пуля пролетела в столь опасной близости, что я явственно слышал ее свист.

Пригнувшись, я извернулся так, чтобы меня не было видно в амбразуру, и нажал спусковой крючок, выпуская длинную продольную очередь. Попытка разглядеть этих хитрецов, судя по всему, грозила серьезными неприятностями. Поэтому я выбрал другой путь, на мой взгляд, более эффективный: решил наспиговать свинцом всех: и мертвых, и предположительно живых. Благо, все до одного улегшиеся на поляне были у меня как на ладони. Максимально, чем они могли прикрыться, так это телами своих уже павших товарищей. Однако, насколько я понимаю, для пулеметной пули человеческое тело – не препятствие.

Аккуратно выглянув и направив ствол на лежащих вперемешку немцев, я, зажав спусковой крючок, повел пулеметом в сторону, стараясь вывести прямую линию. Надеюсь, это стало чертой под чьей-то жизнью.

Другие

Наверное, в какой-то мере это было безумием. Но не зря говорят: глаза боятся, а руки делают. И оттого, вполне успешно справившись с натиском крупного отряда, Дилиаров при должном везении рассчитывал не позволить и второй группе проникнуть в деревню.

Впрочем, именно о везении лейтенант думал в последнюю очередь. Главным было отнюдь не оно, а боевая выучка, слаженность и максимальная готовность к любому повороту событий. Всем этим его временная группа обладала в полной мере.

Настя, оставленная за наблюдателя, сообщила о засечке небольшого немецкого отряда. Противник скапливался, намереваясь в ближайшее время произвести атаку.

Дорога до рубежа заняла несколько минут. Уже будучи в пути и услышав звук масштабного подрыва, разведчики ускорились. Сработало минное поле, а значит, сражение вступило в финальную стадию. Дилиарову совершенно не хотелось, чтобы немцы сумели добраться до домов и закрепиться в них. Вопрос, кто быстрее достигнет восточной окраины деревни, становился жизненно важным.

Спешка, конечно же, никогда к добру не приводит. Прежде всего, снижает внимательность. Нередко оборачивается катастрофой.

До необходимого им дома Дилиарову с товарищами оставалось несколько шагов: всего лишь свернуть с заросшей тропинки во двор. Расположившись на чердаке древней постройки, а также используя как амбразуры окна первого этажа, разведчики намеревались сдержать наступление второй группы немцев. Именно на случай атаки с разных сторон несколько домов в деревне были превращены в укрепленные пункты с подготовленными

бойницами и внушительным запасом оружия. Словом, разведчикам оставалось лишь нырнуть во двор дома, когда прямо напротив них, метрах, может, в десяти-пятнадцати, показались немцы.

Встреча оказалась неожиданной для обеих сторон. Тем не менее они повели себя совершенно по-разному. Разведчики, каждый выпустив в сторону противника короткую, патрона на три-четыре, очередь, синхронно рухнули на землю. Не особо и заботясь о точности, фактически стреляя уже в падении. Оказавшись в траве, Величко еще раз обстрелял немцев, на этот раз уже прицельно. Диляров и Коздоев, перекатившись в стороны, через пару секунд тоже открыли огонь. Таким образом, спустя четыре секунды с момента встречи разведчики обстреливали немцев с трех разных точек и располагались на земле. Противник же в это время все еще стоял на ногах: трое захватчиков лупили длинными очередями.

Длинная очередь не прицельная. Первый-второй патроны, даст бог, уйдут в цель, а вот другие – однозначно нет. Кроме того, стрелять стоя, от бедра – значит уменьшать и без того невеликие шансы попасть. Ну, и не стоит забывать о том, что первыми выстрелами, собственно, такими же бестолковыми, «в молоко», разведчики заставили каждого из немцев вздрогнуть и поторопиться с ответным огнем.

В общем, как только советские воины заняли позиции и сумели прицелиться, чаша весов склонилась на их сторону. Один за другим немцы, сбитые с ног пулевыми попаданиями, повалились на траву. Не вставая, Диляров вынул из кармана куртки гранату, привел ее в боевую готовность и швырнул в сторону расстрелянных. Переждав взрыв, лейтенант поднялся на колено и махнул Коздоеву:

– Бегом на наблюдательный. Смотришь, спускаешься и докладываешь. Гранаты возьми.

Кивнув, красноармеец живо умчался во двор. Диляров, не спуская взгляда с подстреленных немцев, быстро сменил позицию и скрылся за углом дома. Покосился на лежащего в траве Величко:

– Степан! Давай ко мне живо!

Величко пошевелился и повернулся к Дилярову:

– Не могу, товарищ лейтенант. Подстрелили.

– Ах, ты ж черт... – скрипнул зубами осетин. – Сильно?

– В ногу... В плечо точно, – неуверенно отозвался красноармеец.

Хреновое дело. Вдвоем немцев отогнать будет гораздо труднее. Впрочем, сетовать на судьбу лейтенанту было не с руки. Столкнувшись фактически нос к носу с тремя немцами, положили их наглухо, а у себя заимели раненого. Отличный расклад.

– Потерпи... хоть пару минут!

Мог бы и не говорить. Величко, оставаясь на своем месте, худо-бедно прикрывал направление. Затей он сейчас перевязку – сразу выключится из боя. Допустить этого в данный момент было никак нельзя. Красноармеец это прекрасно понимал и о первой помощи даже не заикался.

Сверху, с чердака дома, донеслись звуки ударов. Коздоев настойчиво колотил по дереву, видимо, выбивая трухлявые доски.

– Что там? – нетерпеливо крикнул Диляров, наплевав на всякую маскировку.

– Удирают, лейтенант! Сейчас я их из пулемета причешу!

– Отставить! – одернул подчиненного Диляров. – Сколько их?
– Семь! Семь, лейтенант! Они раненых бросили, со всех ног чешут!
– Спускайся вниз быстрее, – подвел итог Диляров, перекинул автомат через шею и подбежал к Величко: – Давай, Степ, говори, что?

Нельсон

Такое ощущение, будто кто-то рассказал немцам о том, что я остался на чердаке один. Иначе не могу объяснить, отчего они так активизировались. Умом я понимал, что шансов попасть в меня у нападавших немного, однако это слабо помогало. Пули исправно дырявили мое убежище и несколько раз даже пролетали в опасной близости.

Я отвечал на обстрел, правда, делать это мне приходилось практически вслепую. Я заставлял себя на несколько мгновений приподняться над уровнем пола в надежде увидеть противника, затем направлял дуло пулемета в ту сторону и открывал огонь. Ничего сложного, но и эффективности, как я думаю, в моих действиях было немного. Впрочем, через пару минут стало вообще не до того. Немцы открыли шквальный огонь, вследствие чего я вынужден был не просто залечь, но еще и отползти в глубь помещения, утаскивая за собой пулемет. Я понимал, что рискую проворонить атаку, но ничего с собой поделывать не мог. Правильность такого решения подтвердилась уже через несколько секунд. Оказавшись в дальнем конце чердака, я смог воспринимать происходящее более объективно, имел больший угол зрения, и мне не составило большого труда определить, что немцы, так сказать, пристрелялись. Большинство попаданий били в крышу над моей бывшей позицией, а некоторые выстрелы и вовсе проходили в опасной близости от импровизированного бруствера, еще недавно охранявшего меня.

Поступок, конечно, правильный и вытекающий из создавшейся ситуации. Только вот в перспективе... В перспективе я труп, как Коздоев, и Диляров, и Величко, и все остальное население деревни.

Вздохнув, я пополз в другой угол, толкая впереди себя пулемет. Сменил, так сказать, позицию: аккуратно переместился ближе к амбразуре. Дождался краткого перерыва в стрельбе и выглянул в сторону противника, искренне надеясь, что немцы до сих пор целятся на пару метров правее. Каково же было мое удивление, когда вместо группы разозленных фрицев, подбирающихся к моему убежищу, я увидел не более десятка, всюю делающих ноги в сторону леса, из которого, собственно, они и появились! Проводив их недоуменным взглядом, я не сразу сообразил, что было бы неплохо выпустить вслед пару очередей.

Я навел прицел на одну из фигур. Бежал противник идеально прямо, без каких-либо маневров, и оттого и мишенью являлся идеальной.

Прицел – на ноги бегущего, палец – на спусковой крючок. Короткого нажатия хватит, чтобы немецкая скорострелка выпустила пять-шесть патронов. Скорее всего большая их часть попадет в человека: «МГ-34», по словам Клыкова, дает хорошую кучность.

Аккуратно отпустив спусковой крючок, я лег рядом с пулеметом, немного приподнимаясь на локтях. Задумчиво смотрел на улепетывающих немцев, и мысли мои, признаться, были неожиданны даже для меня самого.

Наверное, в какой-то мере мы являлись антагонистами. Я и оружие. Пулемету прямо-таки не терпелось накрыть, разорвать в клочки, убить или хотя бы ранить. Я же, пару минут назад вполне уверенно стрелявший, попадавший и наверняка лишавший жизни, сейчас стрелять в спины не хотел. Убивать ради убийства мне как-то претило.

Бой был закончен. И из солдата, бойца, не знаю... кровавого мстителя мне нужно было вновь превратиться в человека.

На пути в Лебеди

Другие

Колонна, выстроившись у съезда с трассы, выжидала уже второй час. Бойцам было разрешено выгрузиться, и теперь рота воинов, вместо того чтобы париться на броне и в грузовиках, вольготно расположилась в тени придорожных посадок.

Не поверив сдавшемуся русскому, майор Бермхард предпочел собрать все имеющиеся в наличии силы для мощного подавляющего удара. В какой-то мере он рисковал, однако в данном случае игра с фортуной была оправдана.

Майор был уверен в том, что военные силы под его руководством, подобно первой колонне несчастливой Штрубе, ожидает засада. Русский в данном случае являлся довольно топорно выполненной приманкой, которая должна была заставить Бермхарда нестись вперед сломя голову.

Что ж, майор готов был принять правила игры, уготованные так называемыми пришельцами из будущего. Пятнадцать человек, что они могут устроить?

Они сумели уничтожить разведку Штрубе – тут же приходил ответ на мысленный вопрос. И это стоило принимать в расчет. Однако сейчас майор привел силы, как минимум впятеро превышающие те, которыми располагали русские. Мало того, Бермхард вывел в поход несколько единиц бронетехники. Что бы ни придумали русские, какими дьявольскими ни были бы их планы, несомненно, они потерпят неудачу. Сосредоточенные в руках майора силы способны были смести с пути не то что пятнадцать, а все сто пятьдесят человек.

Впрочем, Бермхард, надеясь на наступательную мощь своих подразделений, не преминул и подстраховаться. Именно с этой целью в Шванендорф была направлена спецгруппа «А». Профилем данного отряда долгие годы служили специальные операции, отслеживание и ликвидация банд, а также противодействие воинским формированиям различного толка. Если те, кто составлял основу подразделения Бермхарда в настоящий момент, в основном были из охранных отрядов и сил самообороны, то спецгруппа «А» – элита, военные профессионалы.

Задача, которую поставил Бермхард перед спецгруппой, была чрезвычайно проста: занять опустевший Шванендорф.

Основная ударная сила в лице отряда майора должна была растоптать и уничтожить на месте самонадеянных русских. Вместе с тем Бермхард не исключал, что, увидев, сколь серьезный оборот принимает дело, засада просто снимется и, сверкая пятками, бросится в

Шванендорф, чтобы спрятаться в домах.

Выковыривать трусов и тем самым терять время, расходовать боеприпасы, подставлять под шальные пули своих людей Бермхард не собирался. Как только спецгруппа займет Шванендорф, тут же последует доклад, что населенный пункт взят под контроль и в нем занята оборона. Затем вперед пойдет колонна Бермхарда: собьет с позиций жалкую засаду и выгонит ее под немецкие стволы в деревне. Все очень просто. Впрочем, русские и не заслуживали тактических изысков. Бороться с ними, да и вообще что-то выдумывать – сродни применению новинок и борьбе интеллектов на охоте. К чему это? Зверь никогда не сравнится в уме и фантазии с человеком.

– Герр майор! – Радист, выглянувший из машины связи, махнул рукой.

Бермхард, неторопливо поднявшись с легкого раскладного стула, прошагал к машине, нырнул внутрь кузова и взял у радиста наушники. Он прекрасно знал, что ему сейчас предстоит услышать рапорт о взятии Шванендорфа.

– Говорит унтер-офицер Циглер.

Удивленный Бермхард посмотрел на радиста и отметил довольно бледный вид подчиненного. Определенно, техник нервничал.

– Позовите обер-лейтенанта! – Не хватало еще принимать доклад от нижнего чина.

– Обер-лейтенант погиб. Я старший по званию из оставшихся в живых. – Безжизненный голос докладывающего наконец-то произвел впечатление на майора.

Бермхард, чувствуя, как холодеет внутри, взволнованно закричал:

– Что значит – «из оставшихся в живых»?! Что произошло, унтер-офицер?

– Из моей группы в живых остались шестеро, герр майор. Группа лейтенанта Хеллера скорее всего уничтожена полностью. Мы не смогли войти в деревню, герр майор: здесь очень серьезное сопротивление и заминированы все подходы. Продолжать атаку мы не в состоянии.

Бермхард, опустив наушники, машинально передал их радисту. Что же это получается? Почти два взвода не смогли взять деревню? Какие этому могут быть объяснения?

Бермхард почувствовал, как изнутри поднимается ярость, топящая в себе досаду. С одной стороны, майор понимал, что виноват сам. Ошибся в предположениях, а вот чертов русский оказался прав. Занявшие деревню ублюдки и впрямь не помышляют о засадах! Зарылись, словно мыши, в своих укрытиях и сидят там, пряча носы!

Но Христос и его апостолы! Два взвода! Разведка! Сколько еще эти неугомонные русские будут пить немецкую кровь?

Решительно выскочив из кузова машины связи, Бермхард рывкнул на мгновенно оказавшегося рядом адъютанта:

– Выступаем! Немедленно!

Терехов, не скрывая вздоха облегчения, положил трубку аппарата. Посмотрел на Симакова, напряженная спина которого выдавала мучившее его ожидание. Сержант, ни на минуту не отвлекаясь от наблюдения, несомненно, слышал разговор Терехова и какие-то первоначальные выводы уже сделал.

– Разобрались они. – Капитан, взяв бинокль, пристроился рядом с Симаковым. Прекрасно вписанный в небольшой пригорок окоп заботливо прикрыт сверху дощатым

настилом, который, в свою очередь, тщательно обложен дерном. Места на двоих хватало за глаза. Впрочем, не это являлось главным достоинством наблюдательного пункта.

На всем протяжении от основного шоссе до Лебедей дорога представляла собой обычную грунтовку, зачастую выписывающую весьма затейливые кренделя. Овраги, пологие возвышенности, небольшие рощи и кустарник – природа не особо баловала разнообразием. Тем не менее грунтовка вынуждена была приспособливаться к ландшафту. И некоторыми его особенностями было грех не воспользоваться.

Огибая глубокий, с протекающим по дну небольшим ручейком овраг, дорога описывала длинную дугу. С противоположной ее стороны цепью шел ряд невысоких холмов. Совершенно обыденная картина для данной местности. Терехов, хорошенько исследовав путь от Лебедей, мог это сказать с полной уверенностью: холмов и оврагов возле дороги было сколько угодно. Однако нигде не совпадали они столь идеально, как здесь.

На первый взгляд место для засады подходило мало. Никаких тебе лесов, всего лишь редкий кустарник, никакого ограниченного пространства, запирающего колонну. Ничего, что могло бы указывать на опасность. Но это было обманчивым впечатлением.

– Что там? – не выдержав молчания, задал вопрос Симаков.

– Два отряда пытались войти. Дилиров докладывает, что бóльшую часть уничтожили. Ушли не больше десятка.

– А сколько всего было?

– Не меньше двух взводов, по словам Дилирова. Труды наши даром не прошли.

На этот раз Симаков промолчал. Сержант был уверен, что после того, как Терехов получил сообщение о нападении на деревню, он немедленно снимет засаду и поведет ее на помощь своим. Казалось, все абсолютно ясно – немцы не купились! Наоборот, сами провели, выслав на фактически покинутое село не меньше взвода, как докладывали поначалу. Тем не менее Терехов, не колеблясь, велел оставаться.

Стоит сказать, что на то у капитана были свои причины. Будучи человеком предусмотрительным и ответственным, Терехов не любил менять собственных планов. Сейчас же его решение могло поставить крест даже на тех зыбких перспективах, что, казалось, возникли перед всем отрядом.

Пропусти колонну с бронетехникой к деревне – будет не отбиться. Можно только подороже продать свои жизни, побольше фрицев свести в могилы, но не более того. Бой в городских условиях, если тебе нечем подавить броню, обречен на поражение.

Дорогу следовало держать до последнего, даже понимая, что фокус с Илюхиным не прошел. Сниматься с позиции было нельзя. Фактически – смерти подобно.

К тому же при подготовленной обороне, которую они постарались создать в Лебедах, три десятка атакующих – совсем не страшно. Заранее распределенные сектора обороны имели укрепленные точки с заготовленным оружием. И если даже немцам удалось бы проникнуть сквозь внешние минные поля и периметр, Лебеди имели несколько внутренних рубежей, штурм которых дорого обошелся бы врагам.

Время показало, что расчет Терехова оказался верным. Силы атакующих даже превышали первоначально указанную цифру, и тем не менее штурм был удачно отбит. Правильное решение и грамотные действия его подчиненных – вот и весь рецепт.

Что же касается колонны, то она быть должна. Взвод, который захватит деревню, – это далеко не те силы, о которых стоит говорить как о гарнизоне. Вероятнее всего транспорт немцев должен был выдвинуться одновременно с атакой либо уже после доклада о взятии Лебедей. И даже если нападавшим удалось известить командование о провале их плана, это играет только на руку Терехову. Окончательно удостоверившись, что упрямые русские занимают оборону в деревне, фашисты просто обязаны подходить к ней с тяжелым вооружением и стирать ее с лица земли.

– Вижу... – Симаков прервал напряженно мыслившего капитана.

Терехов, взглянув в бинокль, удовлетворенно кивнул. Ситуация была просчитана им абсолютно верно. Судя по времени, колонна дождалась доклада о разгроме и тронулась в путь. Это, несомненно, говорило об импульсивном и совершенно не продуманном решении. Вместо того чтобы разобраться в причинах поражения, командование продолжало применять одну и ту же тактику, заставляя подчиненных следовать одному и тому же шаблону.

Перед тем как снять трубку и подать команду на готовность, Терехов внимательно рассмотрел приближающуюся колонну.

Мотоцикл впереди, бронетранспортер, три грузовика, легковой автомобиль и, замыкающей, еще одна бронева машина. Ничего нового. Практически тем же составом немцы пытались занять деревню в прошлый раз, и им это не удалось.

Куций мотоциклетный дозор. Какую опасность он в состоянии засечь? Почему колонна движется в походном порядке по территории, контролируемой противником, по какой причине отсутствует боковое охранение и арьергард? Как можно быть столь самонадеянными и беспечными? Это не укладывалось в голове у капитана.

Илюхин, в случае присутствия его в колонне, должен был обозначить себя увеличением передовых дозоров до трех-четырех единиц и наличием бокового пешего охранения. Никакой роли для обнаружения затаившихся разведчиков эти меры бы не сыграли, однако существенно притормозили бы немцев, что, безусловно, облегчило бы задачу засады.

Изначально Свиридов, да и сам Илюхин были уверены, что немцы примут сержанта с распростертыми объятьями. Поверят ему и, следуя указаниям, позволят увлечь себя в ловушку. Терехов к положительному исходу задуманного относился со здоровым скептицизмом и, как показало будущее, был абсолютно прав. Версия сержанта не выдержала проверки. Ясно это стало сразу после нападения на Лебеди, а состав колонны и отсутствие условленных знаков только подтвердили опасения.

Впрочем, в определенном смысле это даже на руку. Не было никакой нужды рисковать и применять вариант, который предусматривал изъятие из колонны Илюхина. Можно было привести в исполнение гораздо более легкий и кардинально жесткий план.

– Готовность! Операция начинается! – крутанув ручку аппарата, дал команду Терехов. Симаков, отложив в сторону бинокль, взял в руки «Маузер» и, аккуратно выставив ствол в амбразуру, используемую для наблюдения, принял к оптическому прицелу. Терехов, понимая, что сержант не нуждается в его помощи или подсказке, без особой спешки подался назад, выползая из окопа.

Наблюдательный пункт, расположенный на довольно далеко отстоящем от дороги

холме, безусловно, был хорош и свои функции выполнял на все сто. Колонну и двигавшийся вперед дозор капитан засек километра за полтора. Но вот для оборудования на нем огневой точки холм не подходил совершенно. Единственная на черт его знает сколько верст вокруг высота мгновенно привлекала внимание, и для пулемета, к примеру, место здесь было гиблое. Накроют вмиг. Снайперская винтовка – совершенно иное дело. Снайпер стреляет редко, метко и при условии соблюдения маскировки практически незаметно. Пламя, сопровождающее выход пули из ствола, с успехом закроется кустами, а сам звук рассеется в окопе.

Выбравшись из НП, капитан торопливо сбежал по склону и припустил в сторону основных позиций, устроенных ближе к дороге. Неверно это и опасно – участвовать самому командиру в огневом бое. По-хорошему, сидеть бы ему на НП рядом со снайпером и контролировать ход операции, отдавая указания по телефону. Однако ввиду дефицита бойцов приходилось действовать неправильно, и поделаться с этим ничего было нельзя.

Мотоцикл опережал колонну метров на сто. Бронемашины и грузовики хоть и отставали, но старались держать бодренький, достаточно высокий темп.

Дозор, поневоле снизив скорость, миновал обозначенные вешки – подкрашенные белым со стороны разведчиков небольшие камни. Сбросили газ и остальные автомобили, втягиваясь в длинный, похожий на дугу поворот. Пропустив мотоциклистов и дав колонне войти в заминированный коридор, взрывотехник крутанул ручку подрывной машинки, приводя в действие адскую систему, состоящую из комбинированных минных полей и фугасов. Их расположение, а также количество заложенной взрывчатки позволяли бойцам Терехова не беспокоиться об исходе предстоящего боя. Да и самого сражения скорее всего не получилось бы.

Производя минирование, разведчики исходили из того, что колонна будет серьезной, имеющей в своем составе несколько танков и бронетранспортеров, а также не менее десятка грузовиков. Соответственным образом подбирались заряды и их мощность. Четыре машины и два легких броневики подрывная система должна была просто размазать по степи.

Нельсон

– Парень, ты живой? – Голос с характерным акцентом раздался снизу.

– Живой, – признался я, отрываясь от пулемета, с которым сидел обнявшись вот уже пару десятков минут. После того как часть немцев «дала по тапкам», я огня не открывал. Хотя, уверен, далеко не все из лежащих были мертвы. Я видел шевеление и даже слышал громкие стоны, однако реагировать на это у меня не было сил.

– Тогда я поднимаюсь. По мне не стреляй, – пошутил лейтенант и некоторое время спустя проворно забрался на чердак. Пригнувшись, он подошел ко мне и растянулся рядом.

– Как тут? – с настороженностью вглядываясь в открывающуюся картину, спросил Диляров.

– Докладываю, – постарался я собраться с мыслями, вел бой, стрелял. Противник отступил.

– Сколько ушло? – Лейтенант деловито положил рядом с собой автомат и сделал жест ладонью в мой адрес. Ничуть не сожалея, я тут же передал ему пулемет. Тяга к оружию у мужчин вполне оправдана. Но сейчас Диляров требовал у меня оружие не с целью полюбоваться им, а исключительно для того, чтобы воспользоваться. Как мастер необходимым ему инструментом.

– Десять ушло. – Врать я не стал. Даже и мысли такой не возникло. – Понятно, – невозмутимо кивнул лейтенант, проверяя пулемет. Затем, удовлетворившись осмотром, Диляров передернул затвор и посмотрел на меня.

– Значит так, боец. Вон там, в углу, в ящике, – гранаты. Бери пять штук. «Игрушки» немецкие, учили с ними обращаться?

– Учили. – Я настороженно кивнул. Направление, куда сворачивал разговор, мне нравилось мало.

– Колпачок отвинчиваешь, дергаешь веревку и бросаешь. Ничего сложного. Бери гранаты, спускайся вниз и обходи двор. По кустам проберешься как можно ближе к поляне, но не дальше забора, вернее, его остатков. Понял? Дальше – ни в коем случае! Там мины.

– Товарищ лейтенант, – помедлив, решил я, – а без меня нельзя?

– Без тебя? – Диляров жестко усмехнулся, сверля меня глазами. – Без тебя нельзя. Или ты закидываешь, а я добиваю, или, наоборот, за пулемет ложись. Нас тут только двое.

– А другие где? – протянул я с безнадежностью, уже отчетливо понимая, что, если Диляров пришел один, значит, по-иному просто не получилось. Будь в природе какие-то другие варианты, меня бы не стали задействовать в гранатометании.

– Степу побило. Азат с ним остался, и Настя хлопочет: перевязку делают. Других нет. Извини, парень.

– А Настя у вас кто? – Прекрасно понимая, что не место и не время, все же не задать вопроса я не мог. Девчонка несколько раз попадалась мне на глаза, однако никакого повода для разговора с ней у меня не находилось. Клыкова же, помня жесткую его отповедь, спрашивать не хотелось. С другими разведчиками я общался постольку поскольку, и удовлетворить снедавший меня интерес никак не получалось.

– Настя с нами попала сюда. Тебе что, не рассказывали?

– Нет, – немного покривил я душой. Кое-что я узнал от Клыкова, но дополнительная информация в любом случае бы не помешала.

– Мы все погибли. Кто раньше, кто позже – на одном задании. Настя последней из нас оставалась. И задание выполнила. – Диляров отвечал с долгими паузами, очевидно, тщательно подбирая слова.

– Что за задание?

– Слушай, слово даю, расскажу, но позже! – Диляров тряхнул головой. – Бери гранаты, спускайся вниз: надо дело делать, медлить нельзя!

Я подошел к указанному углу, взял пять немецких гранат с длинной, удобной для метания ручкой. Рассовал их по карманам, за пояс, пару оставил в руках.

– Без команды кидай. Старайся поближе к ним, чтобы забеспокоились. Не добьем – они нас добьют. И не высовывайся, с разных мест кидай. Вдруг их товарищи за нами смотрят. – Голос лейтенанта догнал меня, когда я уже спускался по лестнице. Остановившись и

внимательно выслушав указания, я поймал себя на мысли, что уже вполне нормально воспринимаю рекомендации как следует убивать ближнего своего. Более того – как добивать уже поверженного, раненого и побежденного врага.

Спустившись по лестнице и выйдя за дверь, я быстро обежал двор, не выпендриваясь, опустился на четвереньки и таким вот образом углубился в кусты, составляющие основу заросшего фруктового сада. Стараясь не сильно демаскировать себя, продвинулся к ограде, представляющей собой покосившийся плетень. Устроился за ним поудобнее, выбрав место и аккуратно, рядом, разложил справа от себя гранаты.

Если не мы их, то они нас, верно? Это они пришли на нашу землю, а не мы на их. Они не имели никакого права претендовать на Лебеди.

Логически возведенная система выглядела безупречно. Акценты расставлены, правила известны каждой из сторон: преступаете границу – будьте готовы умереть. И все же минут пятнадцать-двадцать назад все было проще. Они стреляли в ответ и делали это весьма результативно, чуть не укокошив меня и заставив покинуть позицию. Сейчас же большая часть из них была мертва, а раненые оглашали воздух громкими стонами. Они больше не представляли угрозы. Тем не менее правила оставались неизменными. Запущенный механизм нельзя было остановить.

Свинтив колпачок с рукоятки, я резко дернул шнур. Широко размахнувшись, отправил гранату по параболе в сторону раненых. Проводив боеприпас взглядом, я убедился, что моя посылка шлепнулась идеально точно – где-то между тел. Надеюсь, что вы, оставшиеся в живых, видите это. И у вас хватит духу выдержать все, что будет происходить, до конца. В ожидании взрыва я приник к земле.

У меня есть еще четыре гранаты, и я буду кидать их поочередно после того, как Диляров прошьет свинцом показавшиеся ему подозрительно активными тела. Данная методика наверняка позволит уничтожить большую часть тех, кто все еще оставался живым на страшной поляне.

Мне бы очень хотелось, чтобы вы, сбежавшие, наблюдали эту картину полностью, от первой и до последней минуты, во все глаза. Хочу, чтобы для вас эта поляна и эта деревня стали неразрывно связаны с ужасом, смертью и страданиями. И они оставили бы в ваших душах столь неизгладимое впечатление, что вы больше никогда не решились бы прийти сюда и заповедали это всем, кого вы знаете. На этой земле вас ждет только смерть, вам следует твердо запомнить это. Не приходите сюда.

Потому что я не хочу больше никого убивать.

Рабочий лагерь

Бон

Случившееся в душевой не имело никаких последствий. Используя меня мимоходом в каких-то своих играх, Ловкач тем не менее слово сдержал.

Все прошло очень тихо. Никакой беготни, суеты или разговоров. Убей бог, не знаю,

куда подевались тела, но меня о них никто не спрашивал. Не было никакой паники и даже шепотков по углам. Сгинули бесследно несколько человек, да и хрен бы с ними. Впрочем, это меня мало волновало. Гораздо важнее было то, что вечером, перед самым отбоем, меня и моих парней посетил фельдшер лагеря.

– Бон? – Мужчина средних лет в форме с нашивками медика остановился у моей шконки.

– Так точно. – Я поднялся со своего места, с интересом его разглядывая.

Медик взглянул на соседние кровати. Обошел Москвичева и, приблизившись к Волкову, сел на его шконку, завернув одеяло. Некоторое время разглядывал бледное, исхудавшее лицо парня, а затем положил ладонь ему на лоб, видимо, измеряя температуру.

– Я так понимаю, это тяжелый. – Получив какой-то результат, мужчина встал с кровати и вернулся ко мне: – Его следует переместить в городской госпиталь. Этому, – короткий кивок в сторону Москвичева, – вполне достаточно будет ухода в местном лазарете. – Мужчина внимательно и как-то устало посмотрел мне в глаза: – Это все или еще какие-то просьбы?

Несколько опешив от столь неожиданного поворота событий, я покачал головой.

– Тогда завтра утром с машиной отправлю в госпиталь. Второй ваш пострадавший освобождается от работ и переходит в лазарет. – Не прощаясь, медик кивнул и направился в сторону выхода.

Перехватив удивленный взгляд Москвичева, я со всей возможной уверенностью кивнул ему, хотя сам, честно говоря, был изумлен. Не думал, что Ловкач и тут окажется на высоте. Обещал мне помочь с ранеными, и пожалуйста, не обманул!

– Спасибо, слышишь, спасибо тебе! – Паренек поднялся со шконки и, пересев на мою кровать, протянул руку: – Вот, держи. Клянусь, жизни для тебя не пожалею!

– Тихо-тихо. – Руку я, разумеется, пожал и даже по плечу похлопал. – Чего ты так? Нормально все, добились, чего хотели!

– Да не за меня! – досадливо отмахнулся Москвичев. – За командира спасибо! Сам знаешь, плох совсем, и ему очень нужна медицинская помощь. Ты ведь уже... – Парень задохнулся, теряясь от распирающего его волнения.

Через несколько секунд, устав подбирать слова, улыбнулся виновато:

– Да спас ты нас, чего уж там... нам ведь конец был. И я, знаешь, думал, поскорее бы. А тут ты... сначала как шутка или издевательства их очередные. Нет, оказывается. Да и потом, ты тащишь нас на своем горбу, немощных. Ты не думай, я разговоры слышу, нас ведь списали все, один ты упираешься. Дураком тебя зовут, говорят, надрываешься, чтобы нас прокормить, а самому по такой работе одни крохи остаются. Ты не думай, я ценю это, но все равно... как в молоке мышь, барахтаешься. Сержант вон совсем плох. А ты, оказывается, вон как... сделал-таки. Спасибо тебе, друг. Век не забуду, верь – нужно будет, жизнь за тебя отдам. Слово даю!

– Подожди пока с клятвами: вот подлечитесь, на ноги встанете, тогда и поговорим, ладно? – Я постарался хоть немного остудить пыл бойца.

– Да что ты думаешь, я просто так, что ли? Языком ветер гоняю? Да это раньше тебе надо было сказать: за то, что ты сделал, за то, что от смерти спас лютой, поклон тебе до

земли! И что бы ни было дальше, как бы ни сложилось, я в долгу у тебя по гроб жизни буду! – нешуточно возмутился Москвичев.

– Тихо, – прервал я откровения, увидев, что к моему месту приближается заключенный с зеленой треугольной нашивкой на груди. Остановившись в двух шагах, он ухмыльнулся:

– Собирай барахло, Бон. Меняешь нары. К людям впишешься.

«Люди», как нетрудно догадаться, обитали в соседнем отделении барака. Миновав проход, завешанный цветными занавесками, я остановился на пороге. Огляделся. Да уж, по сравнению с нашим бараком блатные жили в свое удовольствие. Никаких двухэтажных нар: исключительно одиночные, с тумбочками. Перед каждой кроватью небольшой коврик. Куча всяких мелочей на стенах: плакаты местных кинодив, листовки и тому подобная мишура.

Знакомая картина. В расположении части во время моей службы многие бойцы и сержантский состав старались хоть как-то придать казарме жилой вид. Плакатов, конечно, не допускалось, но некоторые мелочи – собственные полотенца, небольшие талисманы, статуэтки – создавали иллюзию домашнего уюта.

– Тут падай и подходи по делу. Базарить будем. – Зэк, кивнув мне на свободное место, отошел.

Я, опустив свои пожитки и обменявшись взглядами с настороженными молчаливыми соседями, последовал совету. Прошел в угол помещения, отгороженный от остальных непрозрачной ширмой, сделанной, судя по всему, из простого одеяла. Аккуратно убрав его в сторону, шагнул вперед.

– Падай! – Сухощавый пожилой мужчина, сидящий на кровати, кивком указал на табуретку. Я послушно сел и обвел взглядом присутствующих.

Ловкач, старикан и уверенный в себе мажор, который привел меня в барак, – вот, собственно, и весь состав. Судя по тому, что седой говорил первым, главным в тройке был именно он.

– С твоей пристязью вопрос решили. Теперь ты у нас в долгу.

Вот так постановка вопроса! Ну что ж... этого в принципе следовало ожидать. Такая натура – не переделаешь. Сунь палец – всю руку откусят.

– Ты военный, Бон. Так? – не дождавшись от меня подтверждения слов о долге, в дело вступил Ловкач. Видимо, мое молчание было расценено как согласие. Да и куда я денусь-то? В любом случае парни у них в заложниках. Откажусь или попытаюсь сыграть в свою игру, отразится это прежде всего на беззащитных и больных.

– Военный. Служил, – коротко ответил я.

– Держи. – Перегнувшись, Ловкач передал мне лист бумаги. Я с удивлением увидел довольно прилично выполненный план лагеря и прилегающей местности. – Карандаш. – Мой недавний напарник по шахте протянул мне пишущие принадлежности. – Рисуй, что бы ты сделал, чтобы подорваться с лагеря.

Я изумленно уставился на Ловкача. Барак концлагеря – не место для рисования комиксов в стиле научной фантастики.

– Рисуй. Что надо сделать, чтобы вырваться отсюда. – Ловкач, как это ни странно, казался предельно серьезным. Посмотрев на других участников совещания – крепкого

старикана и настороженного бойца, – я вынужден был признать, что со мной никто не шутил.

– Танки, пулеметы, артиллерия у вас есть? – Мне не хотелось попусту терять свое время.

– Нет, – довольно спокойно отреагировал Ловкач.

– На нет и суда нет. Бессмысленно что-то рисовать – не выйдет ничего. Сдернуть можно с работ или с перевозки, но не отсюда.

Высказавшись, я внимательно посмотрел на всех троих. Никакой реакции на мои слова. Такое ощущение, что меня никто не слышит.

– Придумай вариант. Отсюда нужно уйти, – сказал за всех Ловкач.

– Хорошо, – пожал я плечами. – Бунт подойдет?

Снова молчание. Напряженные, ожидающие взгляды. Видимо, подойдет – попытался я мысленно усмехнуться. И тут же похолодел от пронзившей меня догадки. Ох, и ни хрена ж себе...

– Ну... нужно, чтобы поднялись все... – осторожно кинул я пробный шар.

– Дальше.

Однако... интересное кино у нас получается.

Прежде чем продолжить ликбез по восстаниям, я внимательно взгляделся в план. Концлагерь представлял собой прямоугольник, с двойным плетением сетки, которая, судя по предупреждающим объявлениям, находилась под напряжением. Линии колючки были разнесены друг от друга на пару метров, а между ними проходила контрольная тропа, по которой, в идеале, должны были патрулировать дежурные наряды. Кроме того, вся территория лагеря была разделена проволокой на восемь частей – по количеству бараков. Собственно, сам барак, отхожие места, душевая и небольшой плац для построений. Идеально реализованная идея изоляции узников друг от друга.

На работы нас выводили следующим образом: побарачно мы выходили за ворота лагеря и погружались в приходящие к определенному времени грузовики. Рабочие из разных секций друг с другом сталкивались только на шахте или каких-то иных работах, на которые их назначали. Погрузка бараков осуществлялась в очередности, и за этим охрана строго следила. Команда на выход из секции давалась лишь после того, как груженные рабочими машины уходили от ворот лагеря.

Выходящим из собственного блока рабочим приходилось идти по узкому, опять же окруженному колючкой и спаянному из сварной арматуры шлюзу. Около шестидесяти метров до ворот под прицелом двух пулеметов с вышек. Охрана несет вахту по периметру, не особо напрягаясь, однако в силу продуманного расположения бараков и отсеков может контролировать каждый метр внутри лагеря.

Силы вертухаев скромны. Шесть вышек с пулеметами и примерно взвод бойцов, которые поддерживают порядок в зоне погрузки. Они же шмонают прибывших с работ на предмет наличия у них чего-либо противозаконного. Непосредственно в лагерь охрана суется примерно раз в неделю, устраивая плановый шмон по баракам. Остальное время они предпочитают проводить снаружи: в собственной казарме либо на блоке у ворот. Да, чуть не забыл: казарма охраны находится за оградой лагеря, в десятке метров. Как правило, там находится дежурная смена, но зачастую коротают время и их товарищи, которым только

предстоит заступить на вахту.

Не идеальная система, но в силу своей продуманности практически совершенная. Разделенные на секции рабы не имеют возможности общаться: даже если задумают что-то, реализовать не получится. Законы так просто не порушишь, а пока их будут ломать, всех вандалов нашинкуют с вышек в капусту. Грамотный пулеметчик с хорошей позиции в состоянии сдержать наступление вооруженной роты. Здесь же идет речь о безоружных зэках, понятия не имеющих ни о тактике, ни о воинской дисциплине.

...Я задумчиво разглядывал план... Ворота... Иначе и быть не может. Это будет являться основной целью. Уничтожение ворот и двух вышек рядом с ними. Конечно, при этом останется проблема в виде еще четырех огневых точек, но если лагерь сумеет ломануться за ограду и его не будут встречать в лоб огнем, есть шанс добраться до казармы охраны. Ну а там уже, вооружившись, вполне реально противостоять пулеметчикам.

– Нужно вынести ворота и вот эти две вышки. – Я ткнул карандашом в план.

– Рисуй, – кивнул на схему Ловкач, и я добросовестно поставил крестики на воротах и вышках.

– Затем овладение казармой. Вооружение. Снос остальных вышек, захват транспорта, рывок. – Звучало вроде бы неплохо, однако я прекрасно понимал, что все, мною обозначенное, невыполнимо. Нужно было поднять весь лагерь, всех до единого человека, и только тогда тень успеха замаячила бы перед нами. Мало того, следовало разделить зэков на отряды, объяснить каждому его маневр, назначить главных и ответственных... А это уже похоже на бред. Даже не говорю о необходимости иметь хоть какое-то оружие. В общем, по здравому размышлению, от эйфории по поводу возможной свободы я избавился. Мне не верилось в возможность восстания.

– Правильно, – совершенно неожиданно заключил Ловкач, – ты будешь брать казарму.

Самонадеянность и непрофессионализм – основные причины провала любого начинания. Можно переоценить свои силы и попасть впросак. Можно возлагать необоснованные надежды на собственные профессиональные навыки. В обоих случаях из задумки ничего не выйдет.

Впрочем, не отрицаю, что, пользуясь логикой и банальной житейской мудростью, можно создать нечто удобоваримое и жизнеспособное. Примером тому являлся план, озвученный Ловкачом.

По большому счету, он полностью повторял мои предварительные расклады, разве что с небольшими дополнениями. Сосредоточение ударного отряда за воротами лагеря, подрыв самих ворот и охранной вышки, атака на казарму охраны. Захват оружия, раздача его всем желающим и масштабные безобразия в городе.

Ничего сложного на первый взгляд. И, возможно, это было бы выполнимо, будь под началом Ловкача хотя бы пара взводов более-менее обстрелянных и подготовленных бойцов. Тогда план, разработанный дилетантами на удивление толково, мог бы сработать.

Долгие годы мира хреново отразились на боеспособности немецких соединений. Охрана лагеря не усердствовала, производя плановый шмон, и на многое закрывала глаза. Не будь у вертухаев четких инструкций, которым они безошибочно следовали, задача была бы гораздо легче. Сама по себе планировка лагеря практически исключала возможность

организованного бунта. Ограды, огневые точки, система вывода контингента – все было продумано до мелочей. Именно по этой причине разработать иной план, кроме как ударной группой взломать ворота извне и взять казарму, было невозможно.

Подобные мысли терзали меня всю ночь, не давая заснуть. Ими же были полны утро и следующий день, который, к удивлению, я провел в бараке, поскольку от всех работ был освобожден. С сохранением содержания.

С самого утра, едва прикончив завтрак, я занялся делами поважнее, чем работа на благо немецкого металлургического концерна. В отгороженном одеялом кабинете мы с Ловкачом склонились над нарисованным планом.

– Давай так: все по-серьезному, верно?

– Серьезней некуда, Бон, – согласился со мной Ловкач.

– Если вы хотите рывок, пока барак будет гаситься на погрузке, у вас ничего не выйдет. Даже если прошибете периметр, останутся минное поле и вышки. Свалите одну вышку – будут работать остальные. Есть только вариант с бунтом всей зоны. – Я внимательно посмотрел в глаза зэку. Впрочем, если уж откровенно, смутить или задеть его я не надеялся. Разве что донести свою идею, чтобы минимизировать возможность подставы. Я не исключал, что, формируя ударный отряд, зэки собираются им пожертвовать, сами совершив побег каким-то иным способом.

– Я понимаю. Давай по делу. – Мои сомнения, судя по всему, собеседника совершенно не трогали.

– Нужно, чтобы весь барак был готов. Поделен на группы. Каждая группа должна знать свой маневр. Весь остальной лагерь должен быть настороже, чтобы валить ограды и рваться к воротам. Везде должны быть старшие.

– Не дурней паровоза, Бон, – неожиданно оскалился Ловкач и положил поверх листа карандаш: – Рисуи, что каждая группа делать должна.

Распределить обязанности групп для меня большого труда не составило. В конце концов, я все это ночью прокручивал в уме: прикидывал так и сяк, выбирал варианты менее рискованные и как можно более эффективные.

– Разоружаем охрану. Быстро действуя по секторам, считаем их от построения. Строимся, уже имея в виду разделение по группам. Каждая группа берет на себя троих, стоящих ближе к ним. Вот это отделение, – пометив треугольник карандашом, я продемонстрировал его Ловкачу, – начинает. – Первым делом поднимается на вышку и захватывает пулемет. Если это не будет выполнено, можно ставить крест на всей затее. Сваливать вышку взрывчаткой глупо, гораздо лучше захватить ее. Но делать это придется на глазах всей охраны и четырех пулеметчиков по периметру. Это самый слабый момент, Ловкач. Надо забраться на вышку и закрыть с нее остальных стрелков либо как минимум привлечь к себе основное внимание.

– Не надо, – неожиданно прервал мои объяснения собеседник. Полюбовавшись на мое недоумевающее лицо, Ловкач счел возможным объяснить: – Не надо этой группы. Пулемет над воротами будет нашим с самого начала. Еще с утра, сразу после развода. Надо начинать по его сигналу.

– Наш? – удивленно переспросил я.

– Глухой? – довольно невежливо оборвал меня Ловкач. – Дальше давай!

Ну что ж, если пулеметчик будет свой на точке, то это кардинально меняет расклад сил. Можно сказать, практически уравнивает.

– Тогда верно. Работает пулеметчик, по его сигналу начинается общая свалка. Группы бьют свои цели, вот эти, – карандаш обводит два треугольника, – открывают или взрывают ворота, подрывают шлюз. Добытое оружие распределяется по тем, кто умеет с ним обращаться. В каждой группе должны быть такие бойцы. Делать это нужно быстро, чтобы через минуту с момента начала операции под моей командой уже был штурмовой отряд. Те, кто остается без оружия, как только нейтрализуют охрану, тут же берут контроль над автомобилями. Без дополнительных команд, в составе тех групп, что уже были образованы.

На некоторое время я замолчал, обдумывая новую диспозицию. Пулемет, с первых минут боя находящийся под моим контролем, вносил коррективы в план.

– Если пулеметчик заранее ваш, туда нужно посадить еще одного стрелка. С оптикой. И начинать им стоит одновременно. Так они вынесут всех оппонентов, не дав им возможности вступить в бой. Сначала выстрелы в ближних, затем уже дальние. Как только закончено подавление, переносят огонь на казарму. Простить ее несколько раз, чтобы наверняка, только оружейку не трогать. Ее видно будет сверху. Как обстреляет, тогда уже штурмую я. Одновременно со штурмом нужно будет провода оборвать. Рация в казарме – это уже моя забота.

Замолчав, я прогнал в уме все сказанное. Все. Определенно – все. Если все, кто будет задействован, сработают более-менее приемлемо, осечки не будет. План, пахнущий изначально самоубийством, теперь казался вполне реальным.

– Хорошо, – внимательно меня выслушав, Ловкач кивнул, – я дам тебе людей. Под твоё подчинение. Личное. Отчаянные бродяги. Правильные. С ними возьмешь казарму и в город пойдешь. Все, что скажешь, сделают.

– Отлично, – подвел итог я нашей беседе.

Ближе к обеду я свел знакомство с семью командирами отделений. Они заходили в барак по одному, проходили за ширму, где их уже ждал я и кратко вводил в курс дела, показывая все тонкости на карте. Затем я переспрашивал, проверяя, как мой будущий подчиненный усвоил материал. Стоило мне утвердиться в мысли, что свой маневр командир группы понял, я отпускал его. Через десяток минут все начиналось заново.

После седьмого посетителя, вдоволь наболтавшись языком, а главное, придя к определенному выводу, я позволил себе небольшой перерыв. Позвал Ловкача и попросил его уделить мне внимание.

– Ты знаешь смысл выражения «загребать жар чужими руками», Ловкач? – Натянутое ширмой одеяло создавало иллюзию интимной обстановки, хотя на самом деле все было далеко не так. Я прекрасно понимал, что, несмотря на кажущуюся пустоту нашей части барака, несколько мужчин крепкого телосложения охраняют моего собеседника.

Ловкач был совсем не прост. И не удивлюсь, если он в действительности был в настоящий момент самой важной фигурой в лагере.

– Знаю, – невозмутимо отозвался зэк.

– Так вот, чужие руки – это мои, верно?

Не думаю, что Ловкач был совсем уж плохого обо мне мнения. Явно выставляя меня перед всеми главнокомандующим, по сути концентрируя на мне все внимание, зэки сбрасывали подозрение с себя. Выходило, что именно я мучу воду, подбиваю людей на бунт, да и план все, кто мог заложить, видели именно в моих руках.

Неужели Ловкач рассчитывал, что я не просеку фишку? Сомневаюсь. Скорее ему было плевать на мои догадки.

Не дождавшись ответа на собственный вопрос, я просто констатировал факт:

– Верно. Моими руками.

Ловкач снова промолчал. Скучаяще посмотрел на меня, перевел взгляд на свои ботинки и с коротким вздохом поднялся с кровати.

– Все? – Показывая, что готов уйти и разговор ему совершенно не интересен, зэк сделал шаг в сторону ширмы.

– Сядь. Я не закончил. – Чувствуя, что закипаю, я постарался взять себя в руки. На нервяке я могу наделать ошибок. Потерять контроль над ситуацией. Этого ни в коем случае нельзя было допустить. – Вы четко распланировали бунт и штурм. Освобождение из лагеря. Где столь же скрупулезная проработка нападения на город, Ловкач?

Мой собеседник выразительно пожал плечами, остановившись у ширмы. Вернуться на свое место он не спешил, уходить не уходил и на вопрос не отвечал. Явно старался вывести меня из равновесия.

– Мне не трудно, – принужденно улыбнулся я, напуская на себя деланное безразличие. Остаться холодным и отстраненным у меня не получилось. Я готов был броситься на говнюка и парой ударов привести его в чувство. И останавливало меня не столько сознание того, что в итоге я получу проблемы от всего барака, сколько ответственность за жизни двоих парней и Нельсона. – Я отвечу сам. Потому что лично ты и те, ради кого это затеяно, не собираетесь в город. Вы хотите сдернуть под общий кипеж.

Ловкач, скрестив руки на груди, внимательно меня слушал. На лице его, понятное дело, прочесть ничего было невозможно, но мне и не требовалось подтверждение моих слов. Я был прав на все сто.

– Это не проблема, Ловкач. Решайте свои дела сами. Но мне нужно в город, понимаешь?

– Понимаю, – наконец-то снизошел до ответа зэк.

– Это в наших общих интересах, ваших и моих. Мне нужны несколько человек со своими группами, которым бы я мог поставить задачи на город. Соответственно, план города мне тоже необходим. Чем эффективнее будет атака на поселение, тем проще вам будет уйти.

Ловкач задумался на некоторое время, опустив взгляд в пол. Я наблюдал за ним, в принципе будучи готов к любому раскладу. При удачном бунте я так и так смогу объединить вокруг себя большую массу зэков и увлечь туда, куда мне будет необходимо. Позиционируя меня как главного виновника бунта, Ловкач со товарищи, конечно, скидывали с себя ответственность. Но вместе с тем отдавали в мои руки командование над всеми восставшими. Я всего лишь просил подтвердить это официально и помочь мне в разработке плана атаки на

поселение немцев.

– Договорились. – Хорошенько обдумав, Ловкач принял решение. Единолично. Подтверждая мои мысли о чрезвычайно высоком собственном статусе в здешней иерархии.

– Еще вопрос... – остановил я зэка, намеревающегося выйти из закутка. Недовольно фыркнув, Ловкач повернулся ко мне. – Как вы зону поднимете?

– Не твое дело, – усмехнулся Ловкач и скрылся за ширмой.

Помедлив пару минут, я и сам вышел из своего импровизированного кабинета. Оглядел пустующие койки, кучку блатных в углу, дующихся в карты, и, ни у кого не отпрашиваясь, никого не ставя в известность, отправился к выходу из барака.

Туалет находился в расположенном отдельно от барака помещении. Удивительного тут, ясное дело, было мало. Учитывая то, что прелести центральной канализации в лагере отсутствовали, санузел представлял собой утепленный сарай с рядом дырок для справления естественных нужд и выгребной ямой под дощатым полом.

Подойдя к одному из отверстий, я задумчиво остановился над ним. Развернулся лицом к двери, успев как раз вовремя, чтобы увидеть троих крепких мужиков, вошедших вслед за мной. Кроме них и меня, в помещении больше никого не было.

Вдоволь наигравшись в гляделки, троица подошла ближе ко мне. Один из них – коренастый, среднего возраста, крепкий темноволосый мужчина, сделал еще пару шагов, явно тем самым позиционируя себя как главного.

– Ты – Бон, – произнес он утвердительно хрипловатым голосом.

Не дождавшись от меня никакой реакции, добавил:

– Надо перетереть.

– Давай, – с охотой согласился я, – а чего втроем?

– Слышал, резвый ты. А я риска беспонтового не люблю, – довольно откровенно ответил мужчина. И тут же добавил: – Я Хохол.

Понятно. Тот самый отчаянный и правильный бродяга, которого Ловкач пообещал поставить под мое командование. Судя по способу знакомства, выбранному данным персонажем, можно было бы характеризовать его и как чрезвычайно осторожного.

– Я так тебе скажу, не тая, резвый... подставишь парней моих и меня, сам лично пику тебе воткну, – последовало довольно неожиданное продолжение. Хохол, узнаваемо, по-блатному, растягивая слова, продолжил: – По казарме я понял все. Это верно. Зачем в город, не догоняю вовсе. Поясни.

– С чего бы? – искренне удивился я. – Ты не попутал, Хохол? Все, что надо, тебе Ловкач пояснит, а я только говорить буду, что да как. Тебя не устраивает – скатертью дорога! На хавчик, стволы и спирт найдутся другие охотники!

– По-хорошему не хочешь? – прищурившись, поинтересовался зэк.

– Слушай. – Сильно хотелось в туалет, и к длительным разговорам я был не расположен. – Не надо мне тут концертов. Или ты играешь по моим правилам – казарма, город, – или иди и говори Ловкачу, что соскакиваешь.

С этими словами я решительно шагнул на небольшое возвышение, где располагались дырки, и расстегнул штаны. Косясь на застывших зэков, стараясь хоть минимально

контролировать их, я принялся опустошать мочевой пузырь.

Судя по всему, этот мой поступок сбил с толку Хохла и его подручных. По крайней мере, десяток секунд, что потребовался мне для справления естественных нужд, прошел в полной тишине. Лишь после того как я закончил и подтянул штаны, застегивая их, мой собеседник обрел дар речи:

– Ловкач человек авторитетный. Но ты трешь со мной, со мной и решаешь. Берем казарму и расходимся, как в море корабли. Город – не моя тема.

– Оружия не надо тебе? Водяры, хавчика, автомобиля? Ты как жить собираешься, что делать будешь, сдернув с зоны? – довольно спокойно парировал я. У меня было вдоволь аргументов, но, честно говоря, мне даже лениво было их приводить. Встреча в туалете и валяние ваньки в разговоре преследовали одну цель – добиться каких-то уступок от меня. Это было ясно как божий день.

– За оружие здесь сразу вилы, – не согласился Хохол, – так что нам оно без мазы. А вот другое... есть у меня одна мыслишка.

Выдержав театральную паузу и вдоволь побузив меня взглядом, будто бы решаясь, достоин я тайны или нет, мой собеседник все же продолжил:

– В одно местечко заедем в городе. Там и поможешь, как следует, от души и со всем старанием. Идет?

– Больница, затем комендатура и твое местечко, – не дал я обвести себя вокруг пальца.

Скривившись, Хохол будто сплюнул на чистый, высокобленный пол:

– Заметано.

Высказавшись в подобном ключе, заключенный развернулся и сделал знак своим сообщникам покинуть туалет.

Оранжевый диск солнца поднимался из-за горизонта, окрашивая лица стоящих рядом со мной в бледно-розовый цвет. Тонкая струйка людей, минуя шлюз и открытые ворота, выходила на площадку перед лагерем, выстраиваясь поотрядно. Перед нами, соблюдая порядок, редкой цепью стояли ровным счетом тридцать два охранника – вся сегодняшняя смена лагеря. Неподалеку, в двадцати метрах, отдельной кучкой группировались представители администрации шахты, разбиравшие рабочих после утренней проверки.

– Первый отряд! – зычно выкрикнул один из сержантов, подходя к нашему строю. Бойцы за его спиной, лениво переговариваясь, уделяли мало внимания подсчету контингента, откровенно пренебрегая собственными обязанностями.

Сделав два шага вперед, построение первого отряда устроило перекличку. Сержант, остановившись напротив них, методично отмечал в тетради произносимые фамилии. Охранники, позволяя себе вольности, смешали свою цепочку, стягиваясь ближе друг к другу. Пренебрегая собственными обязанностями, в которые входил контроль за контингентом. Видимо, их сильнее занимал назревающий разговор. Он был гораздо интереснее, нежели собственная безопасность.

Я посмотрел в другую сторону. На десяток грузовиков, вокруг которых царила ленивая суэта шоферов, треплющихся о всякой ерунде, помогающих друг другу советом или просто крепким словом.

Обычное утро. Как две капли воды похожее на любое другое.

Нас было сто восемьдесят шесть человек. Из пятого барака. В той или иной степени мы все были вооружены. В момент подачи определенного сигнала мы должны были слаженно, разбившись на группы, атаковать охранный взвод. После нейтрализации охраны часть из нас открывала ворота лагеря, а остальные обезвреживали водителей и гражданских специалистов с перспективой атаки казармы, находящейся в пятидесяти метрах от нас. Убийственно простой и четкий план действий.

– Второй отряд! – Закончив со сверкой, сержант сделал несколько шагов в сторону. Заученно многократными повторениями, дробленным горохом зазвучали фамилии и имена. Из открытых ворот все еще продолжали торопливо выходить заключенные. Последние несколько человек. Согласно отведенной им роли, дюжина эков задержалась в шлюзе. Если бы на них обратили внимание и поторопили, ребята должны были имитировать стихийный конфликт, в любом случае оставаясь в районе ворот.

Солнце очень четко вписывалось в картину предстоящей трагедии. По крайней мере, мне так казалось. Загадочные, кровавые отблески на лицах и фигурах тех, кто готов убивать, и тех, кто даже не подозревает о том, что им назначена роль жертв.

Треск пулемета заставил всех, в том числе даже тех, кто был теоретически готов к тому, что произойдет, повернуть головы в сторону вышек охраны. Та, что находилась над воротами, освещалась сполохами дульного огня. А из деревянных бортов одной из угловых вышек летела щепа, обозначая и линию стрельбы, и результативность попаданий.

– Бей! – завопил я, одновременно с криком срываясь с места.

Кто-то чуть припоздал, выполняя мою команду, кто-то сделал это одновременно со мной. Тем не менее через пару секунд с момента открытия стрельбы вся наша толпа в две сотни щей неслась на кучковавшихся охранников. У нас было дикое преимущество – почти шесть человек на одного. Теоретически мы могли просто затоптать их, даже не заметив. Вместе с тем все умозрительные расклады были просто смешны, потому что у охраны было огнестрельное оружие, а у нас имелись лишь заточки.

Наверное, со стороны мы накатывались как неудержимые морские волны. Или как огонь, гонимый ветром. Возможно, когда начнут писать летописи, эти сравнения придут на ум авторам. Мне же важно было лишь одно. Чтобы мы делали это быстро.

Некоторые из охранников успевали среагировать, вскидывая карабины и винтовки. Хлопали короткие, отрывистые выстрелы. Однако их звуки тонули в нарастающем, безумном реве обрушивающейся на охрану толпы.

Не знаю, каким образом Ловкачу удалось уговорить лагерь на штурм. Но факт остается фактом: нападение могло быть удачным лишь при условии слаженных и бесстрашных действий всего населения барака. Можно сколь угодно долго разговаривать, тщательно планировать, однако любая заминка, вызванная страхом за собственную жизнь, какими-то иными колебаниями, могла поставить крест на нашей затее. Ловкачу удалось подобрать слова. Он сумел найти такую мотивацию для заключенных, что те безо всяких раздумий бросились с пустыми руками на вооруженных врагов. Несомненно, в процессе короткого спурта от места нашего построения до охраны несколько атакующих получили свои пули. Однако наступательный порыв было уже не остановить.

Никогда не жаловался на свое умение бегать. И, чувствуя ответственность за всю затею, ни в коем случае не филонил, не прятался за спинами других. Тем не менее соперника мне не досталось. К моменту, когда я покрыл необходимое расстояние, бойцы охраны уже фактически скрылись под телами сбивших их с ног заключенных.

Надзирателей кололи заточками и ножами, пинали ногами, наконец, просто душили. С каждой секундой нападавших только прибывало, и если поначалу кто-то их охраны успевал справиться с заключенным, отпихнуть его от себя или воспользоваться оружием, то спустя мгновение повторить подобный трюк у него уже не получалось.

На земле, в нескольких шагах от меня, двое, сцепившись, старались добраться до горла друг друга. Не вмешиваясь в поединок, я наклонился, поднимая карабин охранника. В пылу борьбы оружие летело на землю, его затаптывали, не замечая, мечтая лишь об одном – убить врага. Это была крайность – позабыв обо всем, сосредоточиться лишь на уничтожении охраны на плацу. Впрочем, я прекрасно знал, что кровь, разлетающаяся сейчас брызгами по пыльной траве, превратит большинство заключенных в диких зверей, и отнюдь не питал иллюзий.

Оттянув затвор, я проверил наличие патрона и посмотрел в сторону грузовиков. Та же самая свалка, что и на плацу. У водителей и администрации не было никаких шансов – вряд ли они располагали каким-то оружием. План выполнялся безукоризненно – сблизившись с противником, мы за счет количественного превосходства подавили и уничтожили его. Следующим этапом должен был являться сам лагерь. А конкретно – прорыв всей массы заключенных за его периметр.

Так оно и вышло. Пулемет заканчивал с последней, четвертой вышкой. Три предыдущих были уже основательно разлохмачены попаданиями. Помимо самого пулеметчика, на вышке действовал и снайпер – фигура его была мне прекрасно видна. Стрелок работал уже по нашей стороне, судя по всему, оставив довершать дело с остальными огневыми точками пулеметчику.

Лагерные бараки стояли с открытыми настежь воротами. Людская толпа, стараясь повалить столбы с проволокой, напирала на ограждения. Счастливики, выбежавшие первыми, уже добрались до шлюза, открытого стараниями их товарищей, задержавшихся с выходом. Бунт вступал в стадию, когда остановить его уже невозможно. Через пару минут основная масса заключенных будет уже на свободе.

Наклонившись, я схватил за плечо заключенного, увлекшегося грабежом еще шевелящегося, покрытого кровью охранника, и оттолкнул в сторону. Тот, распаленный произошедшим, упал, но тут же вскочил на ноги. В руке его блеснула тусклая полоска заточки.

Я отшатнулся, стараясь уйти из-под удара, и тут же над моим ухом прогремел грозный выкрик:

– Лег на землю! Лег быстро!

Скосив глаза, я увидел Москвичева, взявшего карабин на изготовку и безо всяких шуток целящегося в угрожавшего мне ножом человека. Боец, в отличие от меня, не терял времени. За то время, что я потратил на созерцание эпической картины битвы, Москвичев подобрал карабин и снял с охранника пояс с патронташами и фляжкой. Собственно говоря, я и сам

собирался так же помародерить, однако, как показала практика, промедлил.

Не решаясь спорить с таким аргументом, как ствол, зэк зло цыкнул сквозь зубы и, демонстративно подняв руки, отошел в сторону. Я, не теряя зря времени, расстегнул пояс и стащил его с затихающего охранника. Одновременно, бросив взгляд по сторонам, я отметил, что схватки за оружие павших принимали ожесточенный характер. Что ж, этого следовало ожидать. Подобный поворот событий я учитывал в планировании, и оттого сейчас Москвичев и еще четырнадцать человек под руководством Хохла, назначенные в мой, так сказать, личный отряд, действовали заодно. Результатом этого стал сбор восьми единиц оружия, и на настоящий момент, с учетом моего ствола, мы являлись наиболее сильной вооруженной группой на плацу. Это преимущество следовало использовать незамедлительно.

Казарма представляла собой деревянное здание с кирпичным пристроем к тыльной его стороне. Почему было выбрано именно такое архитектурное решение, абсолютно понятно. Стены из дерева для личного состава, кирпич – оружейка, наверняка отделенная внутри дверью или решеткой. Собственно говоря, именно она меня и интересовала. На саму казарму и бойцов в ней – плевать. При наличии взрывчатки, которую мы так никуда и не потратили, я бы просто завалил их место дислокации, долго не думая. Но мне нужно было оружие.

Естественно, происходящее снаружи не могло остаться без внимания бойцов в казарме. Резервная смена по количественному составу мало чем отличалась от дежурной. В перспективе мы рисковали получить мощный оплот сопротивления в лице запершихся и молотящих в окна казармы охранников.

Подскочив к входной двери, я с силой рванул ее на себя. Москвичев, замерший напротив, уже держал в руках две гранаты, приведенные в готовность. Спустя секунду парень метнул их в открытый проем. Отвернувшись, я успел заметить, как шутку наподобие нашей проворачивают и другие участники группы. Один из четырнадцати заключенных, последовавших за мной, колотил стволом винтовки в окно, закрытое решетками. Едва вниз посыпались осколки, как второй, дернув шнур гранаты, впихнул ее между секциями сварных прутьев.

Грохот, обычный для замкнутого помещения, даванул по ушам. Помедлив необходимое время, я крикнул во весь голос, подавая команду замершим в ожидании, теперь уже бывшим, заключенным:

– Внутрь!

На заставляя себя ждать, десяток ворвался в казарму. Следом за ними шагнули и мы с Москвичевым. Еще двое остались на улице с задачей заблокировать вход в помещение.

Успешная операция начинается с досконально разработанного плана. Бойцы, которые должны штурмовать казарму, были определены мною заранее, и поэтому я не терял времени, назначая группы и ставя им задачи. Все было решено мною еще в лагере.

Оружием тех, кого я спустил на охранников, являлись преимущественно собственные заточки или ножи, снятые ими с павших на плацу. В условиях узких проходов между кроватями нельзя было придумать ничего более эффективного. Карабины и винтовки, коих мы набрали ровным счетом восемь штук, в общей резне не участвовали. Ими я вооружил двоих, охранявших вход в казарму, одну взял себе, одну передал Москвичеву. Еще четыре

единицы держал в руках специально назначенный мной человек.

Огнестрел, если это не пистолет или автомат, между кроватями, тумбочками и шкафами ничем не поможет. Половина охранников еще даже не проснулась и вскакивала со своих мест, ошалело трясая головой. Часть пыталась оказать сопротивление. Кто-то, вопреки всякой логике, старался спастись, прячась по укромным углам.

Мы с Москвичевым, оставаясь у двери, играли роль своеобразного резерва. Собирались вступить в игру, если кому-то из охранников удалось бы сориентироваться в ситуации и добраться до оружейки. Сопротивляясь вооруженным бунтовщикам поодиночке или даже группами, обитатели казармы были обречены. Ни у кого, кроме офицеров, проживающих в отдельной комнате, личного оружия не было. Соответственно, ничего противопоставить озверевшим, ожесточенным заключенным, они не могли.

Москвичев, вскинув карабин к плечу, коротко выкрикнул:

– Отойдите!

Замявшиеся перед охранником, забившимся в угол и размахивающим какой-то кочергой, зэки прыснули в сторону. Здоровяк, на время обезопасивший себя, зло зыркнул в нашу сторону и тут же получил пулю в грудь. Москвичев же, передернув затвор, выстрелил снова. Охранник, вздрогнув от двух последовательных попаданий, выронил свое оружие, и на раненого тут же накинудись заключенные.

Все, что было намечено, группа закончила в течение пяти минут. За это время мы полностью расправились с охраной, взломали дверь в оружейную комнату и теперь вытаскивали из нее все, что должно было нам пригодиться в дальнейших приключениях. Двое ребят, получивших небольшие повреждения во время драк, сидели на раскуроченных кроватях, и те, кто был более-менее сведущ в медицине, оказывали им первую помощь. Впрочем, с учетом того, что мы столкнулись только с сильными порезами и ушибами, этой первой помощью можно было и ограничиться.

– Готов. – Москвичев передал мне пистолет-пулемет и сам вооружился точно таким же. Я повертел в руке непривычное оружие, прижал стальной приклад к плечу и попробовал прицелиться. Вроде бы получилось неплохо.

Толкнув дверь, я вышел на улицу. Поднял пистолет-пулемет в небо и дал короткую очередь, тут же сопроводив ее собственным криком:

– Заткнулись все быстро!

Толпа, которую еле сдерживали двое ребят, оставленных мной на страже входа, мгновенно примолкла. Я удовлетворенно оглядел распаленные, покрасневшие лица, желающие добраться до оружия, и добавил, понизив тон до простого разговорного:

– Десять шагов назад все сделали!

Люди колыхнулись, но с места не сдвинулись. Видимо, задние ряды напирали, лишая передние возможности маневра. Недовольно пожав плечами, я опустил оружие и израсходовал остатки рожка над головами собравшихся.

К тому моменту, как я вбил в непривычное оружие новый магазин, мое требование было исполнено. Прикинув на глазок расстояние, я понял, что между мной и бунтовщиками не менее двадцати метров. Это меня вполне устраивало. Как, собственно, и другое.

Расталкивая заключенных, на очищенное пространство выбрался хорошо знакомый мне человек. Покосившись на пистолет-пулемет в моих руках, Ловкач с неизменно отстраненным выражением лица поинтересовался:

– В чем дело?

– Ни в чем, – охотно ответил я, – подгоняйте грузовики. Три штуки, которые пойдут в город.

– Сначала мы вооружимся и уедем, – выдвинул Ловкач предложение.

– Три грузовика, которые поедут в город, – отрезал я.

Ловкач некоторое время изучал мое лицо, видимо, стараясь определить, насколько я серьезен. На мой взгляд, доказательством моей решительности должен был стать пистолет-пулемет, однако этого моему собеседнику не хватало.

– Людей тебе я подбирал. Думаешь, они пойдут за тобой? – постарался меня смутить Ловкач. Вместо ответа я указал эку на пулеметный ствол, с лязганьем показавшийся между прутьями решетки окна. Аргумент, судя по всему, оказался весомым. Ловкач скосил на него глаза и явственно скривился. Думается, понадеявшись на собственное влияние, он несколько просчитался. Хохлу нужен был я, а он на определенное время был необходим мне. Таким образом, по крайней мере, ближайший час-полтора мы были друзьями не разлей вода.

– Два грузовика и группы, которые я инструктировал для захвата города. Затем – мой автомобиль. Только после этого ты получишь казарму и оружие.

Надо отдать должное, Ловкач обошелся без патетики. Типа «да как ты можешь мне не верить» и тому подобного. Просто отступил назад и махнул рукой, привлекая внимание своих подручных.

Честно говоря, верить кому бы то ни было я разучился еще в детстве. Предпочитаю полностью контролировать ситуацию, а если возможно, и управлять ею. Коль уж я был назначен на роль главного заговорщика, так будьте добры получить полный набор неприятностей. Фокусов с использованием меня вслепую я больше не допущу. Взваливая на мои плечи ответственность за штурм казармы, на что они рассчитывали? Что я так запросто отдам оружие и буду смиренно ждать, выделят ли мне транспорт или нет?

Ничего подобного. Первые две машины уйдут в город на штурм казармы, тем самым создав точку напряженности в населенном пункте. Я же, хорошенько и разнообразно вооружив свою группу, первым делом наведу в больницу, чтобы забрать Волкова. Вторым адресом для посещения станет комендатура, в которой скорее всего содержится сейчас Нельсон.

Сверяться с картой я скоро перестал. Боец, сидящий за рулем, прекрасно ориентировался в городе, что было видно по его уверенному и неторопливому стилю вождения. Приблизившись к окраинным домам, мы завернули на какую-то неприметную улочку и покатались мимо одноэтажных аккуратных домиков с невысокими, скорее даже декоративными оградами.

Стрельба, вспыхнувшая в районе городских казарм, постепенно удалялась от нас. Взятие расположения гарнизона сейчас никоим образом не входило в мои планы, и я совершенно не интересовался, что же произошло с той частью заключенных, что отправились

на штурм. Они выполняли свою функцию – оттягивали на себя вооруженные силы, и на помощь им, как я понимаю, спешило еще несколько грузовиков. По крайней мере, когда мы покидали площадку перед лагерем, множество бывших заключенных, распаленных убийствами, грузились по машинам с явным намерением пограбить город.

Это только лило воду на мою мельницу. Пробираясь какими-то закоулками, мы были все ближе и ближе к цели – городской больнице. Никто, кроме испуганных и недоумевающих местных жителей, а также дворовых собак, по дороге не встречался. Это облегчало нашу задачу – мы обходились без стрельбы, соответственно, не выдавали своего положения.

Выкатившись на парковку у госпиталя, водитель тут же развернул грузовик, перегораживая выезд двум санитарным автомобилям. Кто-то из ребят откинул задний борт, и вся группа без особых напоминаний прыгнула на землю.

– Выход, окна, с этой стороны, вы вдвоем! – ткнул я пальцем в раненых, указывая на то, что требовалось контролировать. – Стрелять в крайнем случае. Приказывайте лечь и заткнуться. Стрелять, если кто-то будет с оружием. Меньше стрельбы – мы менее заметны!

Посмотрев на мужиков, понятиливо закивавших, я повернулся к Москвичеву:

– Ты тоже остаешься. Задача та же – контроль. Без нужды не стреляй.

Парень поднял на меня глаза. Поколебавшись пару мгновений, решился задать вопрос:

– Машина?

– Точно, – кивнул я. Москвичев оказался на удивление сообразительным и исполнительным мальчишкой. Понимал меня с полуслова, не ведал колебаний и вообще производил самое приятное впечатление. Уходя в больницу за Волковым, я не рисковал оставить грузовик без охраны. Хохлу я однозначно не доверял. – Двигаемся вместе, – осмотрев свое невеликое воинство, отдал я приказ. – Патроны зазря не тратить!

Высказавшись, я шагнул к крыльцу больницы. Обогнав меня, пара бойцов тут же оказалась впереди. Рванув на себя двери, оба проскользнули внутрь. Я обернулся и посмотрел на грузовик. Забравшийся в кузов Москвичев овладел пулеметом, установив его сошками на кабину автомобиля. Что-то негромко скомандовал оставшимся с ним раненым, разведя их по разным точкам. Парень готовился всерьез оборонять свою позицию. И, судя по тому, что он отгонял эков от машины, целью для него могли стать как немцы, так и недавние союзники-уголовники.

В двойные двери больницы я зашел самым последним. Представляй место, в которое мы направлялись, хоть какую-то опасность, конечно же, я бы поступил по-другому. Но это была больница. Госпиталь. С больными и медицинским персоналом. Подобные фокусы проворачивались неоднократно в моем сумасшедшем отечестве в мое сумасшедшее время. Мне совершенно не хотелось уподобляться бородачам в камуфляже, но другого пути я просто не видел.

Просторный холл с белыми стенами, будка регистратуры. Буквально разбив ее ногами, один из мужчин схватил за руки визжащую, сопротивляющуюся девчонку. Рывком выдернул ее из остатков киоска и, протащив по мраморному полу, остановился возле меня.

Перекинув ремень с пистолетом-пулеметом за спину, я вынул из кобуры, навешенной на пояс, «вальтер». Присев на корточки, стукнул его стволом по лбу белокурой медсестре:

– Рот закрой!

Заметив, что моя просьба не нашла отклика, я проделал ту же операцию снова, на этот раз нанеся удар сильнее. Белая, словно бы молочная кожа тут же покраснела небольшим пятнышком. Зато медсестра наконец-то заткнулась, впившись в мое лицо испуганным, мало что соображающим взглядом.

– К вам привезли из лагеря русского. Где он находится, в какой палате?

Никакой реакции. Расширенные зрачки, открытый рот, тяжелое, затравленное дыхание. Устав ждать ответа, заключенный, что приволок девчонку, взял ее за волосы и резко ударил головой о пол. Один, второй и третий раз. Всклипнув, медсестра дернулась, замахала руками, пытаюсь освободиться от хватки мужчины.

– К вам привезли русского из лагеря несколько дней назад. Где он находится, в какой палате мне его искать? – терпеливо повторил я свой вопрос.

Зэк дернул девчонку за волосы, заставляя ее смотреть на меня. Бледность кожи сменилась явными покраснениями, образовавшимися после ударов, – лоб, нос, скула. Увидев это, я убрал оружие в кобуру. Тут и без меня хватало умельцев развязать язык упрямым или, что ближе к правде в данном случае, просто находящимся в состоянии шока людям.

– Знаю, я знаю, где он! – отрывисто, торопливо зачастила девчонка. – Это двенадцатая палата, на этом этаже!

– Веди, – быстро поднялся я и сделал знак бойцу, державшему медсестру, продолжать исполнять взятые на себя функции. Оглянувшись, с неудовольствием увидев, что в холле рядом со мной остались всего шесть человек. Остальные, судя по всему, разбрелись по больнице в поисках развлечений. Это был хреновый признак. Отряд, который и раньше-то с трудом можно было назвать боевым соединением, теперь и вовсе разваливался на глазах.

– Не кипишуй, – заметив мое неодобрение, добродушно откликнулся Хохол, – ребятки пошукуют быстро по закромам и вернутся.

Сдержавшись, я ничего не ответил зэку. Однако мысленно похвалил себя за предусмотрительность, которая заставила меня оставить на страже грузовика Москвичева. В мальчишке я был полностью уверен, а вот заключенным с каждой минутой я был склонен доверять все меньше и меньше.

Мы проходили мимо палат, зачастую даже не смотря внутрь. Наверное, это было беспечностью, но я сознательно приносил в жертву умозрительную безопасность ради скорости. Стрелять в нас, оказывать нам сопротивление было просто некому. Охрану больницы никто не осуществлял, а санитары, медсестры, врачи и просто больные сидели словно мыши по своим палатам, не смея даже высунуть носа.

Страх универсален. Он живет в каждом, и будь ты хоть трижды король и победитель, когда по коридору, бухая грубыми кожаными ботинками, проходит вооруженный взвод, ты будешь сидеть в палате, накрывшись с головой одеялом. К тому же, не испытывая выдержку немцев и свою собственную фортуна, мы старались перемещаться как можно быстрее.

В двенадцатой палате лежали четверо больных. Быстро определившись, я посмотрел на прикрепленный к нужной койке больничный лист и, нахмурившись, повернулся:

– Врач где?

Девчонка, которую боец продолжал держать за волосы, с готовностью отозвалась:

– Кабинеты в конце коридора.

– Двое к кабинетам, живо. Приведите мне врача со всеми необходимыми инструментами и лекарствами. – Внимательно выслушав меня, Хохол обернулся и кивнул двум своим подручным. Демонстративно, явно стремясь доказать, что главным в отряде я больше не являюсь.

Переместив автомат на грудь, я аккуратно уселся на край койки Волкова. Разведчик, слабо улыбнувшись мне, протянул руку. Я сжал ладонь, кивнув ему, и тут же поинтересовался:

– Как ты? Лучше?

– Получше вроде, – негромко отозвался Волков, – а где Малыш?

Мысленно улыбнувшись столь странному прозвищу парня, не побоявшегося участвовать в мясорубке на плацу и выполнявшего мои приказы еще раньше, чем я их успевал отдать, я ответил:

– На улице у грузовика ждет. Пара минут, возьмем доктора, лекарств и проваливаем отсюда. Этот гадюшник нам не подходит.

Доктор появился через пару минут. Влетел в палату и, выставив руки вперед, врезался в низкую тумбочку, вместе с ней свалившись на пол. Один из заключенных, судя по всему, и втолкнувший врача, жизнерадостно захохотал, оставаясь в коридоре. Улыбки осветили и лица его товарищей. Видимо, шутка показалась им уместной. Заметивший мой взгляд Хохол с вызовом посмотрел мне в глаза. Все они – и подручные его, и сам блатной – оскотинивались прямо на глазах.

Доктор, неловко повернувшись и охнув, сел. На лице его была написана страдальческая гримаса, хорошенько смешанная с ужасом, прямо-таки плескавшимся в его глазах. Не разочаровывая врача, я демонстративно достал пистолет и качнул его дулом в сторону Волкова:

– Этот больной транспортабелен?

Услышав вопрос, доктор испуганно покачал головой, тут же торопливо ответив мне по-немецки:

– Не понимаю!

– Можно везти больного? В машине? – поправился я, перейдя на иностранный.

В ответ я получил несколько слов, которые не сумел расшифровать. Увидев по моему озадаченному виду, что с переводом я не справляюсь, немец высказался как можно проще:

– Осторожно.

– Ты с нами едешь. Бери лекарства необходимые, – потратив пару секунд на размышление, решил я. Доктор открыл рот, судя по всему, решаясь мне возразить, но, наткнувшись взглядом на пистолет в моей руке, в дебаты вступать не стал. – Хохол? – Принимая правила игры, диктуемые мне заключенным, я обратился к нему. Зэк, ухмыльнувшись, тут же сформировал мою просьбу в приказ:

– Лещ и Белый, возьмите лепилу, пусть соберет инструменты и колеса.

Один из обозначенных заключенных подошел к доктору, едва не оттолкнув меня, и рывком поднял немца с пола. Тот, прикрывшись руками, явно ожидал затрещины или какого-то иного обидного рукоприкладства. Зэк, довольно хмыкнув, бить врача не стал, но

подтолкнул его стволом винтовки к выходу. Вживаясь в роль человека, получившего оружие и на том основании ставшего господином всего обозримого пространства.

Я повернулся к Волкову, не спеша убирать пистолет в кобуру. При столь явной конфронтации с блатными оружие мне следовало держать наготове. Сержант, оставивший без комментариев сцену с врачом, скользнул взглядом по оставшимся в палате заключенным и наконец посмотрел на меня. Спрашивать у меня ничего не стал, да и я отвечать не стремился. Все лежало на поверхности.

Откуда-то сверху раздался женский визг. Медсестра, которую заключенный притащил с собой, вздрогнула и забито сжалась на полу. Изъявший ее из регистратуры мужчина отпустил волосы девчонки, но далеко от нее не отходил, словно бы заявляя права на свою добычу.

Женский крик повторился. Уже в другой тональности и с другой интенсивностью. Думаю, наблюдающий за мной Хохол был разочарован. Вряд ли он мог что-то прочесть в моем лице, хотя бы по той простой причине, что мне действительно было плевать на обитателей больницы. Жалость – чувство, которое я не мог себе позволить в настоящий момент.

– Разбредутся все, как будешь собирать? – озвучил я то, что волновало меня в первую очередь.

– Соберу, – уверенно отозвался Хохол.

Равнодушно пожав плечами, я отвернулся от самодовольного зэка.

Доктор появился через несколько минут. Все так же сопровождаемый двумя бывшими заключенными, несколько растрепанный и с большим саквояжем в руках. Похоже, именно там хранилось все необходимое для восстановления моего раненого.

Сам доктор, судя по всему, выдержал еще несколько тумачков. Под глазом у полноватого, пожилого мужчины наливался фингал, и плюс к тому врач явно прихрамывал на левую ногу. Что ж, этого следовало ожидать. Неразумно требовать от еще недавно содержащихся в неволе людей пиетета к немцу.

– Больной может идти сам? – не откладывая в долгий ящик, указал я на лежащего Волкова.

Разведчик тут же откликнулся:

– Могу!

Доктор, с опаской посмотрев на нас обоих, решил внести коррективы:

– Лучше его перемещать на носилках. Он не в состоянии выдержать напряжение на ногах.

Не слушая лечащего врача, Волков решительно откинул одеяло и аккуратно сел на своей койке. Спустил ноги на пол и попытался встать. Мгновенно оказавшись рядом, я подставил ему собственное плечо и обнял за талию. Несмотря на демонстрируемый недостаток сил, разведчик тут же всем телом осел на меня. Судя по всему, передвигаться самостоятельно ему действительно было трудновато.

Хохол, видя мои затруднения, взял бразды правления в свои руки:

– Лещ, Белый, тащите раненого. Что-нибудь мягкое там постелите в кузове.

Обозначенные зэки, взяв Волкова так же, как я, неспешно повели его к выходу. Сам

разведчик еле передвигал ногами, по сути, висая на плечах своих помощников. Проводив их взглядом, я обернулся на Хохла. Тот, намеренно не смотря в мою сторону, но тем не менее явно рисуясь передо мной, продолжил:

– Лепилу с собой возьмем, уважим. Командир наш проследит. Ты, Скок, пройдишь по верхам, собери людей. Пора бы и честь знать. Пошли-пошли, нечего задерживаться!

Высокий, похожий на жердь заключенный, понатливно кивнув, выбежал из палаты. Оставшиеся, исполняя завет собственного командира, потихоньку потянулись на выход. Один из мужчин, нагнувшись, схватил медсестру, забившуюся в угол, за волосы. Потянул, заставляя подняться, и едва та открыла рот, чтобы завизжать, безо всякого раздумья шлепнул ее ладонью по лицу:

– Завали, лялька!

Девушка, широко распахнув глаза, оторопело замолчала. Удовлетворившись тем, мужчина дернул ее за волосы, так, что ей пришлось запрокинуть голову, и впился в ее губы поцелуем. Другой, оказавшийся рядом, жизнерадостно заржав, шлепнул медсестру по ягодице.

Возмущенно повернувшись ко мне, доктор резко произнес:

– Оставьте Марту! Прекратите это! Я скажу, где находится ваш человек!

Отведя взгляд от трепыхающегося женского тела, оказавшегося в руках озверевших эзков, я удивленно спросил:

– Какой человек?

– Не ломайте комедию! Я знаю, где находится ваш человек, и скажу вам, только оставьте в покое Марту!

Встретившись глазами с Хохлом, тоже изумленным откровениями доктора, я вопросительно качнул подбородком. Уголовник, подумав пару секунд, пожал плечами:

– Посмотрим. Чего уж там!

И тут же выкрикнул громко:

– Охолонись, жеребцы! Время будет еще!

– Вниз надо идти, в камеры, – торопливо выпалил доктор, увидев, что окрик подействовал и эски с неохотой отпустили девчонку. Медсестра, покрасневшая, с искусанными, уже распухшими губами, громко дышала, выпучив глаза и не делая попытки вырваться из рук своих мучителей. Врач успокаивающе кивнул ей:

– Все будет хорошо, дитя, успокойся.

Проверка слов доктора много времени у нас не заняла. Небольшой отряд, состоящий из меня, врача, Хохла и трех его приспешников, быстро прошелся по первому этажу и спустился в подвал. Наш пленный сам открыл тяжелую железную дверь и щелкнул выключателем. Вспыхнувший свет озарил небольшой коридор с четырьмя дверями: по две с каждой стороны. Я подошел к одной, обнаружив в ней закрытое решеткой окошко. Взглянув внутрь, ударил по железу, исторгнувшему низкий протяжный гул.

– Слева последняя камера, – подсказал мне врач, оставшийся вверху у ступенек. Обернувшись, я требовательно посмотрел на него. Доктор, судя по всему, колебался, за что тут же получил удар между лопаток от требовательного Хохла. По инерции сбежав со

ступенек ближе ко мне, врач затравленно оглянулся и тут же зачастил: – В комендатуре нет лазарета. Преступников везут сюда, в больницу.

Удовлетворившись объяснением, я подошел к указанной двери и ударил по ней ботинком.

– Кто тут? – добавил я, страстно желая и одновременно боясь услышать голос Нельсона.

– Я... – последовал вполне логичный ответ, и мое сердце, на секунду застывшее, снова забилося ровно. Сказано было не вполне членораздельно, но голос моего товарища я прекрасно помнил. Это был не он.

– Кто «я»? Кто ты такой? – Я прильнул к решетке, стараясь разглядеть заключенного. Тот, повозившись, поднялся с койки и не спеша встал в полный рост. Я снова убедился, что ничего общего с Нельсоном он не имеет.

– А вы кто? – тут же откликнулся человек в камере. Все так же с дефектами речи. Следом за тем мужчина подошел ближе, позволяя себя увидеть. Грубые слова, готовые сорваться из-за еврейской манеры разговора, замерли у меня на губах.

– Парень, ты выйти отсюда хочешь? – произнес я, не уверенный в том, правильно ли поименовал обитателя камеры. Глаза и лоб мужчины украшали бинты. Нижняя часть лица, свободная от них, представляла собой одну сплошную вспухшую рану. Немудрено было ошибиться при выборе возрастных критериев.

– Хочу, – ответил мне раненый, и я понял, почему плохо разбираю его слова: он разговаривал, практически не размыкая губ.

– Тогда в темпе: кто такой и как здесь оказался, – не позволил я сочувствию и жалости затмить основной для меня вопрос. Ведь доктор, отводя нас в эту камеру, в действительности считал, что заключенный чем-то близок мне. Следовало выяснить причину его уверенности.

Мужчина подошел ближе, подволакивая ногу, и прижался к решетке лицом. Бинты закрывали лишь один глаз. Второй, покрасневший, он скосил, разглядывая застывших на лестнице подручных Хохла и приведшего нас в подвал врача.

– Лагерники, – сделал заключенный тихий вывод. – Выпустите меня. Я на вашей стороне.

– Кто ты такой? – повторил я, чувствуя, что теряю терпение. Потеря времени, связанная с бессмысленными препирательствами, грозила в будущем большими неприятностями.

– В прошлом лейтенант Красной армии. Пойдет?

– В каком прошлом? – продолжил я настаивать, мысленно уже готовый к тому, что я услышу. Видимо, врач, сам того не ведая, попал в точку.

– В моем прошлом. Здесь такого нет.

Вытащив Илюхина, я удостоился немудреной шутки Хохла, выразившего уверенность, что моей целью является сбор всех инвалидов больницы. Доктор, совершенно верно истолковавший мой взгляд, направленный на него, торопливо пояснил, что никакого вреда он больному не причинял, а только лечил его. Мол, лейтенант был на грани смерти, и лишь благодаря врачебному вмешательству ему удалось сохранить жизнь.

Оправдания и шутки я выслушивал уже в коридоре. Илюхин шел с трудом, и, поскольку я его вынужден был поддерживать, Хохол со своими близкими быстро нас обогнали. Доктор,

сопя и маясь от неопределенности, следовал рядом с нами. Поглядывал на меня, лейтенанта, кусал губы и наконец не выдержал:

– Вы оставите меня? Поверьте, я вам не нужен!

– Что с первым раненым? – прервал его я.

– Общая слабость, много ушибов, есть переломы ребер... – Доктор с готовностью зачастил, сыпля терминами, которые я вряд ли понял бы и на русском.

– Стоп. Он умрет или нет? – постарался я внести ясность.

– Нет, конечно же! – едва не всплеснул руками врач. – Уход, постельный режим, питание, общеукрепляющее, витамины – ничего сложного!

– По этому что? – Я кивнул на припадающего на ногу и цепко держащегося за меня лейтенанта.

– Еще проще, – с облегчением отозвался доктор. – Передвигаться может с ограничениями, жизни ничего не угрожает, общеукрепляющее, витамины, питание, и все будет замечательно.

Не скрываясь, в голос, я скептически хмыкнул. Понятное дело, что немцу хочется отделаться от увлекательной поездки к черту на рога в машине, полной эков, но выглядела эта попытка просто смешно. Одинаковые диагнозы и чудовищно бессмысленные рекомендации по лечению не могли вызвать ничего, кроме саркастической улыбки.

До палаты мы добраться не успели. Гурьбой оттуда вывалились заключенные, шалые, растрепанные. Один из них толкал перед собой заплаканную, покрасневшую медсестру. Халат, бывший ранее на девчонке, куда-то делся. Она оказалась облачена в белую блузку и черную юбку ниже колена, судя по всему, нечто наподобие форменной одежды. Блузка девчонки была лишена нескольких пуговиц, и медсестре приходилось сжимать ее края пальцами, дабы одежда не распахивалась. Непрекращающиеся толчки в спину то от одного, то от другого мужчины заставляли несчастную двигаться рвано – ускоряясь и тут же останавливаясь.

Доктор, зло взглянув на меня, кинул обвиняющее:

– Вы же обещали!

Не дождавшись от меня ответа, который, впрочем, я и не собирался давать, врач ринулся вперед, к кучке заключенных. Проводив его взглядом, я скривился от досады. Блатные, захватив девчонку, совершенно забыли о гораздо более важном – саквояже, собранном доктором.

Немец, оказавшись рядом с медсестрой, подхватил ее, едва не упавшую от очередного толчка.

– Хватит! Вы обещали, я вам показал заключенного! – Доктор задвинул девчонку за спину и довольно смело заступил дорогу уголовникам. – Оставьте ее в покое! Вы получили все, что хотели!

Со стороны попытки врача выглядели смешно. Однако я не мог не оценить отваги его поступка – в определенном смысле практически самоубийственного.

Один из бывших заключенных, бранясь, потянулся к доктору с ясным намерением что-то ему повредить. Врач, вместо того чтобы быть схваченным, торопливо отступил назад и, развернувшись боком, вытащил из брючного кармана небольшой пистолет. Взмахнул им,

будто ножом, перед лицами уголовников, громко прокричав:

– Назад! Назад, красное отродье!

Опешившие, вмиг растерявшие все свое самодовольное хамство и уверенность в собственных силах заключенные послушно отступили на шаг назад. Вернее, как отступили – в буквальном смысле отпрыгнули от вооруженного маленьким пистолетиком немца. Вся бравата с секунду назад смелых и наглых самцов мгновенно улетучилась.

– На пол! Живо на пол, выродки! – потрясая оружием, вполне грамотно распоряжался немец. У него был один-единственный вариант – давить противника, пока тот был растерян и сбит с толку. Как только зэки сообразят, что их четверо, а врач всего лишь один и что небольшой калибр обладает ничтожным останавливающим действием, его просто сомнут. За смелость врача следовало похвалить. А вот за предусмотрительность лично я поставил ему огромный минус. И сделал это следующим образом.

Отпустил Илюхина, очень надеясь, что тот удержится на ногах, и, ускорившись, приблизился со спины к немцу. Тот, забывший или сознательно упустивший меня из собственного плана, тем самым сделал непростительную ошибку.

Немец только еще начал разворачиваться, стараясь наставить на меня пистолет, как я, заблокировав его вооруженную руку предплечьем, со всей силы засадил ему по ногам. Врач, словно подрубленный, вспорхнул горизонтально над полом и через мгновение грохнулся спиной на наборный паркет. По опыту знаю – подобное, если ты, конечно, не готов заранее к тому, что произойдет, напрочь выбивает дух. Собственно говоря, так и вышло.

Пистолет, вылетев из ладони, ударился в стенку и звякнул по полу. Доктор захрипел, слепо шаря руками в воздухе. Один из зэков, очнувшись от ступора, подлетел к поверженному и, широко размахнувшись, ударил его ботинком под ребра.

Для Волкова все же пришлось взять носилки. Самостоятельно идти он мог разве что в мечтах, и оттого, загрузив разведчика в кузов, ему отвели место у стенки, бережно подложив под голову свернутое одеяло, захваченное из госпиталя. Лейтенант сидел рядом со мной, цепко держась за порт и отворачиваясь от солнца. Пожалуй, его внешний вид – забинтованная голова, разрезанное, ветхое обмундирование – должен был смешить. Однако охотников улыбаться в кузове не нашлось. И я знал, по какой причине.

Выместив на докторе злобу за собственный испуг, зэки забили его до смерти. Признаюсь, мне многое приходилось видеть, но то, что творилось в коридоре, переступило все мыслимые рамки. Озверевшие заключенные прыгали по безвольному телу, старательно растапывая голову, перемалывая ее в кашу. В буквальном смысле. Хруст, бульканье и брызги крови, щедро разлетающиеся на стены и паркет.

Остановиться уголовников заставил не я и не медсестра. Мне вмешиваться абсолютно не хотелось. Лейтенанту, судя по его молчанию, тоже. Девчонка, которую кто-то из зэков отшвырнул в сторону, скорчилась на полу, закрывая лицо руками. Ей явно было не до того, чтобы беспокоиться о жизни врача.

И тут, среди мата, глухих звуков ударов, напряженного, надсадного дыхания, один из заключенных тривиально поскользнулся. Прыгая на окровавленных останках, не удержал равновесия, со всей силы грохнувшись о пол. Скривившись от гадливости, я развернулся к

лейтенанту и подставил ему плечо. Илюхин, облокотившись об меня, прекрасно все понял, и мы вдвоем заковыляли в сторону выхода. Сделав несколько шагов, я вспомнил кое-что и обернулся.

Заключенные, встав полукругом, рассматривали избитого врача, как-то разом растеряв весь свой воинственный пыл. Тот, что упал, торопливо вытирал испачканные ладони о штанину.

– Возьмите саквояж доктора из палаты. Не забудьте!

Один из заключенных, взглянув в мою сторону, угрюмо кивнул и отправился исполнять мою просьбу.

Теперь все уголовники и спасенные нами пленники находились в кузове. Зэкам пришлось потесниться, чтобы дать возможность положить Волкова, но на это пока что никто не роптал. Вообще, еще недавно разнузданные и дикие, сейчас беглые были на удивление смирными. Что конкретно повлияло на это – гнев Хохла или то обстоятельство, что четверых из них едва не убил пожилой врач, – мне было неизвестно. И дознаваться об этом я не собирался. Меня вполне устраивала царящая в кузове тишина и то, что мы, петляя между дворов, направляемся к комендатуре.

Грузовик, едва высунув нос на площадь, тут же резко остановился. Я качнулся на своем месте, хватаясь инстинктивно за соседа. Водитель, не удовлетворившись нашими мучениями, резко врубил заднюю, и автомобиль, взыв мотором, чуть ли не прыгнул назад в проулок.

– М-м-мать! – едва успел выдохнуть я, совершенно валясь на соседа, когда тяжелая машина врезалась задним бортом в декоративный, хлипкий заборчик и заехала в чей-то двор. Снова дернулась, останавливаясь, и лишь тогда, убедившись в собственной безопасности, Хохол, сидящий ближе к кабине, хлопнул по ее крыше кулаком:

– Ты чего творишь, скотина?!

– Засада там! – Водитель, распахнув дверь, спрыгнул на землю и отвечал, задрав голову вверх. – Слепые, что ли? Засада у комендатуры, всех порешат за здорово живешь!

Чертыхнувшись, я перегнулся через борт и дернул засовы. Борт откинулся, ударившись о раму, но к тому времени я уже спрыгнул на землю. Повесив на шею ремень пистолета-пулемета, огляделся по сторонам. Аккуратный, ухоженный дворик. Подстриженные кусты, лужайка, белое крыльцо. Сфокусировав взгляд на входной двери в симпатичный двухэтажный домик, я решительно направился к нему. Прошагал по нескрипнувшему крыльцу, взялся за ручку и дернул ее. Заперто.

Что ж, тем лучше. Будем надеяться, что хозяев нет дома. С этой мыслью, сделав шаг назад, я примерился и со всей мочи ударил ногой в район дверного замка. Дверь распахнулась, разбрызгивая щепу и вылетевшие детали запорного механизма. Не отвлекаясь на обзор красот немецкого быта, я быстро добрался до винтовой лестницы, ведущей на второй этаж, и взбежал по ней. Первая же комната, которую я решил проверить, подошла мне на все сто. Открытая дверь впустила в небольшую спальню с широкими окнами, закрытыми кружевными занавесками. Окна выходили прямоиком на площадь.

Оглянувшись на топот, я без всякого удивления увидел Хохла, отправившегося следом за мной. Мы одновременно подошли к окну, скрываясь за занавесками.

С засадой водитель дал маху. Все было гораздо серьезнее. Не знаю, каким образом, но комендантским удалось образовать полноценное укрепление. Четыре грузовика перегораживали площадь. Промежутки между ними были заполнены всяким хламом – столами, шкафами и тому подобной ерундой, тем не менее вполне успешно играющей роль укрытия. Не знаю, откуда в комендатуре нашелся такой умник, однако он сделал именно то, что следовало. Не допустил распыления сил, не отправил бойцов, которых было с гулькиных клюв, на машинах по городу в целях пресечения беспорядков, а укрепился на месте. Тем самым командир создал точку вооруженного сопротивления, гарант безопасности и некий консолидирующий центр. Это было очень хреново для нас.

Вместо того чтобы войти в комендатуру, паля направо и налево, используя эффект внезапности, теперь нам предстояло штурмовать пусть и скороспелое, но тем не менее укрепление. Кто-то, далеко не глупый, сделал свой очень даже предусмотрительный ход, к которому я оказался не готов. Создавая зону напряженности в районе казарм, которые штурмовали несколько машин зэков, я рассчитывал на то, что все наличные силы будут брошены именно туда. Угроза потери арсенала, более-менее подготовленные солдаты, ведущие бой, явно обозначенная цель атаки – все это, на мой взгляд, просто обязывало отреагировать стандартно, направить туда все наличные силы. Опровержение моим домыслам сейчас находилось на площади в виде толковых укреплений и отблесков солнца на стволах ружей и пулеметов.

Коротко оценив располагающуюся за окном картину, помрачневший Хохол вопросительно мотнул головой.

– Штурмовать придется, – с неудовольствием признался я, – черт знает, как сложится теперь, при таких раскладах.

Уголовник, смерив меня задумчивым взглядом, ничего не ответил. Повернулся и вышел из комнаты, протопав к лестнице, ведущей вниз. Я, потратив еще несколько секунд, накидал в уме примерный план дальнейших действий. Будь под моим началом армейское подразделение, наверное, наши шансы на успех были бы в пределах нормы. Нынешний же состав штурмовой группы не выдерживал никакой критики. То обстоятельство, что им удалось справиться со спящими бойцами в казарме у лагеря, объяснялось лишь растерянностью охраны и тем, что нам удалось застать взвод врасплох. Готовых к отражению атаки бойцов комендатуры нам так же просто не взять. Меняло ли это хоть что-то в моих планах?

Ни в коем случае. Мне нужно было освободить Нельсона. И какие при этом понесут жертвы уголовники, меня ни капли не интересовало.

Оказавшись на крыльце, я застыл, будто бы пораженный громом.

– Ствол кидай мне! – Совершенно серьезный Хохол махнул рукой, указывая себе под ноги. Я, нахмурившись, наклонился, снял с шеи ремень пистолета-пулемета и, повинувшись приказанию, кинул оружие уголовнику. Спорить я не собирался, будучи убежденным одним простым аргументом – на меня были нацелены сразу три винтовки. Одну держал сам Хохол, и еще двумя владели его подручные. Москвичев, подняв руки, стоял в стороне, и его вместе с перебинтованным лейтенантом также держали на мушке. Дабы исключить любые

случайности, эки еще и Волкова сгрузили под ноги молодому бойцу, тем самым совершенно ограничивая мальчишку. Любое его движение, попытка сорваться с места – и пара пуль наверняка достанется не способному передвигаться раненому.

– Не по пути нам с тобой, военный. Сам должен понимать. – Хохол, опустив оружие, резво запрыгнул в кузов грузовика. Повернулся, вновь беря меня на прицел. Таким же образом поступили и его подручные – меняясь, держа нас под дулами винтовок, один за другим они залезали в кузов, не давая ни мне, ни Москвичеву ни единого шанса для того, чтобы попытаться хоть кого-то из них разоружить.

– Оружие оставь... – без особой надежды попросил я. – Пользоваться все равно не будешь!

– Ничего ты не получишь, шустрый, – оскалившись, отказал Хохол, – мне жизнь моя дорога. Спасибо скажи, что не пришили вас на месте!

– Спасибо, – тут же откликнулся я. – Скинь пулемет с лентой. Я зарядить не успею все равно.

В ответ на это один из эков поднял борт и звонко защелкнул его щеколды. Мало надеясь на успех, я все же продолжил перечисление вариантов:

– Миномет. Стрелять не умеешь, бесполезная тебе железяка!

Грузовик, дернувшись, подался назад. Я с тревогой посмотрел на лежащего Волкова, однако автомобиль до него не доехал. Водитель, переключив передачу, медленно выехал за ограду, перемалывая колесами остатки изгороди. Один из эков, поймавший мой отчаянный, разочарованный взгляд, издевательски помахал ладонью, прощаясь.

– Стой! – Хохол ударил кулаком по кабине. Автомобиль, дернувшись, остановился. Один из заключенных, повинуясь жесту своего главного, наклонился и, разогнувшись, выбросил через борт небольшой, черный тюк.

– Мины, – напомнил я.

Порывшись, тот же самый уголовник кинул в мою сторону извлеченную из ящика мину. Продолговатый снаряд, крутясь, полетел точно мне ноги. Без раздумий я отпрыгнул как можно дальше в сторону и растянулся на земле, прикрывая голову ладонями. Короткий, ясно слышимый шлепок возвестил о том, что уйти из зоны поражения мне, судя по всему, не удалось.

– Еще? – несколько секунд спустя раздался веселый голос Хохла. Я, поднявшись с земли, машинально отряхнулся, заметив, как дрожат руки. Покосился на мину, валяющуюся в двух шагах, и отметил наличие на ней неповрежденного колпачка.

Веселье уголовников, ржущих через одного, было труднообъяснимо. Они находились от меня метрах в десяти, и осколки, в случае если мина бы разорвалась, могли достать и их.

– Лучше патрон. В ящике складывали, рядом, – придав голосу твердости, возразил я.

Через пару секунд в меня полетел вышибной патрон. В данном случае я просто шагнул в сторону, пропуская взрыватель мимо себя.

– Хорош! – прервал веселье Хохол. – Застрелиться тебе хватит, а больше и не надо!

С этими словами уголовник вновь хлопнул по крыше кабины, подавая сигнал, и грузовик, взревев мотором, вырулил за изгородь. Промчался по дороге и, свернув в сторону, скрылся с наших глаз.

Пожалуй, было самое время отчаяться, верно? Всего оружия, кроме «вальтера», забытого впопыхах, нас лишили. Мы остались в центре города, охваченного беспорядками, совершенно безоружные, с двумя ранеными на руках.

Издавательский совет Хохла в свете того, что случилось, обретал смысл. Было бы неплохо в действительности собраться всем кучкой и колотить миной о какой-нибудь камень, предварительно, конечно, сняв защиту со взрывателя. Таким образом мы разом бы избавлялись ото всех проблем.

Кстати говоря. Мина.

Я подошел к брошенному в нас снаряду и поднял его с земли. Присмотрелся к колпачку, окончательно убедившись, что он не поврежден.

– Негодяи! Подонки! – Москвичев, сжав кулаки, бессильно выкрикивал оскорбления вслед уехавшему грузовику.

Я аккуратно положил мину на землю и подошел к выюку. Развязал его, извлекая на свет божий ротный пятидесятимиллиметровый миномет.

– Обращаться умеешь? – повернулся я к Москвичеву. Мне самому работать с подобными штуками не доводилось. Не раз и не два минометная поддержка приходилась ко двору моему подразделению, но лично я обычно использовал подствольник. Теоретически произвести выстрел из миномета я был в состоянии, однако за точность его поручиться не мог. В нашем же случае, исходя из количества мин, это было очень критично.

– Умею. – Боец, подойдя ко мне, присел на корточки и заглянул в глаза. – А толку-то?

– Сможешь выстрелить точно? – не счел я нужным отвечать на бессмысленный вопрос.

– Более-менее смогу, – отозвался Москвичев. – А что ты задумал-то?

– Сделаем так... – Только что сформировавшийся в моей голове план вроде бы был неплох. – Я выхожу на площадь. В комендатуре находится мой друг. Мы вместе с ним влипли в это дерьмо – вместе нам и выбираться из него. Я говорю, что мне нужен Нельсон, с которым мы спокойной уйдем. Напугаю их... толпой отчаявшихся зэков. Махну рукой, и ты произведешь выстрел. Тебе надо будет расположиться так, чтобы видеть меня. Думаю, минометный обстрел снимет все вопросы. Я забираю парня, и мы сваливаем. Все вместе.

В процессе моего рассказа глаза Москвичева становились все шире и шире. Впрочем, и я сам, проговаривая вслух собственные предположения, все больше и больше убеждался, что несусь ересь в стиле современных фильмов о войне.

– Не надо никуда ходить, – едва я закончил, тихо, не размыкая зубов, возразил лейтенант. – И мину тратить тоже не надо. Твой парень у нас.

Рассказанная Илюхиным история была похожа на фантастический роман. По крайней мере, столь поразительные совпадения, на мой взгляд, возможны только в книгах. Хотя, с другой стороны, претензий к логике событий у меня не было.

Нет ничего удивительного в том, что Нельсону пришлось выложить ту информацию, которой мы рассчитывали торговать с выгодой для себя. Здешняя действительность не подразумевала товарно-денежных отношений в чистом виде. Здесь ты можешь продать что-то лишь при условии, что до тебя невозможно добраться или ты достаточно силен, чтобы

дать отпор. При любых других раскладах у тебя просто отберут то, что является твоей собственностью. И хорошо, если при этом оставят в живых.

То, что Илюхин с товарищами дали немцам бой, мне понравилось. Даже допуская, что лейтенант может привирать, все равно картина вырисовывалась неплохая: разгром колонны, вернее даже, ее полное уничтожение – это достойный поступок.

– А если немцы не повелись на тебя? Если сейчас они захватили Лебеди?

Илюхин медленно покачал головой:

– Им не взять деревни. У них слишком мало сил. И они... они неправильно действуют.

Видя, что я ожидаю продолжения, лейтенант удовлетворил мое любопытство:

– Они не умеют воевать. Они слишком самонадеянны. Мы не потеряли никого, выкосив колонну. Теперь они вновь решились идти на штурм, не послушав меня. Тот же лобовой удар. Лебеди наши.

Уверенность – это, конечно, хорошо. Если она не граничит с самоуверенностью, чем определенно пахивали его слова.

– Нельсон там? – задал я самый важный вопрос.

– Да, – немедленно согласился Илюхин, – он говорил о тебе.

Москвичев, внимательно слушавший разговор, неожиданно вмешался в него:

– Какой фронт?

Важное дополнение. Мне как-то в голову не пришло, а мальчишка, судя по всему, на все сто не доверял лейтенанту.

– Мы из НКВД.

Громко как. Честно говоря, я не разбирался в хитросплетениях взаимоотношений различных ведомств в период ВОВ, но звучало внушительно. Москвичев, услышав ответ Илюхина, тут же подтянулся, встав по стойке «смирно».

Лебеди

Нельсон

Как я жил после того, что произошло? Да знаете, в общем, неплохо.

В ночь после бойни я просто провалился в сон, а на следующий день вместе с тремя разведчиками рыл могилы для павших. От обязанности собирать трупы я был избавлен, причем, подозреваю, отнюдь не из-за такта и жалости командования. Причина была более проста – убитые лежали на минном поле, разобраться в системе которого было не так уж и просто. Так что мне и еще троим досталась сравнительно нетрудная работа – изготовить две прямоугольные могилы, куда могло бы поместиться без малого пятьдесят тел.

Я не могу ответить на вопрос, легко ли мне было убивать. Но четко могу засвидетельствовать вот что: в процессе похорон все до единого бойцы РККА были предельно серьезны и не допускали ни шуток, ни каламбуров, ни какого-то иного проявления чувств. Наверное, подойдет к их действиям определение «деловито». Лучше и не сказать.

Закончили мы ближе к вечеру. Могилы были заполнены и зарыты. Никаких

обозначений или памятников на них установлено не было, однако списки погребенных, насколько мне было известно, составлялись и хранились у командира отряда. Сложно сказать, достаточная ли это дань памяти павшим. По крайней мере, меня успокаивало одно – немцев сюда никто не звал. Они прекрасно знали, на что шли, и по этой самой причине сожаления не заслуживали. Подтверждение своим мыслям я услышал и чуть позже. Когда мы подошли к дому, являющемуся нашим общежитием, а по совместительству и арсеналом, основная часть бойцов и все офицеры уже ждали нас перед входом.

– Это не построение, товарищи красноармейцы и сержанты. Чувствуйте себя вольно. Я хочу поговорить с вами. Хочу в полной мере объяснить обстоятельства, в которых мы с вами оказались. – Терехов был привычно серьезен. Стоявший с ним рядом Свиридов задумчиво рассматривал бойцов, а Диляров нетерпеливо поглядывал на своего командира, ожидая от него продолжения.

– Среди нас не так много коммунистов, товарищи. Скрывать нам нечего – в нашем отряде есть те, кто в свое время выбрал путь борьбы против нашего социалистического Отечества. Мы с вами как бойцы Рабоче-крестьянской Красной армии имеем полное право судить их. Это непреложный факт, который не нуждается в подтверждениях и доказательствах. Некоторое время мы оттягивали этот момент, однако больше возможности для этого не существует. Нам надо решить раз и навсегда, что мы будем делать. Следует обозначить нашу цель. Без четкой и ясной позиции каждого из нас это сделать невозможно. Однако правильным, на мой взгляд, будет сначала предоставить слово им. Тем, кто случайно оказался среди нас.

С каждым словом, произнесенным Тереховым, внутри у меня что-то сжималось, словно пружина.

– Товарищ капитан высказался совершенно точно. – Свиридов, сделав шаг вперед, встал перед выстроившимися бойцами. – Мы выбрали путь сопротивления Советской власти. Это было сделано по разным мотивам и под давлением разных обстоятельств. Я могу объяснить, почему так вышло. Я и мои люди, если вам это действительно важно.

Лейтенант замолчал, пытливо вглядываясь в лица солдат. Несколько мгновений стояла оглушающая тишина, затем Коздоев, покачив головой, ответил за всех:

– Не надо объяснять. Говори дальше.

– Однако каждый из нас в определенный момент пришел к выводу об ошибочности своего выбора. Вы все прекрасно знаете, что мы собирались сдать части Красной армии и понести заслуженное наказание. Не сложилось. Судьба распорядилась иначе, и вот теперь мы здесь.

Лейтенант сделал небольшую паузу, видимо, собираясь с мыслями. Только в этот момент я заметил, что Жиллов и Захаров – двое бойцов Свиридова – стоят в стороне. Явно дистанцируясь от разведчиков.

– Да, мы здесь, – продолжил лейтенант, – и, насколько мне известно, вы единственные части Красной армии на данной территории. Я признаю за вами право на суд. Я и мои бойцы. Ваше слово, товарищи.

Вновь тишина. Солдаты, переглядываясь друг с другом, пытались выразить глазами собственные мысли. Терехов и Диляров не торопили. Свиридов застыл на месте с

выражением тревожного ожидания на лице.

– Скажу я. Как коммунист. – Симаков взглянул на капитана. Тот ответил ему коротким кивком. – Не знаю, какие грехи за вами числятся, товарищ лейтенант. И за вами, товарищи красноармейцы. Знаю вот что: зачастую приходится на фронте туго. Так туго, что мочи и в самом деле нет. Если в тот момент не окажется нужной закалки в человеке, стержня, то тут человек и сломается. Запросто. Я такое видел, товарищи. Раньше бы сказал: не нам решать, прощать – не прощать. А теперь не отвертеться. Теперь – нам. А коли нам, так вот мое слово: все, что было, забыто. Я про то, что с вами случилось, знать не знаю и знать не хочу! Я вот видел, что вы живота не пожалели тогда, в лесу, и тут не к вражинам побежали, а с нами встали, насмерть. По мне, так и желать других товарищей не надо.

– Верно сказал! – тут же поддержал Клыков санитар. – Мудрить нечего! В одном строю стояли, один хлеб ели, в одну сторону стреляли.

– Кого судить? – едва ли не перебивая друга, горячо вклинился Овсеенко. – Своих судить не будем. То ж свои, братцы, устраиваем тут трибунал, будто врагам!

– Свои, верно! – один за другим, а зачастую и мешая друг другу, выражали мнение бойцы. Я же, впившись взглядом в лицо Свиридова, видел, как нешуточное облегчение отразилось на нем. В первую секунду, когда затеялось это все, я подумал – подстава. Не может быть такого! Словно из глупого фильма – партсобрание, митинг. Красных тряпок еще бы повесили!

А вот взглянул ему в лицо и понял – все всерьез. Нельзя сыграть такое, симитировать.

– Хорошо. Принято. Решение принято! – Терехов поднял руку, призывая разошедшихся бойцов к тишине.

– Спасибо... – не совсем членораздельно произнес Свиридов. – Спасибо, товарищи.

Взглянув на говорившего, я вздрогнул. Лейтенант, твердо сжав зубы, отчего на скулах выступили желваки, едва сдерживался от слез. Они явно дрожали в его глазах, и один бог знает, чего ему стоило сдерживаться. Проверяя свою догадку, я тут же повернулся, вглядываясь в Жилова и Захарова, и увидел, что бывшие бойцы РОА, отвернувшись, закрывают свои лица.

– Про мальчишку сам скажу! – Коздоев, отвлекая внимание от неловкого эпизода, эмоционально и выразительно взглянул в мою сторону. – Вчера с ним были вдвоем, и результат вы сегодня видели. Не дрогнул. Молодец. Поручусь за него!

– Да что говорить зазря! – тут же вклинился и Клыков. – Хоть куда парень, наших кровей, сразу видно!

– Вот и не будем! – повысив голос, прервал нарастающий шум Терехов. – Говорить зазря не будем, как сержант просит. Слушай тогда приказ, взвод! Назначаю заместителем командира лейтенанта Свиридова. Приказ понятен?

Дождавшись традиционного «так точно», Терехов продолжил:

– Зачисляю во взвод в звании красноармейца... – Я даже не сразу понял, что прозвучала моя фамилия. Честно говоря, я с трудом соображал и явно отставал от действительности. – Следующее. В ближайшее время мы будем вынуждены делить деревню с немцами. Это временный шаг, товарищи. Вынужденный. Других вариантов у нас нет. Я приказываю и даже прошу отказаться от всяческих инцидентов и не поддаваться на провокации. Нам необходимо

выиграть время для того, чтобы продолжить борьбу. Как только мы будем готовы, будем иметь на руках достаточно данных о местоположении и силах противника, о балансе сил в регионе, любые временные договоренности с противником потеряют силу.

На пути в Лебеди

Другие

Свиридов, присев прямо на землю, на расстеленную гимнастерку, наблюдал из-под ладони за дорогой. Солнце било прямо в глаза, и это, надо сказать, создавало определенные неудобства. Тем не менее даже это обстоятельство не помешало лейтенанту заметить две автомашины, неторопливо передвигающиеся по дороге. Шедший первым грузовик задавал темп, а следовавший за ним в некотором отдалении легковой автомобиль держал дистанцию метров в шестьдесят. Неплохой вариант. Впервые Свиридов в этом мире видел то, что, пожалуй, претендовало на звание грамотного построения техники на марше. Засаде, буде такая бы случилась, пришлось бы разносить огонь по двум целям, что неминуемо повлекло бы за собой меньшую эффективность нападения.

Поднявшись с земли, Свиридов встряхнул гимнастерку, очищая ее от налипших травинок. Надев, застегнул и строго перепоясался ремнем. Перехватил под магазин уже привычный «МР» и повесил его себе на грудь.

Грузовик, замедляя ход, остановился метрах в пяти от лейтенанта. Йозеф Книппель, демонстрируя свое безграничное доверие, выпрыгнул из кабины, с пассажирского сиденья, и потянулся, разминая затекшую спину. Затем, не чинясь, подошел к Свиридову.

– Доброго дня, лейтенант, – безо всяких раздумий немец протянул руку.

– Доброго, – откликнулся Свиридов и пожал ладонь.

– А где ваши люди? – Книппель с любопытством огляделся по сторонам.

Затем, не услышав ответа, повернулся к лейтенанту. Улыбнулся понимающе:

– Ясно. Не скажете?

– Это сейчас не очень важно, – ловко ушел от вопроса Свиридов.

– Согласен, – легко поддался Книппель, тем не менее остро посматривая в сторону далеких холмов. Перехватив его взгляд, лейтенант счел нужным поправить:

– Это слишком далеко для эффективного огня.

– Хорошо – рассмеялся Книппель, – поверю вам на слово. Скажите, это произошло здесь?

– Дальше, – махнул рукой Свиридов, – двести метров по дороге, у поворота.

Внимательно всмотревшись в указанном направлении, Книппель признался:

– Не вижу никаких следов, – и при этом требовательно посмотрел на лейтенанта. Тут же, видимо, спохватившись, добавил: – Нет никаких оснований не верить вам.

Усмехнувшись, Свиридов вновь перевел тему:

– Нам пора. Я должен указать путь, мне лучше сесть рядом с водителем.

Книппель, не раздумывая ни секунды, тут же принял решение:

– Это не проблема. Я поведу сам, вы сядете рядом со мной. Как я понимаю, дело в том, что нужно показать безопасную дорогу?

– Верно, – не стал отрицать Свиридов.

– Надеюсь, это временная мера? Дорога должна быть не заминирована, поскольку это, в конце концов, единственный путь, соединяющий Шванендорф с шоссе!

– Временная, – вновь согласился Свиридов и, не теряя времени, направился к грузовику.

– А ваши люди? Они что, пойдут пешком? – Вынужденный догонять лейтенанта, немец схватил Свиридова за рукав и резко дернул, заставляя остановиться. – Не перебарщивай, русский. Не стоит позволять себе слишком много.

– Мои люди – не ваша забота, – упрямо покачал головой Свиридов, – мне нужно встретить вас и провести по дороге так, чтобы вы не подорвались. Это все. Не больше, но и не меньше, Йозеф. Чем вы не довольны?

– Ты здесь один, русский? Наврал мне про засаду? – Что-то раздражило Книппеля, заставило его разом измениться. Из предупредительного и вежливого собеседника немец вдруг превратился в капризного и надменного повелителя. В глазах его, которыми он впился в лицо Свиридова, отражалась черная бездна самоуверенности.

Не меняясь в лице и не делая попытки освободить предплечье, лейтенант поднял левую руку. Через секунду в метре от ноги Книппеля на пыльной земле взмыл султанчик попадания. Хлесткий выстрел винтовки донесся еще через мгновение.

Вздрогнув, Книппель выпустил Свиридова. Растерянно взглянул на него и закрутил головой по сторонам, ища стрелка.

– Я не хочу убивать тебя, Йозеф. Ты помнишь наш разговор?

Немец, недоуменно взглянув на Свиридова, нахмурился непонимающе.

– Я говорил тебе, чтобы ты больше не приходил в Лебеди. Ты не послушался. Мало того, ты заключил соглашение с нами. Так вот, теперь ты будешь выполнять его от и до. Полностью. В противном случае я исполню то, что обещал тебе. Это ясно?

Некоторое время Книппель молча изучающе смотрел на Свиридова. Будто бы пытаясь найти какие-то ответы на незаданные вопросы в лице лейтенанта. Затем, видимо, приняв решение, немец усмехнулся:

– С вами страшно. Страшно интересно, лейтенант.

– Я бы предпочел, чтобы командовали вы, лейтенант. – Книппель, стоя у окна, наблюдал за разгрузкой автомобилей. Двое немцев в гражданских костюмах – пассажиры легкового «Опеля» – следили за тем, как их подчиненные, снимая с борта тюки и упаковки, переносят их в дом.

– Командует капитан Терехов. – Свиридов понимающе усмехнулся, не поднимаясь из-за стола и наблюдая за Йозефом. Ничего удивительного в реакции немца не было. Разведчики, не делая попыток помочь при разгрузке, просто-напросто стояли в стороне, и больше всего это напоминало оцепление. Ситуация не была абсурдной лишь потому, что оружия у русских в руках не было. Впрочем, и без того Книппелю не удалось избежать объяснений с чрезвычайно удивленным поведением его людей бароном Густавом Элроузом.

– На мой взгляд, вы бы смотрелись на позиции командира лучше. У вас есть задатки.

Ваш капитан слишком неуступчив, – не поняв или не пожелав понять намека, Книппель продолжил агитацию.

– Договоримся с вами так, Йозеф: все правила, которые вы слышали от меня, выполнять нужно неукоснительно. Мы – всего лишь военное подразделение на вашей службе, не рабы и не наемные рабочие. Могу вам обещать, что о вашей безопасности мы позаботимся. Но ничего сверх озвученных задач делать не станем.

– Вам не идет эта серьезность, лейтенант. – Йозеф постарался разрядить обстановку открытой улыбкой.

Свиридов, вежливо улыбнувшись в ответ, ничего на это не ответил. Ему вполне достаточно было приказа Терехова и плана, который предложил капитан. В целом Свиридов был согласен с отстраненностью, которую декларировали разведчики, и считал это наилучшим вариантом. Немцы сами по себе, разведчики и примкнувшие к ним бойцы РОА – сами.

Дверь открылась, и в комнату зашел Терехов. Пройдя к столу, поставил на него две кружки с парящим чаем, отодвинул стул, опускаясь на него. Посмотрел на Книппеля. Немец, едва заметно поморщившись, отошел от окна и сел за стол.

– Чаю? – Капитан пододвинул одну из кружек ближе к Йозефу. Немец, вновь скривившись, вежливо отказался:

– Нет. Я рассчитываю отобедать некоторое время погодя. Не в вашей компании, господа коммунисты.

Пассаж был принят с пониманием. Терехов, сделав небольшой глоток горячего чая, отставил кружку и посмотрел на стройного высокого Книппеля.

В какой-то мере происходящее можно было назвать сотрудничеством с врагом. Однако столь простой и однозначный подход в создавшейся ситуации был не применим. Главным для Терехова являлось обеспечить сохранность подразделения, волею судьбы оказавшегося под его началом. И не стоит думать, что данный выбор – договоренность с Книппелем, дался Терехову легко. Откровенно говоря, капитан до сих пор не был уверен в правильности своего поступка, но тем не менее признавал, что альтернатив у него было немного. По сути – совершенно не было.

Оправдывало ли это его? Пожалуй, что нет. Однако Терехов и не искал оправдания. Как любой грамотный и опытный командир, он сознавал, что в любом случае должен нести ответственность за людей, доверившихся ему. На данный момент все они были живы и здоровы. Это был главный показатель его деятельности как командира группы.

– Сколько в общей сложности вы уже убили, капитан?

– Лично я? – встретил вопрос вопросом Терехов

– Нет. Ваша группа. Сколько вы уже убили? – Книппель, опершись руками о стол, внимательно смотрел на командира.

– Достаточно, – ровно произнес капитан, показывая, что не намерен распространяться на эту тему.

– Вы убили, навскидку, человек девяносто... верно? – тут же посчитал Книппель. – Вы не сожалеете об этом?

– Нет.

– Я хочу понять вас, капитан. Просто понять. Я слышал про ваши успехи, да, вы впечатляюще хороши, вы никого не потеряли. Но знаете, почему случилось именно так?

Не дождавшись ответа, Книппель продолжил:

– Я общаюсь с вами, но и я не могу понять вас в полной мере. Для других вы еще большая загадка! Понимаете, здесь не убивают просто так. Вы держались все это время лишь потому, что никто не ожидал столь смертоносного отпора от вас! Очень простая отгадка, верно? Скольких вы убили до того, как поступить на службу ко мне? Там, в своем, как вы говорите, мире? – вновь повторил Книппель вопрос.

– Достаточно, – вновь повторил Терехов.

– Уничтожали противника? – понимающе кивнул Книппель. – Это неправда, капитан! Вы убивали людей. Безжалостно, старательно и не оставляя следов! Признаю, – Йозеф продемонстрировал открытые ладони, – вы лучше других наемников. Эффективнее. Вот в чем ваше отличие от всех других. Не более того.

В полном молчании Терехов взял кружку, сделал еще один большой глоток. Затем, подняв глаза на немца, произнес:

– Скажи мне, Йозеф, что произошло с СССР. В деталях. Подробно.

Книппель разочарованно покачал головой. Ему не нравилось, что его прерывают. И не нравилось упрямство русских, обреченно держащихся за свой миф.

– К чему пустые слова? Вы все знаете, коммунисты.

В помещении повисла длинная пауза. Терехов вновь отпил чая, а Свиридов сосредоточенно и одновременно скучающе смотрел на гостя. Ни капитан, ни лейтенант не подтверждали слова Книппеля и ждали его рассказа.

– Хорошо, – сдался Йозеф. – В июле тридцать девятого года Советы напали на Польшу.

– Не так... – прервал Терехов. – Раньше. Тридцать седьмой.

– Тридцать седьмой... – нахмурившись, повторил Книппель. – В мае тридцать седьмого к власти в СССР пришел генерал Тухачевский. Новый Бонапарт, как называли его в Европе.

– А Сталин? – поневоле сорвалось у Свиридова. И он и Терехов в достаточной степени выяснили все интересующие вопросы у населения и пленных, которых удалось захватить в прошлых операциях. Однако полученные лоскуты знаний следовало сформировать в полноценную, общую картину.

– Сталин? – переспросил Книппель. Задумался и решительно пожал плечами. – Не знаю. Не могу помнить всех. У власти оказались военные, это точно. И, получается, через два года развязали войну на континенте.

– А как же аншлюс? Чехословакия? – вновь не выдержал Свиридов.

– Это немецкие земли, лейтенант. Целиком и полностью. Они присоединены в соответствии с желаниями большинства жителей этих стран. СССР напал на Польшу, и это непреложный факт, господа коммунисты.

– Дальше. – Терехов, не дав высказать очередной аргумент, прервал открывшего рот Свиридова.

– Верная своему союзническому долгу Германия должна была выступить на помощь полякам, – заявил как о само собой разумеющемся Книппель, – так же поступила и Англия. СССР являлся агрессором, и это заставило объединить все усилия, чтобы дать ему достойный

отпор.

– Захват всей страны до Урала, по-вашему, достойный отпор? – Свиридов совершенно явно кипел.

– Война до победного конца. Это принцип рейха, господа коммунисты. К тому же ваши войска разбежались. Дезертировали с оружием в руках и отправились грабить собственные города и села. Вермахт был вынужден брать под охрану населенные пункты, чтобы не допустить разгула бандитизма.

Лебеди

Нельсон

– Русский! Иди сюда, русский! – Услышав окрик, я поджал недовольно губы.

Черт бы побрал этих немцев... надо же так не вовремя оказаться в этом месте! Я опустил на землю ведра, которые нес, и негромко проговорил Насте, которая шла рядом со мной:

– Ведра поставь, иди быстрее к казарме.

Девочка, посмотрев на меня со странным выражением лица – какая-то смесь удивления и возмущения, – не исполнила того, что я попросил. Ни первого, ни второго.

– Блин, я говорю, бегом к казарме! – нервничая, прошипел я и развернулся. Не дождавшись моей реакции, троица немцев в ставшей уже привычной сероватой форме быстро приближалась ко мне.

Черт побери, как они вообще здесь появились? Это ведь наша территория, в смысле, часть деревни, на которой находимся только мы! Насколько я понял, это уже давно было решено в «верхах», и оттого и я, и Настя довольно свободно передвигались по своей части поселка. Лебеди, если позволено будет сравнить, стали своеобразным аналогом послевоенного Берлина, где существовали четко разграниченные сферы влияния. В нашем случае не было стены, но за два дня, в течение которых я неоднократно ходил к колодцу, да и вообще блондал по хозяйству, немцев на нашей территории не видел.

– Ты почему не исполняешь приказ, скотина? Я приказал тебе идти ко мне! – весьма эмоционально выразился один из них, судя по всему, основной заводила.

– Мое командование запретило мне разговаривать с вами, – попытался сразу же защититься я, отчаянно жалея, что девчонка, так и не послушавшись, осталась рядом со мной. Опустила ведра на пыльную землю и упрямо смотрела на оказавшихся в нескольких шагах немцев взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. В первую очередь ей. – Да вали ты отсюда! – уже не скрываясь, зло сказал я ей, повернувшись.

Немец, заметив мой жест и услышав слова, расстегнул кобуру на поясе и достал из нее пистолет:

– Оставайтесь на месте, животные. Почему я должен разыскивать вас? Вы поступили в мое распоряжение, а вместо того разгуливаете здесь, будто свободные люди. В чем дело?

– Какая-то ошибка, герр офицер. Причем ошибаетесь вы. Я ни в чье распоряжение не

поступал, и наша часть заключила контракт с Йозефом Книппелем. Мы несем службу только у него. Охраняем Шванендорф.

В ответ на мои слова немец только громко фыркнул. Короткие щетинистые усы над его верхней губой вздрогнули:

– Русский, Шванендорф находится в аренде. А я – лейтенант гарнизона Шванендорфа. О какой еще службе охраны ты можешь говорить? Вы оба. Следуйте за мной.

Первым моим порывом было снова скомандовать Насте бежать. Однако останавливали два обстоятельства. Первое – она меня не слушала. Второе – пистолет в руках немца.

– Дойдем до наших офицеров, пусть они решают, – попытался вновь найти я альтернативу. Но вместо того, чтобы согласиться или продолжить диалог, один из немцев, шагнув вперед, замахнулся с явным желанием пробить мне в скулу с правой.

Действуя чисто инстинктивно, я коротким подшагом поднырнул под бьющую руку. Оказавшись сбоку от противника, сунул левой прямо в открытый подбородок. Вздрогнув, немец начал оседать и тут же получил от меня с той же самой позиции правый, добивающий.

Это заняло доли секунды. Пожалуй, что его замах был длиннее, нежели вся моя серия. Азбука. Один из азов бокса – уход под длинный, размашистый удар и собственная «двойка». Короткий боковой и добивающий правый прямой.

Только когда немец свалился, я понял, что наделал. Хорошо проведенный удар в подбородок не просто валит с ног. Зачастую – лишает сознания. Наверное, мне лучше было бы пропустить удар. Но нет. Не поддался. Блеснул своим техническим превосходством и вот теперь стоял, боясь даже вздохнуть лишний раз. Потому что командир этой тройки направил пистолет мне в лицо и, судя по плотно сжатым побелевшим губам, в любую секунду мог выстрелить.

– На колени, мразь, – процедил немец.

В ответ я просто моргнул. Честно – не мог заставить себя даже пошевелиться. Черный провал дула, в который я заглядывал, действовал завораживающе.

– На колени! – тоном, показывающим, что он не шутит, поторопил меня офицер.

Скосив глаза на валявшегося в отключке немца, я второй раз за короткий промежуток времени подумал, что стоило все же пропустить удар.

– Не буду, – шевельнул я наконец застывшим, будто бы чужим языком.

Следом за моим ответом, с секундной разницей, прогремел выстрел. Схватившись за бедро, я тут же свалился на землю. Выпустил воздух сквозь сжатые зубы и громко, не стеснясь, выругался матом. Ощущения от ранения были сходны с самой страшной травмой, которую мне довелось пережить, – разрыв связок. Непрекращающаяся дергающая боль, от которой хочется вопить во весь голос, – вот очень приблизительное описание того, что я почувствовал.

– На колени, тварь! – не успокоился немец. Видимо, того, что я валялся на земле, ему было мало.

Зажмурившись, а затем резко выдохнув, чтобы хоть чуть-чуть согнать боль, я довольно отчетливо высказал свой ответ, путая, правда, немецкие и русские слова. В мате по-фашистски я не силен. Поэтому фраза моя была построена в основном на родном языке.

Куда будет направлен второй выстрел, я даже боялся предположить. Хорошо бы,

конечно, не в голову, не в грудь и не в живот. В общем, не в те места, попадание в которые может оказаться фатальным. Впрочем, второй раз немец не выстрелил. Помешала этому длинная очередь, пущенная в воздух, и громкий крик Клыкова:

– Оружие на землю!

Эйзенбург

Бон

Рассказанной Илюхиным истории у меня не было основания не верить. Одних пришельцев из параллельного мира я уже видел, почему бы не быть и другим.

Больше всего в рассказе радовала роль Нельсона. Парень жив, и за это я благодарю всех богов, случай, судьбу. Все это время я, хоть и старался не подавать вида, тем не менее тревожился о своем товарище. Гнал прочь дурные мысли, но опасения меня не покидали. Зная Нельсона, был просто уверен, что характер сыграет с ним злую шутку. Собственно, я не ошибся.

Устроить махач при всем честном народе с немецким офицером... Даже я бы на это не решился. Тем удивительнее видеть в роли «хулигана» Нельсона, который на моей памяти особой боевитостью никогда не отличался. Тут же воспоминанием, похожим на упрек, всплыли обстоятельства, в результате которых я очутился в этом мире.

Это, конечно, верно. Тем не менее я знал Нельсона по другим делам и никогда не замечал за ним отвагу и желание подраться.

– Ты можешь идти? – Лейтенант выглядел неважно, однако на ногах стоял твердо. Я искренне надеялся, что тащить мне его не придется.

– Могу, – подтвердил мои надежды Илюхин.

– Тогда делаем так. Я выхожу первым. Пойдем дворами. Находим машину, любую, заводим, уезжаем. План понятен?

Я дождался кивка от лейтенанта и услышал бодрое «так точно» от Москвичева. Лишь Волков, нарушая добрую традицию, слабо проговорил:

– Оставьте меня.

– Значит, так. – Дабы больше не возвращаться к этому, я решил внести ясность. – Никто никого оставлять не будет. Сейчас я командую этой группой, и посему меня нужно слушать и не перечить. Вы двое, берите носилки.

Илюхин с замотанной головой и совершенно здоровый Москвичев подхватили раненого без единого слова протеста. Задумчиво посмотрев в сторону миномета, я все же решил его не брать. Наклонился за миной, подхватил ее на ладонь и, за неимением лучшего места, положил на грудь Волкову:

– Держи крепко. Всю артиллерию тебе доверяю.

Сержант, не усмехнувшись невеселой шутке, крепко прижал мину к себе. Подумав пару секунд, вышибной заряд я тоже оставил на месте. Толку от него было немного. Мне было проще подорвать мину, нежели мучиться с этим фактически бесполезным сейчас запалом.

Двор, подходящий под мою задумку, нашелся практически сразу. Едва мы углубились куда-то в сектор частной застройки, как я увидел мирно стоящий во дворе черный лоснящийся автомобиль. Безо всяких раздумий я открыл калитку, распахнув ее пошире, и махнул своим соратникам, до поры затаившимся под прикрытием раскидистых кустов сирени.

– Рядовой, ты идешь со мной. Ты, лейтенант, остаешься здесь, толку от тебя наверху будет немного. Мину оставляю, – улыбнулся я, стараясь хоть так подбодрить своих раненых.

– Понял тебя, – хрипловато отозвался Илюхин. Волков, прикрыв глаза, и вовсе не удостоил меня ответа. Впрочем, причина у него была уважительной.

Поднявшись на крыльцо, я аккуратно потянул дверь на себя. Она послушно и тихо отворилась. Обернувшись, я подмигнул Москвичеву. Парень серьезно кивнул, показывая, что готов к любому обороту событий. Открыв дверь пошире, я ступил в дом.

Небольшой холл с цветами в вазах и картинами на стенах. На полу несколько неброского цвета ковров. У окна, прямо напротив нас, небольшой диванчик, на котором в напряженной позе застыл мужчина. Спина к нам.

Передернув плечами, немец поднялся и подошел к окну, подвинув в сторону занавеску. Увлеченно вгляделся во что-то, видимое ему одному. Впрочем, большого секрета тут не было. Хозяин смотрел в окно, выходящее на центральную улицу, и наверняка имел все шансы видеть, что происходило у комендатуры. Неожиданно фигура его застыла. Замедленно, втягивая голову в плечи, мужчина обернулся.

– Спокойно. – Я нарушил молчание первым. – Ты хозяин дома?

Спокойный тон и пистолет в моей руке повлияли на мужчину благотворно. Не вскрикнув и не ударившись в истерику, а лишь мгновенно побелев, немец несколько раз энергично кивнул головой.

– Машина полный бак. Бензин? – Немецким я владел через пень-колоду. Но, судя по всему, мужчина меня понял. Отрицательно покачал головой.

– Говори, – подбодрил я его. Ответы одними лишь жестами меня устраивали мало.

– Половина, – тонким, срывающимся голосом исправился немец. Тут же, прокашлявшись, повторил уже вполне нормальным баритоном: – Половина.

– Ключи где?

– Там, у входа. Берите, – с готовностью отозвался немец. Бледность с его лица так и не сошла.

– Оружие есть у тебя? – влез в разговор Москвичев, чувствуя себя без ствола неуютно.

– Нет, – промедлив с ответом, неуверенно соврал хозяин дома. И тут же, увидев, как решительный боец шагнул к нему, исправился: – Есть. Есть оружие. Охотничье. Прекрасный карабин.

– Веди. – Я махнул пистолетом, поторапливая немца. Тот, опасливо косясь, направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Я последовал за ним.

Паркет. Резные фигуры на лестнице. Очень даже неплохо. Двухцветные обои, разделенные бордюрами. Широкая гостиная, уставленная антикварной, на мой взгляд,

мебелью. С кресла резко вскочила женщина средних лет.

– Клаус? – испуганно вскрикнула она, прижимая ладони ко рту.

– Все хорошо, дорогая, – поспешил успокоить ее супруг, – это небольшое недоразумение, которое мы сейчас уладим.

Провожаемые изумленным взглядом фрау, мы прошли к одному из шкафов, на который кивнул немец. Москвичев бесцеремонно распахнул его, вынул двустолку и быстро переломил. Оттуда же, из шкафа, вынул два патрона и торопливо забил их в стволы. Поставив оружие, достал патронташ и живо опоясался им. После этого, подхватив в руки двустолку, криво улыбнулся мне.

– Вы не имеете права! – возмущение в голосе было столь велико, что это заставило меня удивленно обернуться. Фрау с высокомерно-раздраженным выражением лица повторила: – Немедленно верните на место наше имущество. И убирайтесь из дома, грязные животные! Вы натоптали!

Инстинктивно я посмотрел на паркет. Никаких следов на нем не было.

– Марта, не стоит драматизировать... – Хозяин дома лучше своей супруги ориентировался в ситуации.

– Я немедленно вызываю силы правопорядка. Немедленно! – Решительная женщина развернулась и явно вознамерилась добраться до телефона, стоящего на специальном столике. Едва она сделала шаг, как рядом с телефонным аппаратом очутился Москвичев. Быстро перекинув двустолку за плечо, он наклонился и вырвал провод из телефона.

– Да как... Как вы смеете... Быдло! – Задохнувшись от возмущения, фрау замахнулась, явно намереваясь наградить Москвичева пощечиной.

– Марта! – трагично вскрикнул хозяин дома.

Боец, уклонившись от удара, отступил назад. Женщина же не желала отступать и сделала шаг вперед, собираясь снова проделать ту же штуку. Не давая ей довести затею до конца, Москвичев коротко и резко шлепнул по щеке ее саму. Открытой ладонью. Фрау Марта остоленела, широко открыв рот. Москвичев, с виду невозмутимый, прошел мимо меня и хозяина дома и спустился вниз по лестнице, дробно стуча тяжелыми лагерьными ботинками.

– Вы поплатитесь за это, – неожиданно обрел смелость Клаус, – ворвались в мой дом, грабите меня, бьете мою жену. – Голос его дрожал от тщательно сдерживаемой злости.

Впрочем, его гнев был жалким подобием моего. Уступая инициативу Москвичеву, я сам просто кипел внутри. Этот дом. С позолотой, антикварной мебелью, картинами и фотографиями в рамках, с золотым телефоном. С пафосными и недоступными небожителями, к которым, видите ли, нельзя «ворваться и грабить». Почему?

Почему я оказался за тридевять земель от своего родного времени и снова вижу то же самое, что ненавидел в родном отечестве?

«Да ты знаешь, кто Я?» Как же я этого наслушался. Мы брали села, настоящие дыры в богом забытых горах, и видели там бассейны из мрамора, тротуарный камень, идеально ровный асфальт, усадьбы в три-четыре этажа. Спутниковые тарелки. Телевизоры, плазму, DVD – то, о чем ни я, ни мое отделение даже не слышали.

А в Москве из таких вот домов – с позолотой и картинами – не уходили в армию. Не попадали к нам, не дохли в горах, не застужали почки и не зарабатывали простатит. Мы же

быдло. Мы ничто. Мы мясо и расходный материал. Для обезьян и евреев, которые оккупировали столицу, и для гордых горных орлов.

Мы – тупиковая ветвь развития. Как и здесь.

Хлесткий сильный удар рукояткой пистолета пришелся немцу в лоб. В самую толстую кость во всем организме.

Не возражающий больше и приятно молчаливый Клаус сидел за рулем. Я устроился на пассажирском сиденье, Илюхин и Москвичев – сзади. С горем пополам нам удалось примостить и Волкова в середину между ними.

Подобная посадка сводила к нулю наши шансы быстро и оперативно покинуть автомобиль. К тому же легковушка была малоперспективна в плане эвакуации, но долго размышлять на эту тему не приходилось. Других вариантов у нас просто не было.

Илюхин толково объяснил Клаусу, что нам надо в Шванендорф, и немец любезно согласился подвезти нас до окраины города, указав затем верное направление. Скорее всего ему предстояло везти нас до самой деревушки, однако пока он об этом не знал. Впрочем, и я сам еще до конца не решил, понадобится нам это или нет.

Клаус вел машину неплохо. Не слишком быстро, но и не медленно. Руководствуясь нашим советом, центральных улиц избегал, предпочитая им переулки. В определенный момент я даже стал думать, что побег наш непременно удастся. Расплата за несвоевременные мысли наступила очень скоро.

Вынырнув на одну из улочек, мы едва ли не в упор получили пулеметную очередь. Обрушилось осколками стекло, глухие удары попаданий продырявили железо автомобиля. Клаус, инстинктивно вывернув руль, заставил машину пойти юзом, отчего она поломала невысокую изгородь и влетела в какие-то кусты.

Я неслабо приложился коленями и грудью, однако лицо сберег. Клаус пострадал гораздо серьезнее: руль ударил его по ребрам и, не исключено, повредил их.

– Доложить! – Обернувшись, я попытался рассмотреть, что случилось на заднем сиденье. Ответом мне явилось кряхтение, хриплый сип и наконец голос Москвичева:

– Нормально все. Живые.

– Волков?

– Живой, – гораздо тише бойца отозвался сержант.

Удостоверившись в сохранности своих подчиненных, я живо закрутил головой, стараясь определить, где мы находимся и кто нас обстрелял. Сделать это с ходу не вышло. Обзор закрывали кусты смородины и малины, и единственное, что мне удалось установить, так это то, что совсем недалеко от нас высится дом. Мы же, судя по всему, оказались на приусадебном участке. Стрельба, то вспыхивая, то затихая, шла где-то рядом.

– Кричи, кто ты такой, и проси, чтобы не стреляли. – Я толкнул в плечо ошалевшего немца, вытирающего кровь из открывшейся на лбу раны.

– Не стреляйте, – послушно заголосил наш пленник. – Я Клаус Тифен, инженер очистного предприятия!

– Выбирайтесь в сторону дома, вдвоем, – приказал я бойцу и лейтенанту, с удовольствием отметив, что после заявления Клауса новых выстрелов не последовало. По

крайней мере, это давало некоторое время на передышку. Подергав за ручку, я открыл пассажирскую дверь. Пару секунд с сомнением рассматривал переломанные кусты и, сморщившись, шагнул из автомобиля.

– Продолжай кричать, не замолкай! – Без особого восторга присев на корточки, я обернулся к немцу и продемонстрировал ему пистолет.

Клаус слабо кивнул и вновь выкрикнул свою фразу про инженера, одобренную пожеланием не открывать огонь.

Опустившись на четвереньки, я резво обполз машину, безжалостно ломая кусты и портя свою тюремную униформу. Первым делом мне следовало укрыться. Вторым – выяснить, кто же нас так метко срезал.

– Герр Тифен, как вы здесь оказались?

Грамотно. Никто не высунулся и не рванулся в нашу сторону, ограничились только криком. Впрочем, это позволяло определить примерное местонахождение стрелков. Уже неплохо.

Клаус, видимо, ободренный родной речью, заколотился в дверь. Судорожными пинками открыл ее и с громким хрустом вывалился в кустарник. Как раз с моей стороны.

– Тихо, – живо ухватив его за воротник, прошипел я и для убедительности несильно стукнул по голове стволом пистолета.

– Кричи, что ты ранен. Что тебе нужна помощь.

– Я... я ранен! Мне нужна помощь! – Клаус, явно рассчитывавший на то, что уже избавился от меня, был огорчен. Тем более что тут же открылась задняя дверь и на землю соскользнул Илюхин, быстро становясь на колени. Аккуратно принял Волкова, которого изнутри подталкивал Москвичев, и, взвалив на спину сержанта, пополз по колючей малине на четвереньках, мало обращая внимания на шипы и ветки. Волков между тем крепко сжимал в руке доверенную ему мину. Через пару секунд из автомобиля ловко вылез рядовой и поинтересовался у меня о дальнейших планах.

– Раненых в укрытие! – Я был тверд и последователен в решениях.

– Помогите же, черт побери! Кто-нибудь! – несколько отошел от плана Клаус. Тем не менее звучало достаточно проникновенно, и ругаться я не стал. Напротив, подбодрил немца, встряхнув его за воротник.

– Да помогите же!

– Оставайтесь на месте, герр Тифен. Вы серьезно пострадали?

– Хватит нести чушь! – взорвался Клаус, прекрасно понимая всю абсурдность ситуации и со страхом косясь на меня. – Я ранен, черт побери! Дева Мария, да помогите мне кто-нибудь!

Отпустив немца, я показал ему поднятый вверх большой палец как знак одобрения. После краткого молчания наш невидимый собеседник согласился оказать помощь:

– Не бойтесь, герр Тифен. Мы сейчас подойдем. Вы один?

– Один, – обреченно отозвался Клаус.

Я подмигнул своему пленнику и прижал ствол к губам, рекомендуя ему больше не открывать рот. Затем прикинул, в какую сторону мне будет сподручнее переместиться. Вставать во весь рост и палить с крыши машины было бы верхом идиотизма. Поэтому присел

за задним колесом и поднял оружие на уровень глаз. Исходя из обстоятельств, я был максимально готов к любым неожиданностям.

Редкий человек умеет ходить совершенно бесшумно. Вот и наши противники таким умением не обладали. Кто-то шаркал ногами, кто-то и вовсе, ничего не опасаясь, наподдал ботинком по остаткам разрушенной нами изгороди. Близкие винтовочные выстрелы теперь уже воспринимались фоном. Сейчас было важно другое.

– Где вы, герр Тифен? – раздалось в нескольких шагах от меня. – Отзовитесь!

Отлично. У меня пистолет – оружие ближнего боя, а вот что у оппонентов? До огневого контакта оставались какие-то секунды, и мне важно было истратить их с пользой. Определить положение нападавших, их количество и, наконец, правильно выгадать момент своего первого выстрела. Ничего этого сделать мне не дал поганец Клаус. С громким криком: «Это засада!» немец сорвался с места и сломя голову помчался в сторону дома. Я коротко выдохнул неприличное слово и, поворачиваясь через левое плечо, в полуприседе вынырнул из-за автомобиля.

Руки образуют овал. Правая ладонь обхватывает рукоять пистолета, указательный палец лежит на спусковом крючке. Пальцы левой ладони лежат поверх правой руки, задавая правильное направление стволу. Наиболее рациональный вариант. Минимизирует шансы промахнуться.

Соревнование на тему «кто быстрее» немцы проиграли заранее. Их оружие – карабины – находилось в опущенных руках, а стволы смотрели в землю. К тому же их было двое. Всего-навсего двое.

Сдвоенные, практически одновременные выстрелы. В грудь одному и тут же, безо всякого смещения, в корпус другому. Дальше следовало, по обстоятельствам, либо сближаться с противником, либо менять позицию. Ни первого, ни второго мне сделать не удалось. Едва отстрелявшись, я вынужден был вновь вернуться под прикрытие автомобиля. Мало того, мне пришлось броситься наземь, растянувшись на трижды проклятой малине. Ибо по машине, пробивая ее насквозь, заработал немецкий пулемет.

Звон разбивающегося стекла, визгливые удары пуль о железо. Громкие, тут же оборвавшиеся крики Клауса. Шлепанье свинца в живое тело.

Прижавшись к обломкам ветвей, я накрыл голову в практически бесполезном, чисто инстинктивном жесте. Пулеметчик, правильно взяв прицел, прощьет кузов и меня самого без особых проблем. Короткая, пристрелочная очередь. За ней вторая, разворотившая переднюю часть автомобиля. Пожалуй, следующая будет уже моей.

Прервали пулеметчика раскатистые выстрелы охотничьего ружья. Коротко взглянув в сторону дома, где из окна второго этажа выплывали клубы порохового дыма, я поднялся на колено, выпустил четыре оставшиеся в пистолете патрона в сторону пулеметчиков.

Подавляющего огня из наших жалких усилий, разумеется, не вышло. Однако кое-каких результатов мы добились. Пока я лихорадочно защелкивал в магазин патроны из кармана, выстрелов со стороны немцев слышно не было. Зато прерывистый, со всхлипами вой – пожалуйста. Дождавшись еще двух выстрелов от Москвичева, я выбрался из-за автомобиля и, держа перед собой пистолет, стартанул в сторону врагов.

Впрочем, уже через десяток метров перешел на шаг. Спешить было уже некуда.

Собственно говоря, мы и напоролись на пулемет лишь потому, что расположен он был в высшей степени странно. Судя по всему, по нам вели огонь без мало-мальски подготовленной позиции, прямо среди улицы. Это и сыграло с немцами злую шутку.

Подойдя ближе, я выстрелил в хрипящего пулеметчика. Второй, хоть и лежал недвижимо, свою пулю тоже получил. Москвичев, как я понимаю, палил картечью. Четырех выстрелов пулеметчикам хватило за глаза. Картечь страшно изуродовала немцев, лишила их боеспособности, но вот прикончить, судя по всему, не смогла. Пистолетная пуля «вальтера» в этом плане оказалась более надежной.

На вопрос, что это за немцы и откуда они взялись, я ответил себе через пару секунд. Для этого мне понадобилось лишь дойти до угла дома и аккуратно за него заглянуть.

– Не стреляйте! Тут только раненые! – Боец, которого я увидел, предусмотрительно держал руки на виду. За спиной его, прислонившись к стене, действительно сидели несколько человек в пятнах крови и белых бинтах перевязки.

Держа пистолет наготове, я обошел их по широкому кругу:

– Где оружие?

– Его мало. Все у передового отряда. И у тех, с кем вы сейчас устроили перестрелку.

Вот почему меня встретили не пулей в упор, а поднятыми руками. Не сомневаюсь, будь сейчас в распоряжении этих раненых и медика какой-то огнестрел, мне пришлось бы ох как не сладко.

– На колени, руки за голову! – еще не до конца решив, как поступить дальше, скомандовал я.

Немец послушно исполнил то, что ему было сказано, сложил ладони на затылке. Остальные трое, меряющие меня презрительно-ненавидящими взглядами, молчали. Я вполне понимал их. Можешь сопротивляться – милости просим. Не можешь – закрой рот и жди удобного момента.

– Кто такие?

– Отряд гарнизона. Сформирован для поиска и уничтожения бандитов, – услышал я примерно то, чего и ожидал. Что ж. Бандитов вы нашли. На свою голову.

– А где остальные?

– Здесь только раненые и заслон. Больше никого нет. Перекрываем выезд из города.

– Это хорошо. А где все же остальные? – не дал я себя сбить с толку. Немец промолчал.

Где-то недалеко, в квартале или двух от нас, щелкали винтовочные выстрелы. И мне жизненно необходимо было узнать, сколько конкретно бойцов там находится и каким вооружением они обладают.

Не говоря больше ни слова, я поднял пистолет, направляя его на одного из раненых. Мне не нравятся подобные методы. Однако рассусоливать у меня не было ни времени, ни желания. Слишком много произошло за этот день, чтобы я мог изобретать что-то новое. Не зря во всех армиях мира существуют положения и уставы, действуя по которым любой командир, по крайней мере, не «наломает дров». Исчерпав собственные внутренние резервы, будучи опустошен морально, я поневоле скатывался к стандартным решениям.

– Ты слышишь выстрелы, подонок. Иди на них и найдешь, что тебе нужно. – Раненый с

перевязанной грудью, зло сверкнул на меня глазами. – Поторопись. Там может не хватить пули для тебя, ублюдок!

– Дай я. – Илюхин, подошедший со спины, решительно отодвинул меня в сторону. В руках у лейтенанта была подобранная винтовка, которую он решительно и умело вскинул к плечу.

– Кто с раненым? – По моему мнению, именно Илюхин как наименее боеспособный член нашего коллектива должен был находиться с Волковым.

– Никто. Не нужен ему уже никто. – Не посмотрев на меня, лейтенант переводил ствол оружия с одного немца на другого, будто бы решаясь, в кого первого следует стрелять.

Отвернувшись, я сделал несколько шагов в сторону. Отнюдь не потому, что мне претило происходящее, и не оттого, что Волков скончался. Вдоволь попереживать у меня еще будет время. А вот сейчас мне было необходимо осмотреть пулемет. Если оружие в рабочем состоянии, я планировал зарядить пару лент и выдать его Москвичеву. Тем самым мы бы значительно повысили огневую мощь нашей группы. Это было бы не лишним в свете того, что я собирался разведать дорогу впереди, где все еще слышались разрозненные выстрелы, характерные для боестолкновения.

Остановившись у угла дома, чтобы видеть Илюхина, я удовлетворено кивнул. Москвичев без всякой команды уже возился на дороге у трупов немцев. Первым делом стащил с одного ремень и перепоясался им, поправляя кобуру с пистолетом на боку. Затем хлопнул ладонью по железному кожуху пулемета:

– В порядке!

Я посмотрел на Илюхина. Лейтенант, хладнокровно приняв стойку для стрельбы из винтовки стоя, потянул спусковой крючок. Треснул выстрел, и один из раненых ударился головой о стену дома, оставляя на ней кровавое пятно. Лейтенант быстро передернул затвор, досылая второй патрон, и прицелился в медика, по-прежнему стоявшего на коленях и не делавшего попытки встать.

– Гореть тебе в аду, животное, – медленно покачал головой немец.

Илюхин, едва заметно пожав плечами, негромко произнес:

– Я уже здесь, – и выстрелил, чуть сместив прицел.

Медик, вздрогнув, взмахнул руками и повалился набок. Согнулся, поджимая ладони к животу, и громко застонал. Ранение в живот – далеко не лучший способ убийства. Не самый гуманный и отнюдь не самый быстрый.

– Похоронить бы... – Москвичев, коротко взглянув на меня, затем перевел взгляд на лицо лейтенанта. Страшное, покрытое сбившимися бинтами.

Илюхин, заметив, что я тоже пристально на него уставился, повернулся в мою сторону всем корпусом, словно смотреть искоса был не в состоянии.

– Левый глаз выбит, сразу говорю. А стрелять могу. Стрелять не разучился, – негромко ответил он на мой невысказанный вопрос.

Точно. Я еще думал, почему он так долго целится. И обстановку оценивает как-то замедленно. С непривычки.

– Вот он – командир, красноармеец. Ему и решать. – Расставляя точки над «і», Илюхин

указал на меня. Москвичев угрюмо кивнул, вроде как подтверждая мои полномочия, и посмотрел мне в глаза.

– Хоронить сложно, – отрицательно покачал я головой, прислушиваясь к непрекращающейся невдалеке стрельбе, – да и выкопают после всего. Боец, втащи его в дом. Дом подожги. В темпе, боец.

Пожар, устроенный нами, был отнюдь не единственным в городе. Медленно, но верно населенный пункт проваливался в вакханалию насилия и бунта. То там, то здесь вспыхивали здания, раздавались автоматные очереди, стрельба из винтовок и охотничьих ружей. Сотни разномастно вооруженных людей вступали в краткие или продолжительные противостояния, иногда расходясь после нескольких выстрелов, иногда закусываясь всерьез.

Пройдя квартал, мы увидели завершающую стадию как раз такой, крайней, ситуации. Судя по изрешеченному в хлам грузовику, одна из групп эков попала в засаду. Причем, поскольку он находился рядом двухэтажным коттеджем, похоже, осуществлялось преследование, в ходе которого уголовников и загнали на эту территорию.

Дом зиял выбитыми окнами и щербинами от попаданий пуль. Одно из окон на втором этаже тянуло дымом – похоже, кто-то ухитрился забросить туда гранату. Впрочем, все перипетии штурма были уже в прошлом. У крыльца дома стояли двое вооруженных немцев, чуть поодаль – трое. Перед ними на коленях находились шестеро обезвреженных эков.

В общем-то, картина неудивительная. При других раскладах я бы скорее всего снял бойцов и отправился искать цель попроще. Однако было кое-что, что заставляло внимательнее отнестись именно к этой группе немцев.

Нас всего трое. Из этой тройки можно смело вычесть Илюхина – стрелок и боец из него сейчас никакой. С другой стороны, мы имели пулемет, что сильно повышало наши шансы на победу при столкновении с подразделением в количестве до одного отделения. При наличии пулемета, внезапности и хорошей позиции можно решиться на атаку. Немцев в общей сложности было тринадцать человек, и по количественному критерию это подразделение мне подходило.

Пятеро стояли рядом с пленными. Еще шестеро, опрометчиво сгруппировавшись вместе, представляли собой прекрасную цель. Раненые. С двумя медиками, оказывающими им помощь. Но главная причина, не позволившая мне пройти мимо, была все же не в количестве бойцов и не в удобном их расположении.

Бронетранспортер. На колесном ходу. С открытыми люками, доказывающими, что за рычагами сейчас никого нет.

– Управлять умею, – будто бы прочитав мои мысли, негромко произнес Илюхин.

Да сложного там и не должно быть ничего. Думаю, при самых паршивых раскладах и я бы разобрался в этой технике.

Никакого колебания. Драгоценные секунды я тратил на прикидку примерного плана операции. При наличии бронетранспортера наши шансы выбраться из города резко повышаются. БТР – однозначно машина местных вооруженных сил. Соответственно, ее не встретят в стволы на посту, на блоке. В конце концов, мы могли бы рвануть и по бездорожью: проходимость аппарата это позволяла. Хорошо. Считаем, что решение принципиально принято.

– Боец, гасишь раненых. Всех разом. Затем, если не среагируют, те двое у крыльца – твои. Четверка рядом с урками – моя. Понятно?

– Я тоже могу стрелять. Поверь, командир, попаду. – Илюхин, залегший справа от меня с карабином, настойчиво привлёк внимание. – Десять метров, командир. Попаду.

Насчёт десяти метров он, конечно, приврал – частичная или полная потеря зрения, а также его снижение, как правило, отражается на способности точно определять расстояние. До цели было метров двадцать. Забравшись на крышу хозяйственных построек, мы вольготно разместились на ней, прекрасно скрытые от наблюдения высокими кустами.

– Хорошо. Четверо, стоящие рядом с пленными. Работаешь справа двоих, я – левых. Затем перенос огня на дальнюю двойку, которая у крыльца.

Я прервался на несколько секунд, поскольку впереди произошло какое-то движение. Один из немцев переместился, подошел к пленному и выстрелил в него. Уголовник упал, зажимая ладонью рану в плече, и разразился трехэтажным матом.

– Всем понятно? – Видя, что диспозиция не изменилась, я перешел к финалу инструктажа.

– Так точно, – слитно откликнулись боец и лейтенант.

– Москвичев, огонь! – скомандовал я, наводя прицел на раздухарившегося немца, который выстрелил в раненого вновь.

Сосредоточенный огонь с короткой дистанции оправдывает себя всегда. Плюс фактор внезапности. И, главное, хороший пулеметчик. Весь обстрел не занял у нас и двадцати секунд.

Кого-то из немцев трясло в агонии. Кто-то стонал сквозь зубы. Я не мог поручиться, что мы уничтожили всех, однако основная масса в той или иной степени была поражена. Убить сразу и всех было бы трудновато. Несмотря ни на что, человек – весьма живучая скотина. Для гарантированного умерщвления ему необходима пуля в мозг или какой-то иной важный орган.

И на поляне было кому заняться этим.

– Ловкач, вставай! – перезарядив автомат, выкрикнул я.

Один из эков, словно по команде рухнувших на землю в самом начале перестрелки, вскинул голову и совершенно безбоязненно поднялся на ноги. Безошибочно определил наше местонахождение: кусты, скрывавшие нас, мы основательно проредили огнем.

– Шустрый, – без особого удивления констатировал уголовник. – Спасибо.

– Ловкач, с тебя контроль. Еще одного подними, не больше. Остальные лежат! Кроме этих есть еще немцы?

– Нет. – Уголовник, делая знак одному из своих, покачал головой, а затем подошел к умирающему немцу. Вырвал у него из рук пистолет и, приставив ствол к голове человека, выстрелил в упор.

Печальное, но необходимое мероприятие не заняло у Ловкача и его товарища много времени. Старательно они проконтролировали павших, пустив каждому без исключения по контрольной пуле в голову. Затем, аккуратно положив пистолет на землю, Ловкач вновь посмотрел в мою сторону:

- Шустрый. Давай перетрем. Я подойду?
- Подходи. Остальные лежат, – согласился я.

Ловкач без особого удивления посмотрел на меня и на Москвичева. Боец, не убирая пулемет, демонстративно держал под прицелом линейку разлегшихся уголовников. У меня был в руках автомат. Илюхин скользнул по крыше назад, уходя из поля зрения Ловкача, и, спустившись с сарая, должен был обойти его сбоку, создав тем самым еще одну огневую точку.

– Что дальше думаешь, Шустрый? – Уголовник остановился у изгороди метрах в пяти от нас.

- Возьму транспорт и свалю из города, – вполне логично ответил я.
- Куда?
- Есть местечко.

Ловкач задумчиво кивнул и тут же выдвинул предложение:

- У меня есть водила на эту колымагу.
- У меня тоже, – не остался я в долгу.
- Стволы... – продолжил Ловкач.
- Эти стволы мои, – резонно возразил я.
- Не много тебе?

– Слушай, Ловкач. Эти стволы – мои. Бэтээр мой. Ты тут с голой задницей сейчас. Так что давай, говори, чего хотел.

– Не пройти вам вдвоем. – Уголовник покачал головой. Когда надо, он умел проглатывать оскорбления. – Все улицы закрыты, блоки стоят. Дорог ты не знаешь, кореш твой тоже не в курсе. Куда ехать, ты без понятия. Надо выручить друг друга, Шустрый. Бери нас с собой.

Собственно говоря, на это я тоже рассчитывал. Ловкач был во многом прав. Почти во всем. Главное – нам действительно неизвестен был город. Мало выйти на трассу, необходимо найти направление на Лебеди и добраться туда без приключений.

- Ты нас с того света вытащил, Шустрый. Подстав теперь не будет.
- Дело у тебя тут было... – напомнил я, все еще размышляя над решением.
- Сделал, – коротко отозвался Ловкач.

Бронетранспортер был оборудован целым рядом сидений в кузове – удобных, обитых тканью, откидывающихся. Я с Илюхиным, сидящим напротив, расположились у заднего борта. Это позволяло нам контролировать четырех эков. Еще один находился на месте водителя, а за пулеметчика я поставил Москвичева, которому пришлось в темпе переодеться в немецкую гимнастерку. Еще одним «немцем» по пояс стал я. В случае внезапных неприятностей этого бы вполне хватило. На изорванной пулями немецкой рубаше, в которую я облачился, красовались витые погоны. Издалека меня можно было принять за офицера, а Москвичева – за стрелка-пулеметчика.

Бронетранспортер, безжалостно круша невысокие ограды и кусты, пробивался какими-то совсем уж неприличными путями прочь из города. Клаус хотя бы вез нас дорогами. Водила же, которого назначил Ловкач, пер по огородам, садам, проездам между

домами, казалось, совершенно не разбирая пути. В очередной раз подпрыгнув на сиденье, я выразительно посмотрел на уголовного. Ловкач невозмутимо пожал плечами:

– Все будет нормально, командир. Никто лучше Гвоздя не знает эти места. Даже я так хорошо не могу тут ориентироваться.

Ну надо же. Командир. Впервые я не Бон и не Шустрый.

– Не нужно доказывать мне, что твое прозвище оправданно. Договорились, Ловкач? – несколько витиевато предупредил я.

Уголовник, ухмыльнувшись, понятливо развел руками. Ну еще бы. Все оружие, тщательно завернутое в снятое с немцев обмундирование, находилось в ногах у меня и Илюхина. Автомат на моих коленях был снят с предохранителя, как и аналогичная машинка у лейтенанта. Избытком доверия я не страдал. Возможно, будь я столь же предусмотрителен и раньше, Волков не уходил бы сейчас в небо гарью и пеплом, а трясся бы с нами на полу бронетранспортера.

– Вы оправлялись за своим больным. Что с ним? – не унимался уголовник.

– Нет его, – коротко отозвался я. У меня не было никакого желания рассказывать сейчас подробно обо всех перипетиях нашего побега и о смерти сержанта.

– С Хохлом что?

– Разошлись, – помолчав пару секунд, ответил я.

Ловкач понятливо кивнул. Подпрыгнул, как и мы все, на сиденье и через пару секунд снова обратился ко мне:

– Зла не держи, командир. Задачи у всех разные. Мне позарез нужно было свою выполнить.

На это абсурдное заявление я вообще не считал нужным отвечать. Говорить не хотелось – ни с Ловкачом, ни с кем бы то ни было еще.

Потери. Они неизбежны и при самом хорошем планировании. Наш же побег был обставлен тят-ляп, и, наверное, смерть Волкова вполне логична. Однако эти доводы и понимание, которым тактично потчевали меня Москвичев и Илюхин, не снимало с меня ответственности. Командир группы виноват прежде всего. А командиром являлся я.

Это не абстрактные размышления. Ты перестанешь переживать лишь тогда, когда сумеешь не видеть в солдатах людей. Я так не умел.

Волков попал сюда с войны. Пожалуй, что с более жестокой и кровавой, нежели та, на которой был я. И разве не заслужил он жизни, и больше того – жизни мирной?

– У тебя свои секреты, командир, у меня свои. Поверь, для меня они важны не менее, чем для тебя твои. – Ловкач продолжал разговор, мало обращая внимания на то, что я его фактически не слушаю.

Теперь, по прошествии стольких дней, я четко мог сказать, что мое прошлое осталось в другом мире. Мои убеждения частью стерлись в пыль, а частью неузнаваемо изменились.

Во что я верил сейчас? Ну, уж точно не в белое братство и единение Европы. Виновен ли в том случай, поставивший меня и немцев по разные стороны фронта? Нет. Совершенно точно – нет.

Причиной было то, что я видел своими глазами и испытал на собственной шкуре. Фашизм в нынешнем исполнении нес рабство русским, и одно это уже заставляло меня быть

его противником.

Я не раскаивался. Все, что я прошел, что я делал в своей жизни, было продиктовано лишь моими личными убеждениями. Изменились они – изменился и я.

Парня жаль. Он так и не вернулся с войны. Перескочив с одной на другую, не смог, не сумел выжить.

А мне повезло. Вернувшись с гор, я воевал в Столице. Ни на минуту, ни на секунду не прекращал собственного сопротивления. Попадая сюда, я снова не изменил себе и был жив до сих пор. Наверное, этим следовало бы гордиться, но поводов для радости это не доставляло. Я не мог не видеть определенного сходства в наших судьбах. И без всякого позерства могу сказать, что какая-то часть меня умерла с Волковым.

Я не справился с очередным вызовом. И черт бы с ним, будь ставкой в этой игре всего лишь какие-то материальные ценности или нечто подобное. Но я не справился, и расплатой стала жизнь человека, небезразличного мне.

Подобное повторится. В этом я не сомневался. Неоднократно мне приходилось терять бойцов, друзей и товарищей. Это больно. Словно часть тебя уничтожают, заставляя черстветь и грубеть. Но это не избавляет от страданий полностью. Никогда.

– Теперь все по-другому, командир. Убедился я в тебе. Могу тебе верить, – вырвал меня из размышлений голос Ловкача. Уголовник требовательно и как-то доверительно заглядывал мне в глаза. Судя по всему, до того он произнес внушительный пассаж, который должен был меня удивить и разжалобить.

– Ты не получишь ствол, Ловкач. – Я покачал головой.

Илюхин, сидящий напротив, фыркнул. Расположившийся рядом с ним уголовник, внимательно следящий за разговором, неприязненно покосился на лейтенанта:

– Весело, глазастый?

Повернувшись к нему вполоборота, Илюхин поправил автомат, едва ли не ткнув его эзку в бок:

– Весело.

Лебеди

Другие

Йозеф Книппель, сложив руки за спиной, медленно вышагивал у окна. Терехов и Свиридов, ставшие с недавних пор практически неразлучной парой, молча наблюдали за немцем. Разговор, который затеял Книппель, заходил в тупик.

– Этот мальчишка должен быть передан нам. – Йозеф, резко повернувшись, уставился на капитана. – Никаких других вариантов, понимаете? Это требование! Он нанес оскорбление и должен за это ответить.

Терехов, скрестив руки на груди, демонстративно смотрел в сторону. Свиридов, напряженно размышляя о чем-то, потирал ладонью подбородок.

– Вы оттягиваете решение. Ни к чему хорошему это не приведет!

– Никого он не оскорблял, черт побери! – не выдержав, возразил Свиридов. – Парню просто прострелили ногу, Йозеф!

– Он ударил немца. – Книппель возмущенно ткнул пальцем в лейтенанта.

– Мы убили чертову уйму немцев, Йозеф! – Свиридов не принял столь смешного, на его взгляд, аргумента.

– Правильно, – согласно кивнул Книппель, – но этого никто не знает. Понятно вам? Никто не знает и не может наверняка утверждать, что это – вы! А он ударил немца на глазах у всех! Это, знаете ли, тяжкое преступление. И я должен выдать виновного либо судить его.

– Йозеф, это просто глупость. – Свиридов перешел к убеждению. – Мальчишка ценен своими знаниями. Ты хочешь отдать его корпорации?

– У меня нет выбора. – Книппель упрямо замотал головой. – Они просто разорвут со мной контракт, если я не выполню это условие!

Тишина повисла в комнате. Терехов все так же сидел, не меняя позы. Свиридов, бросавший напряженные взгляды на капитана, хмурился. Ему не нравилось происходящее, и еще больше не устраивало молчание командира.

– Капитан. Я забираю мальчишку? – Устав ждать, Книппель обратился непосредственно к Терехову. – Поверьте, у меня просто нет другого выбора.

– Ты не знаешь, сколько у меня людей, Йозеф... – тщательно выговаривая слова, произнес капитан.

Немец, нахмурившись, бросил в ответ:

– Человек пятнадцать. Или около того.

– Ты не знаешь, сколько у меня людей, Йозеф, – вновь повторил Терехов, особо выделив голосом «не знаешь». – Так вот. Я и мои разведчики знаем эту деревню как свои пять пальцев. Чтобы уничтожить твоих гостей и тебя самого, нам понадобится около десяти минут.

Книппель с неверием посмотрел на капитана. Открыл рот, но долго не мог подобрать слова, будучи шокирован заявлением Терехова.

Свиридов, знавший гораздо больше немца, оценил сказанное. Действительно, четверо разведчиков с момента входа в деревню людей из концерна несли постоянное дежурство в разных частях населенного пункта на специально выбранных и оборудованных точках. Из таких засад хорошо простреливались все основные улицы и направления Лебедей. Так что насчет десяти минут капитан не врал.

– Вы... отдаете себе отчет в том, что говорите, капитан? Вы на моей земле! Вы находитесь в моей власти!

Теперь уже Терехов, изумленно подняв бровь, уставился на раскричавшегося Книппеля. Этого оказалось достаточно, чтобы немец оборвал себя на полуслове. Закрыл рот, заливаясь краской гнева, однако более ничего произнести не решился. Покачал головой, выражая таким образом собственное недоумение.

– Дело ваше. Дело ваше... – Развернулся и вышел из комнаты.

Лейтенант, поднявшись со стула, посмотрел вслед немцу, затем взглянул на капитана. Терехов, выждав пару секунд, утвердительно кивнул. Роли были давно распределены. Книппель, делавший ставку на Свиридова, неоднократно показывал, что ему он доверяет

гораздо больше, нежели упертому капитану. Этим обстоятельством Терехов не мог не воспользоваться.

Свиридов, получив разрешение, одернул гимнастерку и поспешил догнать кипящего от ярости немца.

– Йозеф. Не пори горячку.

– Лейтенант, вы идиоты! Вы все – сборище возомнивших о себе... разгильдяев и анархистов! – Возмущенный немец зло выдернул свой рукав из пальцев Свиридова. – Я склоняюсь к мысли, что совершенно не хочу иметь с вами ничего общего! Ни-че-го! Ясно тебе, лейтенант? – Книппель эмоционально ткнул Свиридова пальцем в грудь.

– Ясно-ясно, – примирительно ответил тот, – ты только не кипятись. Мы можем обсудить это. У меня есть к тебе разговор.

– О чем, мать божья, мы можем говорить? – Немец всплеснул руками, демонстративно посмотрел по сторонам. – Где тут ваши снайперы, лейтенант? Там? – Йозеф прикрыл ладонью глаза от солнца и посмотрел в сторону домов на окраине. – Или там? – повернулся в другую сторону. – Вы с ума сошли, лейтенант. Потерялись во времени и пространстве. Я даже готов поверить, что вы действительно провалились сюда из самого ада! Потому что вы не от мира сего!

– Да послушай ты меня, Йозеф! Не веди себя как ребенок! – Свиридов, разозлившись, прервал причитания немца. – Успокойся. Пойми сразу, мальчишку тебе не отдадут. И не только потому, что так сказал капитан. Я тоже считаю это правильным. Ты понял меня?

Книппель недоуменно посмотрел на лейтенанта. В душе немца бушевала буря эмоций, и оттого ему трудно было воспринять слова русского. Понять их. Разобраться, что же стоит за хитросплетением фраз. Свиридов, не облегчая Йозефу задачу, молча ждал ответа.

– Ты считаешь это правильным, – повторил Книппель, морща в задумчивости лоб, – ты согласен с капитаном. А если ваша позиция не совпадет. Что тогда? – Йозеф взглянул на лейтенанта. Понимающе кивнул. Ему удалось разгадать нехитрую загадку.

– Хочешь сказать, что ты можешь принимать собственные решения. Так?

– Верно.

– Глупость! – недоверчиво усмехнувшись, констатировал Книппель. – Вы просто сумасшедшие коммунисты! Вы свалились на мою голову и теперь стали моей проблемой. Я не верю тебе. Не верю, лейтенант.

Свиридов невозмутимо пожал плечами. Его задачей было не убедить немца, а всего лишь дать ему надежду. Люди, желающие, чтобы их обманули, обманываются всегда.

– Ладно. Хорошо, – видя, что Свиридов не спешит оправдываться или убеждать, Книппель пошел на попятную, – что ты предлагаешь?

– Все очень просто, – удостоверившись, что Йозеф накричался и может адекватно воспринимать реальность, Свиридов перешел к главному, – мне нужна твоя поддержка. В определенный момент. Понимаешь меня?

– Когда?

– Я предупрежу заранее.

Книппель, скорчив недовольную гримасу, ясно дал понять, что ему мало нравится этот

план. Остро взглянул на невозмутимого лейтенанта:

– Что с мальчишкой?

– Это уже решенный вопрос, Йозеф. Это мое решение. И оно, надеюсь, совпадает с твоим.

Книппелю не обязательно было верить лейтенанту. Ни Терехов, ни Свиридов не рассчитывали на то, что Йозеф с восторгом кинется в расставленную для него ловушку. Однако даже сомнения, посеянные в голове немца, его надежда на то, что он сможет внести раскол в группу русских, дорогого стоили. На данном этапе все эти соображения должны были заставить Книппеля отказаться от идеи мести мальчишке за его опрометчивый поступок. Первостепенная задача, решение которой позволило бы снизить градус напряжения, явственно зашкаливающий в Лебедах.

Кроме того, уступив единожды, Книппель был бы просто вынужден доверять лейтенанту. Сговор – а иного определения к договоренности между немцем и русским подобрать было нельзя, – связывал их друг с другом сильнее любых чувств и прагматических соображений.

Нельсон

Помимо пули в бедро, прошедшей навывлет, я получил массу других «удовольствий». Выговор от капитана, мягкое, отеческое «ай-яй-яй» от лейтенанта, сочувственные, поддерживающие взгляды от рядового и сержантского состава. Помимо того, я, что естественно, был отлучен от кухни: в мое распоряжение предоставили отдельную комнату и кровать, на которой можно было болеть.

Шутки шутками, но напугался я, признаться, недурственно. Когда в тебя вот так, без особой причины, шмаляют, приятного не то что мало. Совершенно нет. Запоздай Клыков на несколько секунд, уверен, мне пришлось бы гораздо тяжелее. И больнее.

По здравом размышлении я вынужден был признаться себе, что поступил глупо. Махаться так вот сразу, наверное, и не стоило. Определенно, не стоило. Следовало потупить еще немного, время потянуть, а там, глядишь, конфликт бы и разрешился. Какого хрена мне надо было переть на рожон?

Наверняка на то должны были быть свои причины. Стараясь докопаться до них, я вспомнил недавнюю стрельбу, которую мы довольно успешно закончили в свою пользу. Казалось, мы тогда полностью покончили с толерантностью в отношении фашизма и придумали единственно возможный симметричный ответ. Пулю.

Видимо, это и сыграло со мной дурную шутку. Не везде и не всегда применим один и тот же алгоритм действий.

Легкий стук в дверь отвлек меня от размышлений.

– Войдите! – облокотившись спиной на подушку, ответил я.

Дверь аккуратно открылась, и в комнату, легко ступая по половицам, чтобы они не скрипели, вошла Настя. Подошла к столу рядом с моей кроватью, поставила на него букет ромашек и васильков. Посмотрела на меня:

– Так ты быстрее выздоровеешь.

Любопытное утверждение.

Надо сказать, что визиту я был удивлен. Мы, конечно, общались с девчонкой, но было это всего пару раз. Перекинулись несколькими словами, вот и все. Говоря по-честному, бдительные разведчики все время оттирали меня от Насти. Если мы с ней оказывались рядом, то у бойцов или сержантов тут же находилось срочное и обязательно требующее моего присутствия дело.

– Спасибо, – несколько напряженно поблагодарил я за подарок.

Настя, подойдя ближе, уселась на мою кровать, повернулась ко мне и стала пристально рассматривать. Глубокие, насыщенно-зеленые глаза девчонки смотрели серьезно и как-то уж очень по-взрослому.

– Спасибо тебе, что заступился...

– Это нормально, – вышло скованно.

– Больно? – не обращая внимания на мой тон, поинтересовалась девушка.

– Больно, – согласился я, решительно не зная, что можно еще сказать. Вроде бы никогда не терялся в общении с противоположным полом, однако тут я явно давал маху. Впрочем, Настя этого не замечала:

– Ничего. Если навыйлет, то пройдет скоро. Зарастет. Симаков сказал, а он толк в этом деле понимает!

Столь категоричное суждение заставило меня улыбнуться. Девушка, удивленно посмотрев на меня, решила не обращать на это внимания. Продолжила:

– Сказали, мне не выходить больше на улицу. В доме сидеть. Пока не уладят все. Как думаешь, долго?

Я пожал плечами.

– Расскажи мне, – решительная девушка, скинув обувь, забралась на мою кровать с ногами, – расскажи, как вы живете в будущем?

Я вежливо подвинулся, давая ей место, и задумчиво протянул:

– Ну... а что конкретно тебя интересует?

– Все, – твердо мотнула головой девчонка, отчего ее пшеничные, сплетенные в две косы, волосы, взметнувшись, обвили шею.

– «Все» – это слишком много, – поневоле зараженный ее напором и оптимизмом, улыбнулся я. – Мы полетели в космос. Как тебе такое?

Если честно, я наврал с три короба. Все, что смог вспомнить. Про яблони на Марсе, про коммунизм по всему миру, про то, что люди воевать перестали и стали друг другу братьями. Понемногу осваиваясь в обществе девчонки, буквально смотревшей мне в рот, я вел себя все более и более раскованно.

Нет, ну а что ей надо было рассказать? Про мое реальное современное общество?

Чтобы она потом спросила меня: мол, Нельсон, а на фиг я тогда гранату-то подрывала?

Видимо, где-то я прокололся. Где-то среди многоэтажек, личной машины для каждого, открытых границ, путешествий по всему миру я просто дал маху. Девчонка, слушавшая меня очень внимательно, вдруг нахмурилась. Спустила ноги на пол, нащарила свою обувь и бросила мне обвиняюще:

– Врешь ты все.

Столь резкая перемена в разговоре поставила меня в тупик. Захлопнув рот, я озадаченно смотрел на обидчиво обувающуюся девчонку. Настя натянула нечто похожее на балетки, только с крохотным каблучком и застежкой. Повернувшись ко мне и выпалила:

– Я все знаю. И все знают, что у вас там, в будущем. Понятно?

У меня было полное ощущение, что сейчас покажет язык. Однако девчонка удержалась, только в уставившихся на меня глазах задрожали слезы. Высунутым языком бы тут не обошлось. Все было гораздо серьезнее.

Обувшись, девушка не сделала попытки встать и уйти. Так и сидела на моей кровати, отвернувшись и скрыв лицо за копной пшеничных волос. Не решаясь ничего сказать, я молчал.

Честно говоря, я запутался. Я не любил быть виноватым, просто не переносил этого. Но в данном случае, даже прекрасно понимая, что моей вины немного, я оправдать себя не мог. Мне вспоминались не пышные празднества очередного «-летия» победы, а истории вроде той, как вооруженный дед ворвался в пенсионный фонд. Я, в отличие от многих в фанатской среде, не исповедовал «правых» взглядов. И, пожалуй, в чем-то был даже хуже откровенных фашистов. Я прожигал жизнь, забирая из нее одни лишь удовольствия. Ко всему остальному же оставался равнодушен.

На пути в Лебеди

Бон

Водила у Ловкача оказался действительно классным. Ни разу не столкнувшись с блоками, мы без всяких приключений вырвались за город. Пару раз к нам бросались какие-то гражданские, но видя, что бронетранспортер не снижает хода, тут же отставали. Так что некоторое время спустя мы уже не спеша портили кукурузное поле, двигаясь параллельно трассе.

Убедившись в том, что Ловкач не настроен на резкие и воинственные действия, я позволил себе обернуться, провожая взглядом город. Выглядел он, надо сказать, не ахти. Пожары, непрекращающаяся стрельба, движуха на окраинах. Блок, находившийся на выезде, до которого нам было еще метров сто, перекрыл дорогу шлагбаумами и колючкой. Из-за расстояния я не мог сказать в точности, но был уверен, что бойцы караулят въезд и выезд, наглухо закрывшись в бетонном строении. Собственно, что им еще оставалось делать? Техники на посту не было, явно она вся ушла в город на подавление беспорядков. Не исключено, что бэтээр, на котором прем мы, как раз с этого блока.

– Кисло им сейчас... – заметив мой взгляд, счел нужным пояснить Ловкач. – Знаю точно, что казарму одна группа взяла. Еще несколько по городу рыщут.

Кисло. Хорошее определение. Я даже усмехнулся ему.

Все верно. Город, как правило, незащищен. Даже с учетом арийского порядка, а не современного мне российского бардака. В данном случае нападающий находится в заведомо гораздо более выгодном положении. Во времена моей службы подобное случалось

неоднократно.

– Кисло... – согласился я. Ловкач снова открыл рот, собираясь продолжить общение, однако я предостерег его от этого:

– По сторонам смотреть. Разговоры запрещены.

Таким вот образом, в полной тишине и спокойствии, по посадкам кукурузы, мы оставили блок далеко позади. Выбрались на трассу, и тут уж водитель дал газу. По хорошему асфальту мы полетели со скоростью, сравнимой с той, что развивал «бардак», на котором некоторое время разъезжал я со своим отделением.

По сторонам мелькали постриженные кусты и посадки деревьев. Деревеньки, к которым вели накатанные с основной дороги съезды, удивляли своими свежими, блистающими чистотой строениями. Зеленые луга с пасущейся скотиной, геометрически точные квадраты полей. Люди, не обращая на нас внимания, продолжали заниматься своим делом: кто-то приглядывал за коровами, кто-то шарился на полях. Пасторальная картина.

Я не исключал, что по шоссе в сторону города может выдвигаться подмога. На этот случай у нас было два варианта. Если мы сталкивались с аналогичной машиной либо с боевой техникой ниже классом, то вступали в короткий бой с целью нанести максимальное огневое поражение и отбить охоту нас преследовать. Танк, САУ и тому подобные прелести, замеченные нами в опасной близости, вынудили бы водилу свернуть с дороги и драпать по пересеченке, стараясь тем не менее не отклониться от основного маршрута.

Занятый подобными мыслями, я, честно говоря, задремал, а потом и вовсе полноценно заснул. Потому как, подпрыгнув раз и другой на своем сиденье, вскинул голову и с легким недоумением огляделся по сторонам, не понимая, где нахожусь. Трасса осталась за спиной. БТР, не щадя собственной подвески и наших сидалищ, свернул с основного направления на одно из проселочных. Грунтовка, понятное дело, не радовала укатанностью и ровным покрытием, и, дабы не убивать машину, водитель был вынужден скорость снизить.

– Владения Штайнера закончились, – счел нужным прояснить меня Ловкач. – Это совершенно другая земля. Нас можно поздравить. Побег удался.

Не удостоив бывшего заключенного ответом, я тронул за рукав лейтенанта. Илюхин, напряженно смотревший вперед, повернулся:

– Часа два еще. Там надо будет остановиться. И затем – в Лебеди.

Я отодвинул обшлаг рукава с левого запястья и посмотрел на часы, снятые мною с одного из убитых немецких солдат. Два часа дня. Город мы покинули где-то час назад. Соответственно, эти самые Лебеди находятся километрах в ста максимум от территории Штайнера. Весьма недалекое соседство.

В Лебеди мы прибыли к вечеру. Два часа до точки контроля, которой оказался ничем не примечательный участок местности, где дорога изгибалась длинной дугой, имея с одной стороны протяженный овраг. Там мы были вынуждены затормозить, а Илюхин, выпрыгнув из кузова, довольно долго размахивал руками, стараясь привлечь чье-то внимание. Удалось. Из какой-то складки местности, не просматриваемой нами, вынырнул человек в форме маскировочной расцветки, толкавший перед собой мотоцикл. Оседлав его, мужчина приблизился к нам и, установив свой аппарат на распорки, без лишних слов обнял

лейтенанта. Затем старые знакомые о чем-то пошептались, и мотоциклист рванул вперед, указывая нам дорогу.

Засада и дозор в одном лице. В принципе правильно. Если у них налажена система оповещения, то такой предварительный пост может избавить от множества неприятностей. А связь можно держать по рации. Наверняка где-то совсем рядом, в удобном, хорошо замаскированном окопе находится еще парочка бойцов с радиостанцией. А то и с пулеметом. Или даже с несколькими. Наш БТР, следуя за мотоциклистом, двигался по полуокружности. С одной стороны дороги тянулся овраг. Внешняя же сторона, будучи холмистой и покрытой низкорослой, плотной растительностью, идеально подходила для создания нескольких хорошо замаскированных и эффективных огневых точек. Через пару секунд я убедился в этом.

Проехав метров тридцать, мотоциклист высоко поднял руку, привлекая наше внимание, и свернул с дороги на обочину. Наш БТР проследовал за ним, до минимума снизив скорость. Вот так-то. Часть дороги заминирована, что, естественно, лишено смысла, если на этом же месте не устроена засада. Мои догадки скорее всего оказались правильными.

В общем, еще около трех часов мы, не особенно спеша и придерживаясь темпа мотоциклиста, шпилили до Лебедей. С определением расстояния от владений Штайнера я дал маху. К определенным мной ста километрам следовало прибавить еще не менее пятидесяти-шестидесяти.

Сама деревня представляла собой типичный образчик умирающего села. Полуразрушенные домишки, заброшенные дворы и сады. Тем не менее жизнь, как это ни странно, в Лебедах кипела. И для начала, прямо на въезде, нас встретило чуть ли не почетное построение.

В форме с чужого плеча, с автоматом наперевес, весь пропыленный, наверное, я выглядел не ахти. Особенно это бросалось в глаза на фоне подтянутого, облаченного в чистенький, хотя и чиненый, маскировочный комбинезон военного, встречавшего нас у дороги. Еще несколько человек в такой же форме застыли неподалеку с оружием в руках, однако было видно, что в данном случае автоматы – всего лишь антураж, дань уважения. Кстати говоря, встречающих было равным счетом восемь, и двое из них были одеты отнюдь не в комбезы. Безо всяких шуток, на них красовалась полевая форма вермахта, которую я в нынешней действительности, признаться, не встречал.

Покосившись на построение, я посмотрел на главного, стоявшего напротив. Высокий, средних лет, с открытым узким лицом, короткими усиками, он производил приятное впечатление.

– Капитан Рабоче-крестьянской Красной армии Терехов, – не дав мне впасть в неловкость по поводу его звания и должности, представился военный, отдав честь. – На данный момент командир гарнизона.

Я козырнул ответно, называя себя, и кивнул, повернувшись к БТРу:

– Временно исполняющий обязанности командира вот этой шайки.

Между тем Илюхин, также выбравшись из кузова, встал рядом. Терехов, выслушав меня, сделал несколько шагов вперед, протягивая на ходу руку лейтенанту. И тут же, не

дойдя пару метров, застыл, как громом пораженный. Проследив за его взглядом, направленным куда-то за наши спины, я увидел Москвичева, стоявшего на месте стрелка в немецкой машине. Лицо мальчишки было белым, словно мел.

– Это как же так... товарищ капитан? – произнес он во внезапно обрушившейся на всех нас тишине.

Илюхину, старавшемуся взглянуть сначала на Терехова, затем на Москвичева, приходилось поворачиваться всем корпусом, и он перетапывался.

– А вот так! – с внезапным ожесточением ответил Терехов, практически мгновенно справившись с собой. Подошел к лейтенанту и крепко стиснул его ладонь. Видя недоумение, написанное на наших лицах, капитан коротко пояснил:

– Боец с сержантом проводили нас через линию фронта. Остались прикрывать.

Тут же впился взглядом в Илюхина:

– Сержант где? – Требовательно взглянул на меня и перевел взгляд на Москвичева.

Боец, перебравшись в кузов, прыгнул на землю. Быстро подошел к нам, жадно вглядываясь в лица выстроившихся воинов. Один за другим, они кивали ему, признавая знакомство.

– Погиб, – встав напротив капитана, решительно ответил Москвичев, – когда из города уже выбирались. Ранений у него было много. Мы как оказались тут, так сразу в лагерь попали. Там сбежать пытались, поймали нас. И на кресты, чтобы бегать больше не вздумали, и другим в назидание. Он вот снял, – кивок в мою сторону, – и пайку свою на троих делил. Я оклемался, а Волкова в больницу перевезли. Забрали мы его потом. Не выдержал. Раны уж больно серьезные были.

Кивая в такт рассказу Москвичева, Терехов посматривал на меня. Оценивающе. Будто сравнивая с неким имевшимся у него шаблоном.

– Да и я бы без него погиб, – поддержал Москвичева Илюхин. – Они в больницу явились за своим сержантом. И меня взяли заодно.

Терехов снова кивнул. Многословностью он, судя по всему, не отличался.

– С этим что? – Капитан указал на БТР и сидящих в нем тихо, как мыши, уголовников.

– Оружие наше, бэтээр наш. Шоблу надо изолировать. Ловкач! – позвал я. Уголовник неохотно поднялся со своего места. – Вот этого надо отдельно, – обозначил я обязательное требование.

– Свиридов, проследи. – Капитан повернулся к битому с виду, достаточно молодому, светловолосому парню среднего роста.

– Хочу друга увидеть. Можно? – Закончив с организационными вопросами, я решил перейти к личным.

– Клыков, отведи, – тут же решил капитан.

Нельсон

Говорить не хотелось. Переживать тоже. Каждому времени – свои герои, свои предатели и, наверное, свои равнодушные. Что толку грызть себя, если ушедшее уже не изменить?

Объяснять это девчонке я не собирался. В конце концов, тем, кому ума хватило, меня понять сумели. И быть вечно виноватым – не по мне.

Она так и сидела вполоборота, пряча от меня лицо. Синее простенькое платьице в мелкий цветочек. Белый ворот, короткие рукава-фонарики. Загорелые, местами поцарапанные ноги.

Я поймал себя на мысли, что, увидь я нечто подобное в Столице или каком ином городе, прошел бы, словно мимо пустого места. И не в обиду это Насте, и не в наряде ее убогом дело. Дело совсем в другом.

Меня даже псевдофанатский антураж девчачий раньше не прикалывал. Я искал девчонок строго модельной внешности, не особо разделяя на блондинок, брюнеток и рыжих. Меня интересовали лишь высокие, стройные и обязательно модно прикинутые. Исключительно этот сегмент.

Заглядывал ли я им в душу, оценивал ли их внутренний мир, состоящий из забот о том, где добыть денег на шмотки и как повыгоднее сняться? Сами посудите, нужно ли мне было это, если я имел машину и собственную квартиру? Это были два атрибута, фетиша, ради которых почти любая из ночного клуба уходила со мной. Третьим обстоятельством, по эффекту схожим с контрольным выстрелом, являлось то, что я коренной москвич.

В общем, женский пол никогда не занимал в моей жизни значительного места. Исключительно в той мере, что позволительна для молодого, здорового парня с собственной квартирой, машиной и относительно при деньгах.

И вот что интересно: я не сравнивал Настю с поджаренными в солярии, наманикюренными и накрашенными из последних сил и на последние средства шмарами из разной «перди». словно бы моя жизнь окончательно разделилась на «до» и «после». Мое прошлое и настоящее – две различные плоскости, удаленные друг от друга в космических масштабах.

Настя была совершенно не в моем вкусе. Она понятия не имела о тысяче всяких процедур, которые, на мой взгляд, просто обязана была выполнять любая нормальная девушка. Она была чудовищно старомодно одета. У нее были неухоженные руки, что, признаюсь, в любой другой ситуации поставило бы крест на возможности развития дальнейших отношений. И вместе с тем Настя была красива.

Парадоксально. Но она была именно красива. Своими исцарапанными коленками и убогим платьем. Пшеничного цвета волосами, веснушками, щедро рассыпанными по щекам, и большими зелеными глазами.

Девчонка-подросток, которая предпочла смерть плену. И дело тут не в том, смогла бы так поступить какая-то из моих знакомых по прежнему миру. История не терпит сослагательных наклонений. Можно сколько угодно трещать о том, насколько ты смел, однако решит все один-единственный поступок. Настя его совершила.

Напористый уверенный стук в дверь прервал мои размышления. Девочка, торопливо вытерев лицо, соскочила с кровати, одернув платье. Я уселся, чтобы и себе придать более солидный вид.

Дверь распахнулась. Увидев человека, стоявшего в дверном проеме, я в первую секунду решил, что словил глюк: наверное, такое бывает после ранений. Крепко зажмурившись и

вновь открыв глаза, выяснил, что мозги и зрение меня не подвели. На пороге, явно наслаждаясь произведенным эффектом, застыл Бон. Собственной персоной, в перепачканной, со следами крови, местной немецкой форме.

Бон

О присутствии в палате дамы меня никто не предупреждал. Здоровенный сержант только сказал, что мой товарищ ранен, но не очень серьезно и сейчас отлеживается.

– Я смотрю, ты страдаешь, упырь? – несколько озадаченно поприветствовал я Нельсона, практически не глядя на него. Все мое внимание занимала худенькая, среднего роста девчонка с копной пшеничного цвета волос и в простеньком темно-синем платье. Большие глаза на скуластом лице, вздернутый носик. Пухлые, розовые губы. Подстричь, приодеть и накрасить – будет красotka, каких мало. Нельсону явно не хило болелось.

Услышав меня, ребята разом покраснели. Нельсон залился краской, как помидор, девчонка ограничилась симпатичным румянцем, мало заметным на ее светлых, с легкими крапинками веснушек щеках.

– Бон! Ох... офигеть! – Нельсон, вскочив на ноги и не обращая внимания на свое ранение, заковылял ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу, дабы не причинять парню лишней боли, и крепко, от души обнял его. Нельсон ответил тем же – сильными мужскими объятьями, и некоторое время мы только молча похлопывали друг друга по спине. Слова сейчас были лишними.

– Пойдем, – негромко проговорил от порога Клыков, доставивший меня на второй этаж. Судя по всему, обращено это было к девчонке, которая тут же ответила:

– Не пойду, – чуть ли не шепотом и тут же добавила громче: – Можно мне остаться?

– Оставайся, – пробурчал Нельсон и, могу спорить, вновь покраснел. Тут же разомкнул руки, давая мне понять, что с бурным проявлением чувств покончено. Сделал шаг назад и, неловко пятясь, приземлился на кровать. Я нашарил взглядом табурет и переставил ближе к столу. Посмотрел вопросительно на Клыкова. Сержант, недовольно покачав головой, закрыл дверь.

Еще раз оглянувшись, я пожал плечами, обращаясь к девчонке:

– Извини. Для тебя стула не нашлось.

– Ничего, – решительно и упрямо отозвалась та. Безо всяких сомнений подошла к кровати и уселась на нее, правда, на другой край, подальше от Нельсона. С вызовом взглянула на меня: – Настя.

– Бон. Мы с вот этим «хардкором» попали в передрыгу вместе. Он рассказывал?

– Нет. Не рассказывал. Молчит больше. Расскажите вы.

Напористая. Я невольно усмехнулся. Мне было это знакомо. За легкой дерзостью и неформальностью общения прячется банальная неуверенность.

Протянув руку, я взял со стола стакан с цветами. Повернул его, любясь скромными синими васильками и белыми лепестками ромашек. Отставил стакан в сторону.

– Ты как пулю-то схлопотал, Нельсон? – Приличия соблюдены. Если девчонке хочется присутствовать при разговоре, я против не буду. Но и развлекать ее сказками не обязан.

– По глупости.

Я коротко хмыкнул. Честно говоря, иного ответа я не ожидал.

– Скажи мне. Вся вот эта бригада кто такие? Мне, честно говоря, не до того было, мы с лагеря рвали. Взяли там одного лейтенанта – и сюда навестили. Проясни.

– Объяснять особо нечего, – Нельсон усмехнулся, – это разведка Южного фронта. Ребята из сорок третьего. Все погибли. А вот она, – Нельсон кивнул на девушку, – тоже с ними была. Последняя. Рванула гранату, Бон, когда немцы к ней подошли.

Девушка упрямо встретила мой удивленный взгляд. Слегка прищурилась.

Точно. Дерзость от слабости и желания выглядеть сильной. Я видел такое неоднократно, и обычно это смешно. Но сейчас мне смеяться не хотелось. Вместо этого, поразмыслив пару секунд, я протянул девчонке открытую ладонь. Настя неуверенно протянула в ответ свою руку. Я аккуратно пожал ее, слегка сдавив тонкие, узкие пальцы. Ободряюще улыбнулся, вызвав на лице девушки ответную улыбку.

Вот интересно, ей кто-то говорил, что она поступила правильно? Или все лишь жалели, глядя по голове, наговаривая кучу лишнего, бессмысленного мусора? Кормили задачами партии, патриотизмом, лозунгами?

Когда надо было просто обнять ее. Пожать руку. Улыбнуться, подмигнуть вовремя, чтобы у нее и мысли не было чувствовать себя слабой. Сомневающейся. Вырванной из своего, знакомого мира и заброшенной черт знает куда.

– В бараке были двое. Тоже разведчики, с Южного. Они были знакомы с местными.

Нельсон, выслушав, покачал головой:

– Ерунда это все. Давай толком рассказывай. От начала и до конца. Иначе ничего не понятно. Приступай.

– Хорошо, – вздохнув, отозвался я. – Началось все, как нетрудно догадаться, с того момента, как меня списали в госпиталь. Твоими стараниями.

Долго общаться нам с Нельсоном не дали. Буквально через полчаса за мной зашел такой же громадный, как и Клыков, боец и пригласил проследовать за ним. С сожалением свернув разговор, я направился за здоровяком. Идти оказалось всего ничего – поднялись по лестнице на этаж и сунулись буквально в первую же дверь.

Помещение больше всего напоминало кабинет. Вернее, комнату, приспособленную под кабинет. Длинный стол, часть которого накрыта скатертью, шкафы, серванты. Ряд стульев вокруг стола.

В комнате дожидался высокий капитан и его, судя по всему, заместитель, тот самый бойкий белобрысый парень.

– Садись, – кивнул он на место напротив себя.

Оглянувшись и отметив, что боец, который привел меня, также направляется к столу, я не преминул воспользоваться его примером.

– Поговорили мы с Москвичевым и Илюхиным. Хвалят они тебя. Говорят, без твоей помощи ничего бы не вышло. Ты, наверное, знаешь, что мы все тут оказались не по своей воле. Друг твой должен был рассказать.

– Поведал в общих чертах, – согласился я.

– Ну и хорошо. В общем, уже в курсе. Тогда вот что. Встань.

Подчинившись, я поднялся со своего места. Капитан обошел стол и протянул мне руку. Крепко пожал мою ладонь и встряхнул, не выпуская:

– Объявил бы тебе благодарность, да ты не подчиненный мне. И потому – просто благодарю от всей души. Вины твоей в смерти Волкова нет. Это я понял, разобрался. А вот в том, что Москвичев и Илюхин живы, заслуга великая.

Следует признать, меня даже неловкость некая одолела. Я постарался скрыть ее в усмешке, но не получилось. Как-то больше ожидал, что агитировать меня начнут, в Красную армию записываться и в партию, а тут нате – просто спасибо.

– С уголовниками что делать предлагаешь? – Вопрос застал врасплох. Недоуменно нахмурившись, я посмотрел на капитана:

– Вам решать, не мне. Что хотите, то и делайте с ними.

– Ты просил одного посадить отдельно от других. Неспроста же, – проявил наблюдательность Терехов.

– Точно, – кивнул я. – Это Ловкач, их лидер. Мутный очень.

– Он говорил, что у него задание какое-то секретное. Важное. – Капитан пристально посмотрел на меня. Мне же, в свою очередь, потребовалось некоторое усилие, чтобы вспомнить, о чем идет речь.

Неужели тот лепет Ловкача, когда он пробовал втереться в доверие, заслуживает серьезного обсуждения? Да и откуда знать Терехову? Понятно. Рядом со мной сидел Илюхин и, в отличие от меня, видимо, слушал внимательно.

– Мне это показалось ерундой, – честно ответил я капитану, – они оказались голышом посреди города. То, что мне нужен был водитель, значило мало, с тем же успехом за руль сел бы и лейтенант. В такой ситуации наговоришь что угодно, лишь бы тебе вернули оружие.

– Где вы их подобрали, знаешь?

– Без понятия, – покачал я головой, – мы могли быть в центре, могли на окраинах. Хотя относительно недалеко от комендатуры, это точно. Потому что машину достаточно быстро срезали.

При этих словах военачальники переглянулись. Понимающе и утвердительно. Заметив мое недоумение, Терехов пояснил:

– Побудешь на допросе, сам все поймешь. Не возражаешь?

– Нет, – мотнул я головой, хотя, откровенно говоря, не видел в этом особой необходимости.

– Овсеенко, приведи. И попроси нам чаю принести с чем-нибудь. Голодный? – Последняя фраза явно относилась ко мне.

– Только утреннюю раздачу застал, – усмехнулся я, провожая взглядом крепкого высокого бойца, – потом не до того стало.

Чай оказался в граненом стакане с подстаканником. Крепкий, от души заваренный. Из закусок мне полагался кусок хлеба с уложенным на него салом.

– Позже поешь нормально, – перехватил мой взгляд Терехов. Боец, принесший чай и бутерброд, отошел в сторону, заняв позицию у двери. Ладони положил на автомат,

покоящийся на груди. Напрягшись, я озабоченно посмотрел на капитана. Есть под прицелом не слишком-то полезно для пищеварения. Даже при том, что разведчикам я вроде бы доверял.

– Ешь спокойно.

Я пододвинул к себе чай. Жестяной, штампованный, с какими-то узорами подстаканник. Такие раньше давали в поездах. Поднял стакан и жадно сделал глоток. Затем еще один. Откусил от бутерброда, тщательно пережевал. Только сейчас, ощутив аромат чая и одуряющий запах жратвы, я понял, насколько же я голоден.

– Доставлен. – Овсенко коротким толчком отправил в комнату Ловкача. Тот, ускорившись, сделал пару шагов и огляделся с независимым видом. Скользнул взглядом по мне, по Терехову и второму офицеру. Посмотрел на автоматчика в углу, не преминул оглянуться за спину, на бойца-бугая. А затем без всякого стеснения подошел к столу, отодвинул стул и уселся:

– Ну, здравствуйте, товарищи. Мне бы тоже чаю.

Не дождавшись ответа, понимающе усмехнулся:

– Пока не в доверии? Ну что ж, понятно. Представлюсь тогда. Майор РККА Демидов Родион Павлович.

Довольный произведенным эффектом, Ловкач посмотрел на капитана и второго офицера. Проследив за его взглядом, я заметил, что Терехов совершенно не изменил выражения лица, а светловолосый лишь удивленно вздернул бровь. Не дождавшись никакой иной реакции на свое заявление, Ловкач, ничуть не растерявший апломба, продолжил:

– Сами знаете, как все сложилось. Может, вы и вправду свалились из какой-то другой реальности. Слухи про вас разные ходят. Однако про то, что случилось, должны быть наслышаны. И про Союз за Уралом, и про сопротивление. Верно?

Не нарушая традиции, капитан и светловолосый офицер вновь промолчали. Мне же становилось все интереснее и интереснее. Что Ловкач далеко не прост, я предполагал изначально. Однако того, что он окажется майором РККА, боюсь, не могло представить и самое больное воображение.

– Ну и? Что с чаем? – Тон Ловкача приобрел требовательную окраску.

– Что ты взял в городе, майор? – совершенно неожиданно Терехов задал встречный вопрос.

– Не понял, – замедленно отозвался Ловкач.

– Ты заставил парня сыграть роль отвлекающей силы. Больница, комендатура. А сам, вместо того чтобы на всех парах лететь прочь, отправился в город. Там у тебя произошел бой. Что ты там взял, майор?

– Паника в городе играла нам на руку. Следовало сформировать несколько мобильных групп. Беспорядки в городе обнажили бы блокпосты на выездах. У каждой группы была своя задача.

– Что ты взял в городе, майор?

– Да что вы заладили? – Ловкач взорвался. – Хватит разговаривать со мной так, будто я на допросе! Я, черт побери, все это время сопротивлялся захватчикам, а кто вы такие и откуда взялись, я не имею никакого представления! Не вам меня допрашивать!

Уголовник покраснел от гнева. Раздувая ноздри, зло поджав губы, он смотрел на

Терехова.

– Так ты что же, разведчик, получается? – поинтересовался капитан, совершенно не изменив выражения лица. Судя по всему, отчаянная тирада Ловкача не произвела на него никакого впечатления.

– Разведчик! – с вызовом ответил Ловкач.

– И все остальные с тобой – тоже разведчики?

– Завербованные... – нехотя буркнул Ловкач, нервно взглянув за спину, и обратился ко мне: – Ты скажи им, Шустрый! Кто твоих раненых в лазарет пристроил, кто тебе подсобил, чтобы не сожрали тебя за колючкой!

– Москвичева с Волковым после его содействия отправили, – не стал скрывать я, – И однажды в перемахе мы вдвоем поучаствовали.

Капитан коротко мазнул по мне взглядом. Вновь посмотрел на Ловкача:

– Последний раз спрашиваю: что вы взяли в городе? С какой целью туда шли?

Уголовник, зло уставившись на капитана, презрительно сплюнул на пол:

– Да пошел ты! Командир тоже мне нашелся. Перед тобой отчитываться не стану.

Терехов удовлетворенно кивнул. Переглянулся со светловолосым, дождавшись и его ответного кивка. Судя по всему, какое-то решение у них было принято заранее, и теперь офицеры лишь убедились в его правильности.

– Раздевайся.

Ловкач непонимающе прищурился. Терехов повторил:

– Раздевайся полностью, майор. Не тяни резину.

– Ага... раздевайся... – понятно повторил Ловкач. Поднялся со своего стула, оглянувшись по сторонам. – Сейчас, минутку... разденусь.

И, развернувшись, уголовник прыгнул на меня. Резко, с места, сметая меня на пол вместе со стулом. Я бухнулся, перекатываясь через спину, ожидая немедленного добивания, вполне закономерно предполагая удушение или целую серию в голову. В любом ином случае не имело никакого смысла сваливать меня. Однако Ловкач поступил по-другому. Совершенно иначе.

Опрокинув меня, он быстро вскочил, ринувшись к двери. Набычился, сложился, выставя вперед плечо, явно собираясь вынести Овсенко, загораживающего выход. Глупая затея. Совершенно идиотская. Как и вообще вся эта заваруха.

Боец, стоящий в дверях, просто-напросто напрягся, сгруппировавшись, и более легкий Ловкач отскочил от него, как от стенки мячик. Свалился, не удержав равновесия, и тут же словил пинок от перескочившего через стол светловолосого. Второй боец, стоявший до того в углу, тоже подоспел вовремя. Перехватил руку Ловкача и завернул ее за спину, переворачивая бунтовщика на живот.

– Не вставай! – рявкнул на меня Терехов, увидев, что я пытаюсь подняться на ноги. – Вообще не шевелись!

Я послушно застыл на месте. Ловкачу тем временем чьим-то ремнем скрутили руки, не обращая внимания на его отчаянную ругань и брыкания.

– Рот закрой свой поганый! – Светловолосый, уставший слушать обидные слова, сильно стукнул уголовника по затылку. Тот, буркнув еще что-то, заткнулся. Бойцы и офицер слезли

с пленного, а Овсенко как самый сильный и габаритный рывком вздернул его с пола, поднимая на ноги.

Выглядел Ловкач растрепанным, покрасневшим, однако как-то иррационально довольным. Поблескивали глаза, а на губах застыл неприятный, злобный оскал, мало напоминающий улыбку.

– Хитрый ты, майор... – качнул головой Терехов и, обойдя стол, подошел ко мне. Остановился, сделал шаг назад, к табурету, на котором еще совсем недавно сидел Ловкач. Опустился на него, внимательно посмотрел на меня. Перевел взгляд дальше, сосредоточенно, внимательно выискивая что-то за позادي меня. Затем резко встал, обошел стул и оказался рядом с платяным шкафом, находившимся прямо за мной, метрах в трех-четырех. Опустился на колени, затем на четвереньки, залез рукой под гардероб, пошарил там и через пару секунд выпрямился, держа в пальцах небольшой цилиндр, напоминающий футляр для фотопленки. Обернулся к Ловкачу, тут же утратившему свой гонор:

– Раздеться-то попроще было бы.

Дабы избежать повторения неприятных сюрпризов, Ловкач был крепко примотан веревками к стулу. Терехов, расположившийся напротив за столом, терпеливо перекачивал цилиндр по его поверхности, дожидаясь, когда два бойца справятся со связыванием мятежного майора.

– Если я его открою, содержимое не испортится?

Видя, что Ловкач не собирается отвечать, Терехов добавил:

– Договоримся с тобой так. Я открываю – там что-то портится или взрывается, и тебе отрезают правую кисть. Пойдет?

Стоящий сзади пленного Овсенко молча сделал шаг вперед и накиннул на шею Ловкача витой тонкий шнур. Прижал его в кулаке, намертво перехватывая горло. Уголовник дернулся, подался всем телом в сторону, истово заколотил ногами по полу. Овсенко, однако, это никоим образом не помешало. Контролируя горло, он с легкостью удерживал стул с привязанным к нему Ловкачом.

Столь откровенная и жестокая картина ни у кого не вызвала осуждения. Да и я, честно говоря, был этому не удивлен. Бросив короткий взгляд на собравшихся, я отметил, что светловолосый офицер внимательно наблюдает за мной. Проверяет.

Похоже, ради этого или чего-то подобного меня и пригласили присутствовать при допросе. Проверить реакцию на творящиеся бесчинства, возможно, поймать на чем-то.

Овсенко, убрав шнур с горла Ловкача, отступил на шаг. Уголовник, надсадно кашляя, судорожно втягивал воздух.

– Так я повторяю. Не взорвется? Не уничтожится? – будто и не произошло ничего, подал голос Терехов.

– Нет, – прохрипел Ловкач, энергично качая головой. – Не взорвется...

Капитан удовлетворенно раскрутил цилиндр. Вынул из него, вполне ожидаемо, свернутую бухту фотопленки. Поднял, расправив, и посмотрел на свет. Глаза Терехова пробежали выборочно по нескольким кадрам. Пытаясь взглянуть и разобрать изображения, капитан сощурился. Недовольно скривился и, смотав пленку, вновь положил ее в футляр.

– Давай договоримся с тобой, майор. Ты мне расскажешь, что к чему на этой пленочке и что ты делал в городе. Не торопясь и обстоятельно расскажешь, без вранья. Идет?

– А взамен? – хрипловато поинтересовался Ловкач.

– Целая жизнь, – без тени улыбки ответил ему капитан.

Уголовник нервно дернул шеей, понимая, о чем идет речь. Какой-либо сделкой и не пахло. Ему предлагалось слить всю информацию, которой он владеет. И, клянусь вам чем угодно, я бы на его месте предложенные условия принял.

– Пожалеешь, капитан. Сопротивление так это не спустит. Думаешь, закорешился с немцами, так все, ты под крылышком ихним? Да они тебя разжуют и выплюнут, как только бесполезен им станешь, понял? Иуда! – С последним словом Ловкач попытался плюнуть в капитана. Терехов от плевка ловко увернулся, а Овсенко безо всякой команды накинуд свой шнурок на шею пленника.

М-да. Повторюсь, я бы уже сдался. Удушение – штука невеселая. Однако есть много других способов заставить говорить, гораздо более кровавых и причиняющих настоящие страдания, не то что тривиальная петля на шее. Видимо, Ловкачу было что скрывать, если он рисковал нарваться на следующий этап, представляющий собой настоящие пытки.

– Секрет стоит твоей жизни? – дождавшись, когда Овсенко прекратит экзекуцию, Терехов обратился к дышащему широко открытым ртом Ловкачу. Пытавшийся втянуть в легкие воздух, с покрасневшим лицом, глазами навывкате, выглядел уголовник далеко не лучшим образом. И вопрос, который задал ему капитан, явно витал в воздухе.

– Иди ты к черту... с секретами своими! – придыханием, хрипя, ответил Ловкач. – Карты там.

– Отлично, – согласился Терехов. – Что за карты и что там указано?

– Карты и документы, – продолжил Ловкач, – сам разберешься, коли грамотный.

– Сказал «а», договаривай «б», – подбодрил капитан. – Время терять не будем. Рассказывай все как на духу.

– Склады там. Места указаны, где склады консервационные расположены. Хранилища.

– А в складах что? – Терехов, пожалуй, впервые на моей памяти, выразил явную заинтересованность. Прищурился, подался навстречу пленному.

– А все там, в складах. Еда, оружие. Все, что бросили в тридцать девятом, так и лежит. Без хозяина.

– Немцы не подобрали? – удивился капитан.

– Кое-что взяли, конечно. Да только это хранилища консервационные. Очень секретные. Оружие там непростое.

– Это какое же, непростое? – поинтересовался Терехов.

– Хранилища для бактериологического и химического вооружения, – подняв на капитана глаза, отозвался Ловкач. Вид у него был при этом такой, что ясно становилось: уголовник расстается со своим последним козырем.

Терехов и светловолосый офицер переглянулись. Капитана, надо сказать проняло – на щеках выступила нездоровая бледность. А второй и вовсе побелел, словно мрамор. Некоторое время они смотрели в глаза друг другу, словно общаясь телепатически. Я тоже, со своей стороны, вполне мог вклиниться в их разговор, поскольку прекрасно понимал его суть.

Мягко говоря, мы в полной заднице. И мое положение мало чем отличается от их – ровно так же ходят парни по краю, по натянутому над пропастью канату. Нельсон, хоть и вкратце, сумел поведать, как он рану получил и как в бою поучаствовал. Так что спокойной жизни у Терехова и его отряда не было совершенно. А вот то, о чем заикнулся Ловкач, вполне вероятно, давало шанс на некоторые положительные сдвиги в нашей ситуации. Химическое и бактериологическое оружие по своему действию вполне сопоставимо с ядерным. И обладатели подобного аргумента разом перешагивают через несколько ступеней социальной лестницы. Вставая в ряд с теми, кто имеет возможность диктовать условия.

– И далеко эти хранилища отсюда?

– Что-то близко, что-то далеко. Одно километрах в двадцати. Еще одно в радиусе пятидесяти. Остальные подальше... – больше не кочевряжась, полно и четко отвечал Ловкач.

– И немцы что, не знают о них?

– Теперь не знают, – ухмыльнулся уголовник. – Всех сведений теперь – только эта пленка, и все. Остальное сейчас, наверное, и догорело уже да пеплом по ветру развеяно.

– Этим ты и занимался в городе? – уточнил капитан.

– Именно, – согласился Ловкач.

Терехов вновь переглянулся со светловолосым офицером. Задумчиво почесал подбородок и посмотрел на пленного:

– Рассказывай. Все рассказывай: что, откуда и как. С момента получения задания и все этапы его выполнения.

Рассказ Ловкача во многом напоминал похождения Джеймса Бонда. Киношные, вымышленные. Начать хотя бы с его заброски. Это же надо умудриться из Зауралья, а по сути даже Западной Сибири, если я правильно понял географическое местоположение города Алапаевска, до западных границ некогда великого и единого СССР! С поддельными документами пробраться через всю Россию. Сколотить банду, промышлявшую в окрестностях Харькова, целенаправленно «погореть», чтобы попасть на работы в горнодобывающие шахты Штайнера. Задумать и устроить восстание, имевшее основной задачей разгром индустриального центра! Проникнуть в здание архива, спереть там нужные файлы, а все остальное контролируется и тщательно сжечь!

Наверное, все рассказанные приключения вполне тянули бы на неплохую остросюжетную книгу. Вот только я лично во все это верил мало. Впрочем, Терехов, разговаривая Ловкача, не мешал ему. Молча внимал, лишь иногда задавая дополнительные, уточняющие вопросы. Капитана, судя по всему, мало волновала фантастичность рассказа уголовного. В гораздо большей степени его занимала правдивость сведений, касающихся законсервированного оружия.

На мой взгляд, установить истинность утверждений Ловкача можно было лишь опытным путем. Честно говоря, я слабо разбирался в вопросах хранения оружия массового поражения. К тому же конец тридцатых – начало сороковых годов... Черт его знает, какие тогда существовали нормативы. Хотя, учитывая, с какой небрежностью относились в мое время к подобной гадости, не удивлюсь, если хранилище представляло собой всего-навсего глубоко выкопанные землянки.

– Откуда ты узнал это все? Про архивы и про то, где их искать?

– Разведка работает, не спит. Везде есть наши люди, настоящие патриоты. О том, что в этом районе существует несколько хранилищ, известно давно. Тем, кому надо, – известно. У местных спрашивать бесполезно, они перемещенные все. Ну, из других губерний и областей. Специально так делали сразу же после войны. Кого с юга, кого с севера привозили, чтобы привязки не было к местности, связей родовых, традиций. А все данные, что были по вооружению, по заводам, любые письменные документы, все у немцев в архиве хранится. Аккуратненько. Может, и не нужно им это все, однако же лежать будет, пока заведенный для хранения срок не истечет. Нашелся человек, который имеет доступ к архивам. Передал информацию по ним. Тогда-то и разработали план, направили меня.

Терехов поморщился. Я вслед за ним тоже. Громоздко все. Опять же на фильм похоже. Самые простые решения – самые верные. Здесь же простотой и не пахло.

– Зачем было отправлять тебя? Через всю страну? Человек мог и сам по-тихому изъять пленки и любые нужные бумаги. Передать их резиденту на месте. И уже местная команда бы проверила все. Не понимаю. Неубедительно.

Ловкач усмехнулся. Покачал в удивлении головой:

– Как просто у тебя, командир. Не верю, и все тут. А мы, думаешь, верим? – остро посмотрел на Терехова. – Сколько таких данных приходит, знаешь? Да десятками, сотнями звоночки идут, один за другим. Знаешь, сколько групп местных посылали, а потом пропадали они бесследно?

– Так тем более, чего же тебя тащить, рисковать тобой, коли ты птица такая важная?

– А я один работаю, капитан, – улыбнулся вновь уголовник, – ждали группу, парочка вариантов была, с какой стороны подойти, а вот такого, чтобы бунт да весь город в соплях и кровь, никто не ожидал!

– Отважно, – не меняясь в лице, согласился Терехов.

– Отважно! – подтвердил Ловкач. – И расчетливо. Помимо основной цели, еще нескольких удалось достичь. Архив прошерстили хорошенько, все данные уничтожили и связных да завербованных проверили на надежность.

– Все прошли проверку?

– Не все, – дерзко взглянул на капитана уголовник.

Терехов замолчал. Задумчиво постучал пальцами по столу и переглянулся со светловолосым. Парень ответил ему столь же недоуменным взглядом и пожатием плеч. А вот мою уверенность Ловкачу удалось поколебать. Рассказывал он довольно стройно и логично. Не зная истинных реалий этого мира, однозначно утверждать, будто уголовник врет, лично я бы не решился.

– Ну, добыл ты пленки, дальше что?

– А сам подумай, командир.

– Это ты связан, а не я. Бойцу повторить?

– Не надо, – скривился Ловкач, – дальше все просто. Надо расконсервировать хранилища, переместить ОВ в определенные места. И подорвать их там.

– Вот как? – совершенно не удивился Терехов, а вот светловолосый явно побледнел, когда услышал о плане террористической атаки. Честно говоря, и я сам несколько струхнул.

– В городах? – уточнил капитан.

– Первым делом шахты и вся зона добычи металла. А города – хрен бы с ними. Там такая дрянь, командир, что накроет весь регион, никому мало не покажется.

Посмотрев на Терехова, на светловолосого, на лице которого явно было написано отвращение, Ловкач оглянулся на меня. Бросил взгляд на бойца, стоящего сбоку от него. Зло ощерился:

– Что, чистоплюи? Да вы не знаете просто, о чем речь идет! Не знаете, каково это – жить как звери за горами, мерзнуть в норах, когда эта мразь расхаживает по моей земле! И пусть здесь ноги немца не будет. Пусть выжженная пустыня станет лучше! Понятно?

Нельсон

Бон, конечно, навел шороху. Во всех смыслах этого выражения. Я сам, разумеется, подобными успехами похвастаться не мог, но за товарища был рад.

Честно говоря, когда я объявлял Книппелю условием раскрытия страшных тайн о местонахождении железистой руды спасение из плена Бона, в успехе данного предприятия не был уверен. Судя по манере вести дела, в этом мире главным почитают вытрясти информацию из человека, ничего не предоставив взамен. Собственно, так и случилось. Книппель заявил о невозможности вызволить моего друга, однако данные о месторождении получил. Удивительного тут было мало, поскольку не скажи я, где залегает руда, подставил бы под удар всю группу Терехова. Мы и так в Лебедях находились, мягко говоря, на «птичьих правах», а покажи я твердые принципы, не исключено, вылетели бы из населенного пункта. Со свистом и осложнениями.

Это, безусловно, понимал и сам Книппель. И, могу спорить, даже не заморачивался по поводу освобождения Бона.

Оказалось – и не надо. Товарищ мой запросто справился с этой довольно непростой задачей.

– Вот он какой, твой друг? – Настя, помолчав буквально пару минут после ухода Бона, вновь нетерпеливо завела разговор.

– Ага, такой, – ответил я, не совсем понимая, о чем она.

– Давно дружите? – Девчонка, судя по всему, не собиралась меня покидать и оставлять в покое.

– Да знаешь, не сказал бы. Может, месяц. Примерно. Короче говоря, с тех пор, как попали сюда.

– А раньше? – удивилась Настя.

Усмехнувшись, я покачал головой:

– Раньше мы и не знали толком друг друга. Не общались, по большому счету.

Считая, что поведал достаточно, я замолчал, сам обдумывая произнесенное. А ведь и правда – мы не дружили с Боном. И никогда бы не подружились с ним в нашем мире. По одной очень простой причине.

– Расскажи! – требовательно попросила Настя.

И тут же, смягчая, добавила:

– Пожалуйста.

Я поднял взгляд на русоволосую худощавую девчонку с еле заметными веснушками у курносого носика. Улыбнулся. Врать мне больше не хотелось. А правду... ну что ж, она ведь хочет этой правды. Чем-то она важна для нее, необходима.

– Понимаешь, какое дело. В нашем мире существует неравенство. И оно как бы не показное, оно больше внутреннее, структурное. Вот как тебе сказать... Нет у нас ни господ, ни слуг вроде бы. На первый взгляд. А на деле по-другому все. Так вот, мы с ним никогда не дружили. Нас связывало одно – страсть к команде. К футбольной команде. Мы болели за нее, посещали матчи в других городах. Там это модно. И кроме команды, у нас общего-то ничего и не было. Понимаешь?

Девочка кивнула мне. Не слишком уверенно.

– Вот немцы те же самые, что в Лебедах сейчас. И мы здесь, и они. У нас это общее, правильно? Ну и там так же. А Бон никогда в друзьях у меня не ходил. Мы разные совершенно были. В разных кругах общались. Стояли на разных ступенях социальной лестницы. У меня уровень доходов повыше был, у него ниже гораздо. Да что там говорить, мы вообще разные. Совершенно.

– И как же так вышло, что вы здесь сдружились? – озадаченно спросила Настя.

– Когда нас прессовать здесь начали, в смысле, по тюрьмам разным кидать, ноги о нас вытирать, единственное, что нам оставалось, – вместе держаться. Поначалу вроде как вынужденно. А потом... Понимаешь, у нас во всем этом мире больше никого не было. Только он и я.

Я замолчал, углубившись в воспоминания. Настя поняла, что рассказ дается мне нелегко, поэтому сидела молча и не мешала.

– Там ситуация такая сложилась, что можно было разбежаться в разные стороны. Бон ранен был. Довольно серьезно. В общем, я в Лебеди-то поехал с немцами только лишь для того, чтобы его в больницу определили. Ну, а дальше ты знаешь все. – Довольно сумбурно изложив свои взгляды на дружбу с Боном, я посмотрел на Настю.

Девочка ответила мне понимающим взглядом, пересела поближе и положила ладонь на мою руку. Видно было, что она собирается что-то сказать, однако не решается. Наконец решилась.

– Я знаю, о чем говорил товарищ капитан и остальные все. От меня они не скрывают, – доверительно произнесла Настя. – Может, и зря... – расплылась девчонка в лукавой улыбке. – И про тебя сразу говорили. Сразу, как ты рассказал им о своем прошлом, тут же и сказали: не важно, каким ты был раньше. Важно – какой сейчас. Зря ты всех сторонишься. Никто тебе слова дурного не скажет.

Я с благодарностью сжал ее пальцы. Одно дело – видеть самому и догадываться, совсем другое – услышать.

– Спасибо. – Более внятно выразить ту бурю эмоций, что бушевала у меня внутри, не получалось.

– Пожалуйста, – мягко улыбнулась девчонка и аккуратно вынула свои пальцы из моей ладони.

Бон

– Ты служил, ведь так? – Светловолосый, представившийся мне лейтенантом Свиридовым, терпеливо дождался, когда я закончу со своим поздним ужином. Я уже принялся за чай, когда прозвучал первый нетерпеливый вопрос.

– Служил, – признал я очевидное.

– Воевал? – не задержался с вопросом Свиридов.

– Так точно. Три года в общей сложности.

Лейтенант кивнул. Заметив, что я отставил кружку, покачал головой:

– Пей. Разговор долгий предстоит.

Не заставляя себя упрашивать, я приложился к напитку. Полностью насытиться вареной картошкой с тушенкой, которая к ней полагалась, у меня не получилось. В свете этого чай с тремя печенюгами должны были выступить хорошим подспорьем.

– В каком звании демобилизовался?

– Старший сержант, – хрустнув печенькой, поведал я.

Лейтенант собрался было спросить еще что-то, как вдруг раздался деликатный стук в дверь. Следом за тем она распахнулась, и на пороге выросла фигура подтянутого, стройного, как сказали бы политкорректно, лица кавказской национальности.

– Пойдем. – Скользя по мне незаинтересованным взглядом, он посмотрел на Свиридова. – Быстрее пойдем!

– Я сейчас, – живо отреагировал лейтенант и вышел из комнаты.

Отсутствие Свиридова позволило мне наконец-то спокойно допить чай и доесть положенные к нему печенья. Не могу сказать, что поужинал я плотно, однако, по крайней мере, голод утолил. Если ко всему прочему учесть, что нас с Москвичевым отвели в баню, где мы вволю попарились, а затем выдали чистое нательное белье, то прошедший день можно было считать довольно удачным.

Еще утром я был заключенным трудового лагеря и готовился к побегу, толком не зная, как все сложится. Затем организовал прорыв, выручил парней, подхватил на борт Ловкача. Потерял Волкова. Насыщенно для одного дня, не правда ли?

Так вот, с определенного момента при подобном накале эмоции отключаются. Ты привыкаешь видеть все в рациональном, жестко-механическом свете. И отделаться от этой привычки ох как непросто. Будто переключается тумблер, и тыходишь в иной боевой режим. Где нет места жалости, усталости и импульсивным поступкам.

Мне следовало жалеть о потере Волкова. Однако для меня большее значение имело то, что я не сумел справиться с функциями командира, не сумел обеспечить условия, при которых бы сержант выжил.

Это было совершенно не похоже на молчаливое горе подавленного Москвичева. Мальчишка ушел в себя и ни с кем не разговаривал, остро переживая произошедшее. Видимо, чувствуя мое отстраненное отношение, он и со мной не решился поделиться своими переживаниями, как сделал это когда-то в лагере.

Свиридов вернулся через пару минут. Я к тому времени закончил со своеобразным десертом и лейтенанта, признаться, ждал.

Он сел напротив меня, озабоченно нахмурился и спросил:

– Имел дело с химическим оружием?

Я пожал плечами. Никогда не сталкивался. Все мои знания о химическом, биологическом и ядерном оружии ограничивались лишь умением надевать ОБЗ и противогаз, более-менее укладываясь в норматив.

– Нет, – озвучил я свой ответ.

– Ты же воевал... – недоуменно переспросил меня Свиридов.

– Но мы не травили этих обезьян всякой дрянью. Химическое и бактериологическое оружие запрещены всякими конвенциями. У нас они не использовались. Нелетальные были, нервно-паралитические, но это вас вряд ли устроит. Слезоточивый газ, спецбоеприпасы были. Это легальная штука.

– Мы посмотрели пленку. Распечатать здесь негде, так что с лупой посидели. Допросили остальных пленных. В общих чертах они подтвердили показания того уголовника, которого ты привел. Здесь недалеко действительно существует хранилище химического оружия.

– Я бы не лазил туда, – с уверенностью покачал я головой, – если он не соврал, там столько гадости, что тронешь ее – и придет конец всей округе.

– Тем не менее это придется сделать, – упрямо возразил лейтенант. – Наше положение уж очень шатко. Ты ведь знаком с местными реалиями. Все очень непросто, и нас могут раздавить в любую секунду. Отношения с немцами, которые проводят работы в Лебедах, крайне напряженные. В этих условиях нам необходим мощный и серьезный козырь.

– Если немцы нашли это хранилище ОВ, оно давно уже ликвидировано и залито бетоном.

– Пленный показывает, что хранилище законсервировано, однако к нему легко получить доступ. И у нас есть основания верить ему.

– Вы недоговариваете... – усмехнулся я. – Если мы по одну сторону баррикад, будьте любезны дать всю информацию.

– Хорошо, – с готовностью ответил Свиридов, – мы допросили остальных участников группы Ловчака. Они выдвигают иную версию своей вербовки и цели их похода. Однако в главном они совпадают: хранилище действительно существует и именно там, где указано в документах.

– И вы хотите, чтобы я все это раскопал?

– Совершенно верно, – не стал отпираться Свиридов, – нас очень мало. Ослабить Лебеди – значит отдать их немцам. Искать другую базу не резон. Сейчас у нас «худой мир», который, как говорят, лучше «доброй ссоры». Мы вынуждены пойти на эту временную меру. Отвлечь большие силы невозможно. Два человека – это все, что мы можем выделить для поиска. Если ты присоединишься к ним, это значительно повысит шансы. Судя по рассказам Москвичева и Илюхина, ты действовал отлично. Не спасуешь и на этот раз.

– Я могу отказаться? – чисто ради проформы спросил я.

– Можешь, – без запинки ответил Свиридов, – нельзя требовать того, что человек делать не хочет. Ты можешь отказаться. Можешь хоть сейчас уйти.

Подобная готовность считаться с моим мнением повеселила. Я даже улыбнулся.

Выскажу сейчас желание прыгнуть, отправиться к немцам, так я даже за порог не выйду. Уверен на все сто процентов. Сколько бы я хорошего ни сделал, и сколь бы радушно ни принимали меня, выпускать с подобными знаниями к немцам – верх глупости.

– Почему вы верите Ловкачу?

– Это не вопрос доверия. Допрошены те, кто был с ним. Все показывают одинаково.

– То есть это правда? – недоверчиво скривился я, не в силах полностью поверить в рассказ Ловкача.

– Про оружие – правда, все остальное – бред сивой кобылы. Никакой он не майор. Обычный урка, которого кто-то нанял добраться до хранилища архивов в городе. Удалось ему не сразу, но цели своей он все же достиг. О заказчиках его подельники не знают, а он сам твердо стоит на своей версии. Но сейчас не об этом. Речь о другом.

– Речь о моем согласии, это понятно, но почему именно я? Вы разглядели во мне матерого диверсанта? – Кое-какая смутная догадка у меня была, но оглашать ее раньше времени я не хотел.

– Нас мало. Я уже говорил об этом. Большие силы мы послать не можем. Двоих-троих. Каждый человек на вес золота. Поэтому я и предлагаю быть тебе в составе этого отряда.

Я задумчиво покрутил кружку по столу. Поднял ее, допивая последние капли уже остывшего чая. Похоже, времени на отдых у меня просто не будет.

– И когда отправляться?

– Сегодня ночью, – живо отреагировал лейтенант, – чем быстрее все произойдет, тем лучше.

Черт! Мне даже выспаться толком не дадут.

– Хорошо, я вписываюсь.

А что еще я должен был ответить?

Нельсон

Толком пообщаться с Боном мне больше было не суждено. После краткого описания героического побега из тюрьмы и разгрома города мой товарищ убыл по каким-то своим делам. Следующий раз он посетил меня ближе к ночи, известил, что «партия сказала «надо» и потому в скором времени он отправляется на выполнение какого-то важного задания. Предупредил, чтобы я без него не хулиганил, прекратил избивать немцев и соблазнять девочек, да и вообще берег себя.

Несмотря на оптимистичный тон, неладное я, что называется, почувал. Бон ничего не сказал о характере задания, сроках его выполнения, да и выглядел, надо признать, озабоченным.

Видя, что прощание у нас не выходит, мой товарищ, вздохнув, присел на кровать и хлопнул меня по плечу. Грустно как-то улыбнулся и подмигнул:

– Нормально будет все. Прорвемся, Нельсон. Ты, главное, запомни вот что – никогда не сдавайся. Понял? Никогда, Нельсон, какие бы ни были расклады, даже полная безнадега, не сдавайся. Усек?

– Усек, – усмехнулся я довольно неожиданному нравоучению.

Бон, похоже, нащупав нужную волну, добавил:

– Как там было? Наше дело правое, победа будет за нами. И – не сдавайся.

Выдавил из себя улыбку и, стремительно поднявшись с кровати, скрылся за дверью.

Посмотрев ему вслед, я опустил подушку и стал созерцать потолок. Огонек свечи дрожал, заставляя тени метаться по потолку. В какой-то мере неопределенность и дерганость их движений напоминала мне наше положение. Мы шарахались, будто звери в клетке, перемещались, утыкаясь в железные стены, не в силах вырваться за пределы ограниченного пространства.

На душе было горько и пусто. То, что сказал мне Бон... напоминало прощание.

Утром ко мне в комнату, вернее, судя по моему статусу, палату, заглянул Симаков в сопровождении Терехова. Медик наскоро проверил рану, перемотал бинты и положил на столик рядом с кроватью таблетки. Распределил их стопками, указав, какую и когда принимать. Козырнул Терехову и вышел за дверь. Капитан же уселся на табурет и требовательно уставился на меня:

– Одевайся. Ты нужен.

Я аккуратно сбросил ноги на пол, натянул штаны, перевязывая их в поясе хлястиками, и накинул через голову и рубашку. Капитан указал мне на пуговицы, которые пришлось застегнуть, однако ремень позволил не надевать. Наконец, удовлетворившись моим внешним видом, Терехов достал из принесенного с собой планшета карту и расстелил ее на столе. Кивком пригласил присесть поближе. Поскольку больше табуреток или стульев в комнате не было, я переместился на край кровати, благо, не пришлось вставать. Взглянул на карту, опознал в ней крупный масштаб Лебедей и окрестностей.

– Вот здесь, – Терехов ткнул острием заточенного карандаша в окраину населенного пункта, – ты указал на месторождение. Немцы провели изыскательские работы и действительно нашли там железо. Судя по их суете, нашли немало. Теперь они просят указать им другие места. Покажи мне все, что знаешь.

– А разумно будет все сразу рассказывать? – закономерно усомнился я.

– Это моя карта, боец. И это данные для меня.

Я кивнул. Понятно. И оттого противно.

– Вы слить меня, что ли, решили? – Я посмотрел в глаза капитану. – Или вообще сами грохнете?

– Случиться с тобой может что угодно, – не меняясь в лице, ответил Терехов. – От случайностей никто не застрахован.

Я только скептически поднял бровь. Объяснение совершенно не внушало доверия. Мой единственный козырь для этого мира – знания. Они гарантируют, что меня хотя бы не сразу прикончат и я проживу некоторое время, пока буду нужен. А тут, выходит, я должен выложить все на блюдечке с голубой каемочкой за просто так.

– Боишься? – не дождавшись ответа, спросил Терехов.

– Боюсь, – не стал отпираться я, – про все месторождения не скажу.

Немного помедлив, капитан кивнул:

– Хорошо. Назови что-то вот в этом радиусе, – карандаш описал внушительный

полукруг по карте, – это владения Книппеля. Нужно что-то в этом районе.

Я взял у капитана карандаш и сосредоточенно посмотрел на карту. Если бы не Лебеди, именуемые Шванендорф, я бы точно не смог разобраться. Все названия, понятное дело, по-немецки, и это вносило сумятицу. Совершенно было непонятно, что, где и как. Повертев карту и так и эдак, я мысленно плюнул.

– На юго-запад – Яковлево. Километров шестьдесят отсюда. Там есть крупное месторождение.

Капитан забрал у меня карту и пытливо уставился на нее, стараясь обнаружить то, что я назвал. Естественно, никакого Яковлева там не было. Вернее, было, но наверняка переименованное, и искать его было бесполезно – все равно что заниматься поисками свободного места в вагоне на Кольцевой ветке в час пик.

– Не путаешь? – поднял на меня взгляд капитан.

– Нет, – качнул я головой.

– Еще?

– Я больше ничего не покажу.

Терехов озадаченно взял карандаш. Прижал его ладонью к карте и задумчиво прокатил, глядя мне в глаза. Я взгляда не отводил. Сейчас любое моральное давление было мне по фигу.

– В чем дело? – спросил напрямую капитан.

– Я Бона, в смысле, друга своего, видел всего полчаса. Полчаса! И ночью, оказывается, его на задание какое-то отправили. А что, кроме него, никого не нашлось что ли?

– Он не один пошел, – невозмутимо парировал Терехов.

– Это понятно, – отмахнулся я. – Непонятно, почему именно он?

– А почему нет? – удивился капитан. – Был бы ты здоров, может, и ты бы пошел. Все от обстановки зависит. Обстоятельства всегда сильнее. Нам следует сражаться, владеть инициативой. Это подразумевает действия, парень! Ты что, думаешь, я буду кого-то в тылу держать, на отдыхе, а других под пули подставлять? Или подозреваешь, что любимчики у меня есть?

Честно говоря, нечто подобное мне и пришло в голову. Я видел, как Бон исхудал, сколь изможден перенесенными испытаниями. И сомневался, что он представлял собой ценную боевую единицу. Может, конечно, он и сделал там что-то потрясающее, мне в деталях не рассказывали! Но если даже так, то неужели следует возводить чудо в систему и ждать его постоянного повторения?

– Мы на войне, парень. Ты сам это прекрасно знаешь. И как только дадим слабину, нас сомнут. Нам отступать нельзя – некуда! И сдаваться тоже. Понимаешь? И если я посылаю на задание бойцов, то делаю это не по собственному желанию. По необходимости.

Закончив, капитан требовательно посмотрел на меня. Будто способен был взглядом оценить, насколько я проникся его словами.

– Я больше ничего не скажу. – Мне не было никакого резона сдавать назад.

Поднявшись с табурета, Терехов сложил карту и убрал ее в планшет. Туда же последовал и карандаш.

– У меня просьба, – произнес я, наблюдая за неторопливыми сборами капитана.

Дождавшись, когда он обратит на меня внимание, я добавил: – Платье для Насти. Она ходит в хламиде какой-то. Нормальное, хорошее повседневное платье. Лучше, конечно, пару. Но одно – обязательно. И обувь. Обувь тоже нормальную, должна же она быть у них. Магазины какие-то. Хорошо?

Капитан некоторое время смотрел на меня, и на лице его, обычно непроницаемом, было написано удивление. Наконец, хмыкнув, он ответил:

– Договорились. Я скажу о твоём требовании.

Другие

Солнце слепило глаза. Недовольно сощурившись, Свиридов пересел, расположившись боком к дневному светилу. Йозеф Книппель повторил маневр лейтенанта.

– Вы готовы мне назвать места? – осведомился немец, устроившись на изрубленном чурбаке во дворе заброшенного крестьянского хозяйства.

Лебеди после их повторной колонизации, безусловно, заполнились народом. Так сложилось, что северную часть деревни заняли советские разведчики. Большую, южную, – немцы. Изыскатели, рабочие, обслуживающий персонал, солдаты. Каждая из сторон, в меру своих сил, возможностей и умения, обустривалась. А вот между занятыми территориями образовалась своеобразная буферная зона, представляющая собой типичную картину разрухи.

– Готов, ясное дело, – согласился Свиридов, – только у меня условие. Вернее, не у меня, а у мальчишки. Нужно будет его выполнить.

– Что за условие? – недовольно поморщился Книппель.

– Пара платьев для девушки. Хороших, красивых. Для повседневной носки. Белье. Обувь для нее же.

Немец ошарашено посмотрел на лейтенанта. Убедившись, что тот не шутит, осведомился:

– Все?

– Можно и побольше вещей. Я назвал самые необходимые.

– Хорошо. Я сделаю это в ближайшее время. Давайте места и координаты! – практически не задумываясь над ответом, выпалил Книппель.

Свиридов усмехнулся. Покачал головой, кривя ухмылку:

– Тебе не нужны размеры, чтобы предоставить платья и обувь? Хитришь, Йозеф?

– Хорошо. Давай размеры.

– Платье – сорок второй, обувь – тридцать шестой. Запомнишь?

– Запомню, – кивнул Книппель, – теперь место!

– Не забегай вперед, Йозеф. Нам нужно поговорить.

Немец досадливо скривился, всем своим видом показывая, что разговор ему не интересен.

– У меня мало времени, лейтенант. И мне не до пустой болтовни.

– Мальчишка, я и еще несколько человек. Мы хотим другой жизни. Мирной. Ты понимаешь меня, Йозеф?

Демонстративное равнодушие покинуло лицо немца. Он тут же стал сосредоточен, внимателен и собран:

- Понимаю.
- Что ты на это скажешь, Йозеф?
- Скажу, что это сложный вопрос, на который невозможно дать ответ сразу.
- А ты постарайся. Иначе, боюсь, подобного предложения от меня больше не поступит.
- Как это? – Книппель требовательно заглянул в глаза лейтенанту.
- Мне нужно заботиться о своем будущем, Йозеф. Понимаешь? Не ты, так кто-то другой согласится. Ты деловой человек и все должен понимать.
- Это я понимаю. Но не могу взять в толк: как вы разойдетесь с капитаном?
- Это наша проблема, – жестко усмехнулся лейтенант, – тебя она не касается. Главное – со мной будет мальчишка. Понимаешь, к чему я клоню?
- Понимаю, – в очередной раз кивнул Книппель. – Я согласен.
- На что? – тут же уточнил лейтенант.
- Я принимаю вас к себе. С мальчишкой. Увожу в свое имение. Вам не придется больше воевать и делать то, что вам не по нраву.
- Это деловое предложение, Йозеф. Мне нужно три дня, чтобы уладить все проблемы.
- Три дня? – удивленно вскинул брови Книппель. – Сегодня ночью. Незачем тянуть!
- Три дня! – Лейтенант был непреклонен. – Раньше мне не успеть. Ты не знаешь наших отношений, Йозеф. Все далеко не так просто, как тебе кажется. Если я начну немедленные движения и суету, мне достанется пуля без всяких разговоров. Тут нужно поступить умнее.
- Три дня – это много, – сказал Книппель как о совершенно невозможной вещи.
- Быстрее я не успею.

Немец тронул пальцем кончик носа, потер его, полностью погруженный в собственные мысли.

- Я могу помочь в этом. Чтобы было быстрее... – наконец принял он решение.
- Нет, – уверенно отказался Свиридов, – ты не знаешь, о чем говоришь. Ключевые точки в этой деревне под контролем людей капитана. Большинство домов заминировано. Стоит вам сделать что-то, что покажется Терехову опасным, мы все взлетим на воздух. Мальчишку он готов пристрелить первым. Его охраняет специально выделенный человек. Это не шутки, Йозеф.

Напряженно выслушав ответ лейтенанта, немец досадливо дернул подбородком.

- Что с теми, кто прибыл к вам вчера? Мне бы хотелось узнать кое-что у них.
- Ты никого из них не увидишь, Йозеф. Половина пленных уже мертва. Другая – на пути к этому. Капитан сохраняет дисциплину в подразделении всеми доступными ему способами.

Брови немца поползли вверх в немом удивлении. Спустя пару секунд, справившись с собой, Йозеф огласил свое решение:

- Три дня, лейтенант. Ни часом больше. Ты понял?
- Понял, – настало время соглашаться Свиридову.

Лейтенант поднялся с чурбака, вынул из нагрудного кармана свернутый вчетверо лист бумаги и передал его немцу. Книппель быстро развернул его, пробежал написанный текст

глазами. Посмотрел на Свиридова.

– Три дня, лейтенант. И не вздумай меня обмануть.

Через пятнадцать минут Свиридов, расставшийся с Книппелем, находился наедине с Тереховым в одной из комнат клуба, превратившейся в подобие штаба.

– Значит, всего три дня, – повторил Терехов, выслушавший рассказ своего лейтенанта. – Нечто подобное мы и предполагали.

После того, как слова мальчишки подтвердились, немцы развернули кипучую деятельность. Подгоняли технику, рабочих, ремонтировали дома. Разведчикам пришлось демонтировать часть минных заграждений и будто бы уйти в глухую оборону, в буквальном смысле слова запершись на своей небольшой территории. Следующий шаг со стороны немцев был прогнозируем. И день назад в Лебеди пришли два грузовика с солдатами. Не было никаких сомнений, с какими конкретно целями наращивается военная мощь.

– Через три дня ты им должен отдать мальчишку и мою голову. Иначе они возьмут то и другое сами, – не смягчая, сделал заключение Терехов.

Свиридов не ответил. Нечего было отвечать. Более точной характеристики для создавшегося положения подобрать было невозможно.

– А если сложится хреново, пойдешь на это? – Капитан остро посмотрел на лейтенанта и жестко усмехнулся.

– Если бы это что-то изменило... – покачал головой Свиридов. – И свою, и твою бы башку отдал. Но мальчишку могут оставить в живых и, возможно, даже обеспечат ему сносную жизнь. А Настя? А бойцы? Кому они тут нужны?

– Нам не простят того, что мы тут натворили, – согласился Терехов.

– Значит, других вариантов у нас и нет, – развел руками Свиридов, – остается только надеяться, что Диляров сумеет все проверить за три дня.

Оба они – и Свиридов, и Терехов – прекрасно понимали, что их жизни и судьбы всех тех, кто им доверился, висят на волоске. Зависят от множества причин, действий других людей, да и вообще удачи. Если раньше разведчикам удавалось держать инициативу в руках, то в последние дни она медленно, но неуклонно от них ускользала. Немцы вполне могут подогнать еще большие силы и устроить штурм их расположения. Им больше нет резона договариваться с мятежными русскими.

И даже если Дилярову и Бону удастся за оставшийся срок справиться с заданием и каким-то образом доставить в Лебеди что-то из арсенала химических ОВ или биологического оружия, это всего лишь даст временную передышку. До тех самых пор, пока немцы не решат, что им важнее – сохранить богатое железорудное месторождение или уничтожить застывшую нарывом на теле государства группу русских разведчиков.

Шванендорф

Другие

– У меня странные ощущения, Эдвард. – Книппель задумчиво посмотрел на бывшую усадьбу, ныне служащую русским штабом. Впрочем, возможно, неухоженное и обветшалое здание являлось обманкой. У Книппеля были все основания полагать, что русские разместились в других домах, гораздо менее привлекательных с любой точки зрения, а господскую развалюху нарочно выставляли напоказ.

Кажется, Йозефу удалось понять логику коммунистов. Даже несмотря на то, что больше она напоминала паранойю.

– Какие? – Собеседник землевладельца проявил вежливое любопытство. Сотрудничество с Книппелем неожиданно вылилось в весьма прибыльное предприятие. Даже по предварительным расчетам доходы от разработки обнаруженного месторождения предполагались колоссальные.

– Мне кажется, что совсем рядом находится выгребная яма, Эдвард. Вы верите в измышления англичанина Уэллса? Будто бы существуют миры, не схожие с нашим?

Книппель замолчал, собираясь с мыслями. То, что ему хотелось выразить, еще не имело четкой огранки слов.

– Вам не кажется, что дверь в какую-то иную реальность действительно открыта? – Книппель даже не смотрел на собеседника. – Обратите внимание на все, что случилось в последние месяцы! Разве мы могли помыслить когда-нибудь, что карательные отряды Штайнера не сумеют добиться своей цели? Что горстка каких-то наемников уничтожит всю свору комбината?

– Везение и благосклонность судьбы, – по-своему объяснил управляющий компанией. – Никто не застрахован от ошибки, и каратели Штайнера ее допустили. Однако в итоге именно мы остались в выигрыше, верно?

– Соглашусь с вами. Но как тогда быть с восстанием в Эйзенбурге? Неужели одна лишь удача позволила рабам одержать верх?

– Несомненно, – уверенно подтвердил вывод собеседник.

– И лишь слепой случай помог или скорее направил бунтовщиков к перерабатывающим машинам? Увольте, Эдвард! Я готов допустить, что заключенные способны убивать и бесчинствовать, подчиняясь своим низменным инстинктам. Это свойственно русским. Но как быть с подрывом оборудования? Как отнестись к тому, что в городе истребили почти всех специалистов? Неужели это все сделали неграмотные дикари? Лично я склонен верить версии, озвученной в определенных кругах, Эдвард... Она утверждает, что под видом взбунтовавшихся заключенных действовали профессиональные диверсионные отряды.

– Это похоже на американские детективы, Книппель. По-моему, проще поверить, что эти ваши новые красные друзья из какого-то иного мира, нежели всерьез считать нападение на Эйзенбург спланированной акцией.

– Последние недели происходит много странного, – продолжил Книппель, – пропадают люди, неизвестные обстреливают посты и колонны. Уничтожают целые поселения!

– Казаки и бандиты, – терпеливо ответил управляющий.

– Мне проще поверить в марсиан Уэллса, нежели предполагать, будто за нападениями стоят эти ничтожества. Я чувствую, Эдвард, что мы приоткрыли дверь в иной мир. Там

немцы воюют с немцами. И величина прибыли становится ценнее единства арийской расы.

Управляющий, фактически ведущий проект «Шванендорф», прекрасно был осведомлен о реальном положении вещей. Но делиться своими знаниями с Книппелем не спешил. Вместо того он хлопнул Йозефа по плечу и проникновенно заглянул ему в глаза:

– Просто помните о том, что нужно нам. Нам с вами. Так много слов и так мало дела, Йозеф...Вы же обещали, что в ближайшее время решите вашу проблему с русскими. Помните?

– Помню. И сделаю все, что от меня требуется.

– Если не можете справиться, не стесняйтесь обратиться за помощью, Йозеф! Поверьте, наши специалисты разберутся с этой ситуацией очень быстро!

– На своей земле я решаю проблемы самостоятельно, – холодно ответил Книппель. – Я не нуждаюсь в ваших солдатах.

На восток от Лебедей

Бон

Выспаться я толком не сумел. Мне на сон отвели всего три с половиной часа. Все остальное время было занято сборами, инструктажом и скрытным уходом из деревни.

На задание, пахнущее авантюрой, я отправлялся без особого желания, но с пониманием его необходимости. Причины, побудившие командира послать группу именно в таком составе, оставались для меня загадкой, однако поводом для отказа от миссии это быть не могло.

Помимо меня, в разведгруппу входил крепкий, высокий сержант по фамилии Овсенко и стройный, подтянутый хм... кавказец, лейтенант Диляров.

До рассвета мы вышли за деревню и, пользуясь рельефом местности, постарались проделать как можно больший путь, удаляясь от Лебедей. Если судить по карте и допросам пленных, прежде всего Ловкача, нас ожидала довольно благоприятная дорога. Без населенных пунктов, шоссе и грунтовых трасс. Всего лишь прогулка по пересеченной, холмистой местности, изредка разбавленной балками и небольшими, не представляющими трудности в их преодолении лесочками, которые больше напоминали рощи. Прозрачный осинник едва ли представлял из себя хорошее укрытие. Тем не менее, начав свой путь в четыре часа утра, в девять мы остановились именно в таком вот лесочке, на краткий привал.

– Перекусим. – Лейтенант скинул на землю ранец, повернулся к Овсенко, снимающему с плеч горб рации: – Связь, сержант.

Послушно присев рядом, я также скинул рюкзак со спины. Повернул голову, разминая затекшую шею.

– Прием пищи. – Лейтенант обратил на меня внимание. – Ты первый, потом за обстановкой следишь. Расслабляться не будем.

Ничего не ответив, я расстегнул ремень, достал из рюкзака одну из уложенных туда банок с консервами и пробил ножом жестяную крышку.

Придаться к лейтенанту было невозможно. И место он выбрал грамотно, и командовал довольно прилично. Поскольку наш отряд был действительно мал, питаться и спать нам в любом случае придется по очереди. Пренебрегать собственной безопасностью – последнее дело.

Быстро съев тушняка, я запил его водой из фляжки и слегка сдобрил сухарем. Отработав лопаткой, подрыл куст, кинул под него пустую банку. Кивком указал место наблюдавшему за мной Дилярову, который находился рядом с разворачивающим рацию Овсенько. Затем отошел в сторону, проделав короткий путь к опушке лесочка.

Мне, как и двум остальным разведчикам, выдали чистые камуфляжные куртки и штаны. Не цифровой, конечно, но в принципе пойдет. Накинув на голову капюшон и завязав его под подбородком, я аккуратно прилег на разогретую солнцем траву и принялся размышлять.

Ловкач наболтал много. Однако верить ему причин не было. Все остальные его подельники, оставшиеся в живых, твердили в унисон совершенно другое. И именно их версия была более убедительна.

Все же вариант, при котором майор Красной армии колесит через всю страну, разрабатывает суперплан и затем его выполняет, выглядел фантастичным. Бредовым. Уголовники дали иной расклад, гораздо более реальный. Ловкач, по их словам, обещал им приличные финансовые бонусы, а сам утверждал, что работает на металлургический комбинат. И целью их группы являлась довольно смелая и циничная операция. Ловкач должен был вывести эков на место, там они расконсервировали бы хранилище. Химические и биологические заряды таким образом покидали место хранения, а затем распространялись на близлежащих местах добычи полезных ископаемых. И подрывались. С целью биологического заражения определенного участка местности, принадлежащего корпорации Штайнера. Такая вот незамысловатая интрижка. Которая должна была стоить Штайнеру миллионов марок убытка, потери зараженной территории, рудников, производства и трудовых ресурсов.

Мы этот план ломали в корне. Потому что биологическое и химическое оружие нужно было нам, чтобы, прежде всего, обеспечить свою неприкосновенность.

К цели добрались лишь ближе к вечеру. Судя по мрачному лицу лейтенанта и его нетерпению, из графика мы явно выбились, хотя на короткий привал останавливались всего лишь один раз. Быстро покидали тушенки, напились и вновь рванули вперед.

Много времени заняло преодоление открытых пространств, из которых, по большому счету, и состоял весь путь. Нам приходилось останавливаться, вести наблюдение, что выматывало, заставляя держать нервы в постоянном напряжении. Затем следовал короткий бросок до ближайшего укрытия, и все начиналось заново: наблюдение, подготовка, быстрое покрытие открытой зоны.

В общем, это стоило нам серьезных усилий. Я, признаюсь, полностью вымотался. Даже уснул во время последней остановки на вершине холма, где мы укрылись в высокой траве. Опустился на землю, перекинул автомат под руку и тут же провалился в сон. Очнулся лишь от того, что Диляров принялся меня тормошить, озабоченно глядя в глаза:

– Вставай, сержант. Почти у цели. Ничего не наблюдаем, так что последний рывок.

– Виноват, – на автомате оправдался я, стараясь проморгаться и прогнать пелену сна, кружащую голову.

Удостоверившись, что я пришел в порядок, лейтенант добавил:

– Первым пойдешь. Давай, бегом, мы прикрываем.

Машинально кивнув, я перекинул ремень автомата через голову и поправил оружие на груди. Шевельнул плечами, проверяя лямки рюкзака, привстал на четвереньки и бодренько двинулся по склону вниз. Достигнув приемлемого уклона, поднялся на ноги и зачесал в сторону темнеющего впереди леса. Это и было конечной целью нашего рейда.

Привыкший не доверять людям, я сомневался в том, что сказал Ловкач. И вполне допускал, что мы можем проделать весь немалый путь до «хранилища» впустую. Впрочем, это не отменяло того обстоятельства, что к поискам входа в бункер следовало отнестись предельно серьезно. Солнце, опускавшееся за горизонт, вроде бы пока это позволяло. И мы, разделившись, со всей тщательностью принялись за поиски. Время поджимало.

Ровно через пять минут негромкий возглас Дилярова оторвал меня от моего занятия. Подойдя к лейтенанту, я остановился рядом с ним, глядя на небольшую впадину довольно правильной геометрической формы, сплошь заросшую репейником. Оглядевшись по сторонам, я вынужден был признать правоту Дилярова. Мощные, взрослые деревья, росшие очень часто, эту поляну почему-то обходили стороной. Репейник и небольшой подлесок, судя по всему, замаскировали какие-то земляные работы, производившиеся на этом месте. Молодая поросль вполне могла появиться за те самые десять-двенадцать лет.

– Похоже... – согласился я.

– Очень похоже, – подтвердил Овсенко, снимая с ремня лопатку.

То же самое сделал и Диляров. Работы нам предстояло в полном смысле слова – непочатый край.

С дерном и растительностью мы справились за пару часов. К тому времени солнце окончательно скрылось за горизонтом, и наступили сумерки. Пока хватало света, мы копали словно одержимые и остановились на короткий отдых лишь тогда, когда стало окончательно ясно – с местом мы не ошиблись. Лопаты заскребли по бетону и железу. Наверное, мы могли бы продолжить и при луне, однако усталость давала о себе знать. Я просто валился с ног, путая сон с явью, да и сержант с лейтенантом тоже выдохлись. Продолжать смысла не было. Поэтому, едва получив команду на отбой, я провалился в сон.

Окончательно очистили территорию мы уже утром. Приходилось работать с оглядкой, один из нас в обязательном порядке дежурил на возвышенности, остальные двое трудились.

– Заварено. – Диляров, присев на корточки над внушительным люком, озадаченно ударил по нему черенком лопатки. Пальцами счистил землю, обнажая грубый сварной шов.

Я промолчал. На мой взгляд, большой проблемы в этом не было. В моем рюкзаке, как и в ранце самого лейтенанта, лежал тол в брикетах, отдельно хранились взрыватели. Так что сам этот люк никакой проблемы не представлял. Гораздо больше меня волновало то, что хранилось внутри. Не факт, что десяток лет прошли бесследно для всей гадости, что

законсервирована в бункере. Возможно, вскрыв его, мы действительно выпустим демона на волю.

Подобные мысли, видимо, одолевали и лейтенанта. Некоторое время он задумчиво рассматривал люк. Человека, более-менее сведущего в биологических и химических ОВ, среди нас не было. Все, что мы делали, мы совершали на свой страх и риск.

Диляров, подтянув ближе свой рюкзак, извлек из него планшет с картой. Раскрыл его, кивком приглашая меня присоединиться.

– Вот. Ближайший населенный пункт, – ткнул лейтенант пальцем в какое-то немецкое название, – около полутора-двух километров отсюда. Будет слышно.

– Не уверен, – с сомнением покачал я головой, – на открытой местности, два километра. Мы же не бомбы будем взрывать. Сколько надо? Да граммов двести, и все сорвет.

Присев на колено, я указал пальцем на нижний срез сварки:

– Вот тут заложим с двух сторон. Четко сработает.

Нельсон

Короткий стук в дверь оторвал меня от еды. Я, признаться, только-только пристроился на кровати, подвинувшись к столу. Особой охоты кого-то впускать у меня не было.

– Войдите, – с грустью отложил я ложку, взглянув на горячий борщ в глубокой тарелке.

– Доброго утра, боец. – Свиридов, распахнувший дверь, коротко оглядел комнату, словно желая удостовериться, что я в ней один, и уселся на табурет. – Можешь есть. Мне придется отвлечь тебя надолго.

– Нет. Пусть остынет, – покачал я головой. Есть, разумеется, хотелось, но я крайне не любил, когда кто-то в момент приема пищи заглядывает в рот.

– Ну, пусть остывает, – согласился лейтенант. – Как твоя рана?

Вопрос вызывал удивление. Как, собственно говоря, и визит самого Свиридова. Все же, как ни крути, он относился к командованию местного войска, и оба офицера меня своим общением не баловали. Все, что им было необходимо, они узнавали у меня через Клыкова или кого-то еще. Так сказать, соблюдали дистанцию. Один лишь раз за последнее время снизошел до меня Терехов, но, я уверен, это было вызвано всего лишь важностью сведений, которые я обязан был ему предоставить. Не более того.

– Вам должен был медик сказать. Если это действительно представляет интерес.

Симаков осматривал меня каждое утро и каждый вечер. Так что информацией о состоянии моего здоровья он владел даже в большей мере, нежели я сам.

– Ты не кипятись. Если я спрашиваю, значит, так нужно, понимаешь? Обстоятельства такие. – Свиридов, в отличие от Терехова, предпочитал более мягкий стиль общения. Что, впрочем, ни в коей мере не отменяло главного: и лейтенант, и капитан везде и всегда преследовали только свои цели. Но совпадали ли они с тем, что требовалось именно мне?

– Сержант одно скажет. Мне другое нужно – как ты сам-то себя чувствуешь? Ходить можешь?

– Хожу с трудом, – признался я.

– Ну, так ешь! – усмехнулся лейтенант, аккуратно пододвигая ко мне тарелку. – Ешь,

сил набирайся.

Не поддавшись на провокацию, я даже не притронулся к ложке:

– Давайте начистоту, товарищ лейтенант. Вроде не так давно говорили, что все одну лямку тянем.

– Ну давай начистоту, – согласился Свиридов. – С Настей знаком, так? Нравится она тебе?

– Хм... – невольно смешался я. Вопрос был мало того что неэтичный, он, по большому счету, даже не имел ответа. Что это такое «нравится»? В каком качестве «нравится»?

– Дело-то житейское. И девчонка хорошая... – как-то обыденно, понимающе добавил лейтенант.

– Не-не-не! – наконец-то нашелся я с возражениями. – Не так вы все поняли. Если вы про платья, то это же нормально! Без обид, но то, в чем она ходит, у нас так и бабушки не ходили. Это ужасно. Должна быть приличная одежда. Это же девушка. Женщина в будущем!

– Это понятно, – успокаивающе кивнул головой Свиридов. – Просто дело такое: опасность нам всем грозит нешуточная. Ты это понимать должен, как никто другой. Цацкаться с нами немцы не будут. С *нами*, понимаешь?

– С трудом, – прищурился я.

– Со мной, с капитаном, с разведчиками всеми и с моими людьми разговаривать никто не будет. Немцы потихоньку силы подтягивают к деревне. Угадай, кто из всех, находящихся в доме, будет нужен фашистам?

– Подождите! – оторопел я от расклада. – Ерунда какая-то. А уйти что, не получится?

– Нет, – покачал головой Свиридов.

– Почему?

– Давай-ка так... чтобы ты в облаках не витал. Мы долгое время водили немцев за нос. Но всему приходит конец. Из деревни нас не выпустят. Вернее – не выпустят никого, кроме тебя. Понятно?

– А Бон где? Мне говорили, что у него какое-то важное задание, – нахмурившись, уловил я несоответствие.

– Есть такое дело, – согласился Свиридов, – это наш вариант на спасение. Сработает он или нет, пока не ясно. Я тебе карты открываю, парень. Ничего не таю. Из всех нас для немцев ценен только ты. Уяснил?

Я замедленно кивнул. Свиридов продолжил:

– Через два дня истекает срок, который нам поставили. Если ничего не изменится, пойдешь к немцам.

– Не пойду! – тут же решительно возразил я.

– Тогда погибнешь при штурме, – равнодушно пожал плечами лейтенант.

– Не вопрос, – с вызовом взглянул я на Свиридова, – какого хрена тогда вы меня выручали и колонну ту громили? Мне и там конец был. Я к немцам не ходок, лейтенант. Мне там делать нечего.

– Подгонят технику, и нам тут не продержаться, – будто бы не слыша меня, продолжил Свиридов.

– Дадите мне оружие в руки. Вроде бы не опозорил, – переняв тактику лейтенанта, я

тоже перестал вслушиваться в его аргументы.

– Артиллерией накроют по площади и все смешают с землей. Все и всех, парень. Меня, тебя, капитана, ребят всех и... Настю, – цепко взглянул мне в глаза Свиридов.

Собираясь ответить что-то героическо-нейтральное, я осекся. Поймал-таки меня лейтенант. Легко распорядиться своей жизнью и судьбами здоровых военных мужиков. А вот как принять на себя ответственность за девчонку-подростка?

– Можно, конечно, ее пустить к немцам, – все так же, не отрывая взгляда, добавил Свиридов, – стрелять в нее они не будут. Зато вот что другое сотворят за милую душу. Верно, парень? Ты же знаешь, как здесь живет...

– А со мной она прям в безопасности, – недоверчиво усмехнулся я, – тут ведь разговорить любого – раз плюнуть. Тем более зная, что она мне дорога...

Свиридов ничего не отвечал, вынуждая меня закончить свою мысль.

– Да Бон примером! – вспомнил я. – Я ведь тоже разменивал сведения свои на его лечение. А как меня топтать начали, все выдал!

– Твой друг жив, – прервал меня Свиридов, начисто отрицая действенность моей аргументации.

С этим трудно было не согласиться, но я все же попытался:

– Бон – воин. Зачем сравнивать?

Лейтенант ничего не ответил. Верно. Его доводы были гораздо весомее, нежели все мои оправдания.

Я посмотрел на остывающий борщ, отметив про себя, что начисто потерял аппетит.

– Ты же не хочешь лишиться ее шанса?

Не хочу. В этом Свиридов был прав. И скорее всего я выполню то, что предлагает мне лейтенант. По истечении ультимативного срока пойду и сдамся вместе с Настей. Искренне надеясь и делая все возможное, чтобы она осталась в живых.

Я поднял глаза от тарелки с едой и встретился взглядом с лейтенантом. Свиридов будто заглядывал душу. Читал меня безошибочно. Но, не удовлетворяясь этим, ждал подтверждения вслух.

– Так и сделаем лейтенант, – поддаваясь, выдавил я из себя. У меня было ощущение, будто я давал слово покойнику. Хотя... разве не так? – А вы? Вы все? – Бессмысленный вопрос. Какой-то жадный, извращенный интерес. Разве я не знаю ответа? Или мне что, хочется слышать душу, вывернутую наружу, героические слова и киношные обещания?

Я сам не мог себе это объяснить.

– Обстрел никогда не подавит оборону полностью. Да и в интенсивности и силе артиллерии я тоже сомневаюсь. Им придется штурмовать эти дома, парень, если они захотят убедиться в своей победе.

Все верно.

Я давал обещание мертвецу.

Другие

Свиридов, сделав несколько шагов, остановился у развалин дома. Вся буферная зона,

отделяющая район Лебедей, который занимали разведчики, от остальной части деревни, была перегорожена колючей проволокой и мотками спирали. Уже на второй день данного Книппелем срока немцы четко показали, что больше оттягивать решение вопроса они не намерены. Превратив пустующие дома в труднопреодолимую полосу препятствий, фашисты разместили за ней посты с пулеметами и стрелковым оружием. Идея прорыва через Лебедей, таким образом, была нежизнеспособной.

Такая же картина наблюдалась и на внешнем периметре, за границами населенного пункта. В пределах прямой видимости немцы сборными деревянными конструкциями с элементами колючки и спирали перегородили возможные пути отхода. Выставили посты и произвели произвольное минирование.

Разведчики, начиная с часа дня, фактически оказались запертыми на своем небольшом пятачке на северо-западной окраине Лебедей. Занимая десяток домов и будучи окруженными со всех сторон, нечего было и думать об оказании действенного сопротивления.

Терехов, не изменяя себе, хранил спокойное молчание и всем своим видом выражал уверенность в положительном исходе. Свиридов относился к происходящему с большей настороженностью. Впрочем, и он старался этого не показывать, дабы не нервировать и не заражать неуверенностью личный состав.

Остановившись вблизи одного из домов, лейтенант с любопытством посмотрел на сбитые из досок ворота, установленные прямо посреди улицы. За опорными столбами, увитыми колючей проволокой, прекрасно было видно несколько вооруженных охранников.

Непреодолимого препятствия столбы с колючей проволокой и наспех собранные ворота из себя вроде бы не представляли. Тем не менее попытка преодолеть эти укрепления наверняка была бы связана со стрельбой, подрывами и прочим шумом, который позволил бы немцам мгновенно засечь место прорыва. Перебросить свободные части и при наличии подавляющего численного преимущества уничтожить разведчиков.

Конечно, существовал вариант с отвлекающим маневром, однако Свиридов сомневался, что подобное развитие событий не предусмотрено немцами. Наверняка они имеют в наличии несколько мобильных групп, которые могут оперативно реагировать на любое изменение ситуации и перекрыть не один и даже не два места прорыва.

– Доброго утра, лейтенант. – Книппель, приветливо помахав рукой из-за изгороди, дождался, когда для него откроют ворота, и подошел к Свиридову.

– Доброго, – ответил лейтенант и выразительно посмотрел по сторонам. – Что все это значит?

– Решил облегчить вам задачу, – безмятежно пожал плечами Книппель, – я подумал, что в условиях напряженной обстановки вам будет легче проверить ваше дельце.

– Сомневаюсь, – отрицательно качнул головой Свиридов, – сверните это все.

– Ни в коем случае. Даже не просите. Вы помните о сроке, лейтенант?

– Помню и делаю все возможное.

– Вам лучше поспешить, – честно предупредил Книппель, – на исходе следующего дня ваша помощь мне уже не понадобится.

– Интересно было бы узнать, что вы собираетесь делать, – скривился Свиридов, – неужели. устроить штурм?

– Надеюсь, что вам не суждено будет это узнать, лейтенант. Если вы сделаете все, как обещали, мы обойдемся без крайних мер.

– Сделаю, – не замедлил ответить Свиридов, – можете не сомневаться.

– Ну вот и отлично, – кивнул Книппель. Обернулся, подзывая кого-то из-за забора. Дождавшись, когда человек приблизится, немец забрал из его рук два внушительных бумажных пакета.

– То, о чем вы просили, лейтенант. Одежда. Последняя мода, цените. – Книппель довольно улыбнулся, передавая пакеты Свиридову.

– Благодарю.

– Я вот что подумал... – довольно глядя на несколько обескураженного Свиридова, добавил Книппель. – Сделаю вам небольшую поблажку. Я готов принять вас, мальчишку и вашу даму. Правда, это хорошая новость?

– Замечательная.

– Вижу, вы чем-то озабочены, лейтенант. Не буду отнимать у вас время. Понимаю, его и так немного. – Книппель, изобразив радушную улыбку, направился к воротам. Обернулся на ходу:

– До вечера завтрашнего дня, лейтенант. Ни секундой больше.

Сделав еще несколько шагов, остановился в открытом проеме. Повернулся:

– Если у вас что-то не сложится. Или не сумеете. По любым причинам. Пожалейте детей, лейтенант. На том свете вам это зачтется.

Свиридов повернулся и направился к клубу, прижимая к груди большие бумажные пакеты.

– Черное, лейтенант. Платье на девушке должно быть черным, – донесся вслед издевательский крик немца.

– Дурное чувство юмора. – Свиридов, разложив вещи из пакетов на столе, покачал головой и закусил в недоумении нижнюю губу. Терехов, отстраненно наблюдая за занятием лейтенанта, позволил себе легкую усмешку:

– Это не юмор. Это прямое приглашение.

Темой обсуждения для офицеров стало платье, которое передал Книппель. Идеально черное, прямое, с закрытым лифом и короткими рукавами, с единственной красной полосой-вставкой на поясе. Оно не было повседневным, в отличие, скажем, от второго, сиренево-синей расцветки, напоминающего сарафан. И не было выходным, парадным или бальным, ибо те предполагают более изысканный стиль. Платье было траурным.

– Приглашение на похороны?

– Наши, – уточнил Терехов.

Не найдя что еще сказать, Свиридов занялся разбором содержимого другого пакета. Две пары обуви – довольно изящные туфельки и более простые босоножки. Белье. Какие-то простенькие украшения.

– Они вскрыли хранилище.

Свиридов, занятый своими далеко не радостными мыслями, вскинул голову:

– И ты молчишь, капитан? Что там?

– Оружие. То, о котором говорили.

Свиридов, положив коробку с украшениями на стол, пристально посмотрел на Терехова. Уверенность капитана, граничившая с каким-то маниакальным упорством, поражала, а иногда просто выводила из себя. Однако сейчас обращать на это внимание не хотелось. В который раз уже Свиридов убеждался, что за железной непробиваемостью Терехова стоит четкий и точный расчет.

– Они успеют?

Капитан пожал плечами:

– Должны. У них нет другого выхода. Как и у нас, собственно. Мы ведь приглашены на похороны, лейтенант. И дата назначена. – Терехов кивнул на черное платье на столе.

Двадцать пять километров на восток от Лебедей

Бон

Подрыв прошел чисто. Люк разнесло напрочь, выворотив из бетона. Овсеенко старательно потянул носом воздух. Диляров и я, облаченные в противогазы, саперными лопатками расширили проход, отогнув несколько острых лепестков, оставшихся от креплений люка. Затем лейтенант вытащил из чехла на ремне фонарь и неуклюже включил его. Толстые перчатки, надетые на руки, затрудняли даже такое простейшее действие. Впрочем, других средств защиты у нас все равно не было. Только противогазы и кожаные перчатки, снятые с мотоциклистов. Именно по этой причине Овсеенко, держа нос по ветру, принохивался к запахам. Если бы ему удалось унюхать что-то ненормальное: горчинку, запах каштана и тому подобное, – нам следовало сворачивать всю операцию и как минимум брать паузу на раздумья.

Наклонившись, я заглянул вниз, следя за медленнодвигающимся лучом света от фонаря. Лестница, ведущая к полу. Бетон, покрытый слоем пыли, какие-то стеллажи. Никаких зловеще поблескивающих луж ядовито-зеленого цвета и мутировавших крыс.

Поманив Овсеенко к себе, Диляров вопросительно мотнул головой. Сержант шумно втянул ноздрями воздух. Прислушался к своим ощущениям и повторил операцию.

– Затхлость и пыль чувствую. Все, – поочередно посмотрев на наши лица, закрытые резиновыми противогазами, ответил Овсеенко.

Вздохнув, я подошел к отверстию люка и осторожно, стараясь не обрезать о рваные металлические края, встал на лестницу. Притопнул пару раз по ее перекладинам, проверяя прочность, и, медленно перебирая руками, принялся спускаться. Диляров, оставшись сверху, в меру своих сил подсвечивал мне фонарем.

Ступив наконец на пол, я отошел на шаг от лестницы и включил собственный фонарь. Луч света прошелся последовательно по потолку, стенам и полу. Опустившись на корточки, я провел пальцем по бетонной поверхности: толстый слой пыли лениво колыхнулся.

Бункер представлял собой довольно большое помещение с высоким потолком, почти полностью заставленное деревянными стеллажами. На них, на разных уровнях и в

совершенно, казалось, произвольном порядке, были уложены баллоны и контейнеры. В одном из углов бункера на высоких поддонах стояло впритык два десятка бочек.

Обернувшись к спустившемуся за мной Дилярову, я показал лучом фонаря на стеллажи и промычал в маску:

– Посмотри, чтобы не было утечек. Обойди все!

Показывая, что он меня понял, лейтенант кивнул и отошел к соседнему стеллажу. Я же принялся за осмотр своей части помещения. Нам следовало как можно внимательнее исследовать все контейнеры и отобрать те, которые покажутся нам наиболее приемлемым как для транспортировки, так и для использования. Оставленный наверху Овсенко должен был следить, чтобы наши поиски никем не были прерваны, и заодно постоянно принюхиваться, дабы сообщить, едва лишь учует какие-то посторонние запахи.

Несмотря на то что нам приходилось торопиться, об осторожности мы тоже не забывали. Будет обидно, если все усилия пойдут прахом из-за какой-то мелочи. Именно по этой причине мы тщательно обследовали все хранилище, ища утечку или какие-то повреждения на баллонах, канистрах и снарядных капсулах, по большей части в беспорядке разложенных на стеллажах.

Лишь после того, как осмотр дал нам хоть какую-то уверенность в собственной безопасности, мы приступили к решению основной задачи. Следовало выяснить, что же за гадость хранится в бункере.

Ни я, ни Диляров, ни тем более Овсенко не были специалистами в химическом или биологическом оружии. Однако мудрено было не понять главное – громадные баллоны со снятыми вентилями и здоровенные бочки наверняка содержали что-то отравляющее. Аккуратно раскачав одну из них, мы установили, что внутри плещется жидкость.

– Иприт, – прогундосил Диляров из-под противогаза.

– Иприт – газ, – возразил я.

– Жидкость, – несогласно покачал головой лейтенант, – жидкость, точно.

Я равнодушно пожал плечами. Будь в этой бочке даже иприт в какой-то твердой форме, нам бы это мало помогло. Нужны были емкости гораздо меньшего размера, удобные в транспортировке. Ну и конечно, было бы неплохо точно установить, где и какое именно ОВ содержится.

– Надо брать то, что можно унести, – подергав последовательно еще несколько канистр, контейнеров и баллонов и не обнаружив на них никакой маркировки, заключил я. – Предлагаю взять разных форм. С чем-то все равно угадаем.

Диляров отошел в сторону с сосредоточенно водил лучом фонаря по полу. Заметив что-то, махнул рукой, подзывая ближе. Аккуратно вернув на место квадратный контейнер, я подошел к лейтенанту. Диляров посветил на пол, показывая на углубленную квадратную нишу, накрытую идеально прилегающим куском железа. Тщательно осмотрев его по краям, я довольно скоро обнаружил две приваренные ручки, которые, вероятно, облегчали процесс проникновения в это дополнительное хранилище.

– Лезем?

Для меня это был не вопрос. По аналогии со всякими играми, сказками и фильмами я

полагал, что главные бонусы должны быть как минимум спрятаны. Нычку мы нашли. Теперь оставалось лишь проверить ее. Ухватившись за скобы, я с натугой потянул на себя железную крышку.

Нельсон

После утреннего разговора настроение у меня было – хуже некуда. Конечно, по здравом размышлении я согласился с доводами Свиридова и предложенный им план принял безропотно. Но смириться с тем, что мне рассказал лейтенант, было сложно.

В определенном смысле я уже чувствовал себя своим в окружении разведчиков. Это было, наверное, сродни тому самому чувству единения, что накрывает тебя на стаде или на выезде. Я не могу привести других примеров. Но вы должны понять. Может, какой-то рок-концерт, да митинг чертов, в конце концов. Ведь там все люди братья, сестры и тому подобное. Вот и здесь я почувствовал нечто схожее.

Здесь все в действительности готовы были стоять за тебя, а ты – сражался за них. С оружием в руках, окончательно решая вопрос с врагом.

Черт побери, как это отличалось от трепы, к которому я привык! Как разнилось с равнодушием, которым было пронизано современное мне общество! Как, в конце концов, это было единственно правильно!

И вдруг, всем сердцем поверив в это, полностью отдавшись чувству единения, командной сплоченности, оказаться жестоко обманутым! Неужели наши устремления, твердая жизненная позиция, отрицающая вранье самим себе и диктующая лишь один метод борьбы с врагом – его уничтожение, неужели все это оказалось неверным? Почему именно этот вариант, описанный в книгах, воспетый в стихах, преданиях, почему именно он оказался провальным? Привел нас фактически на плаху?

У меня не было ответа на эти вопросы. Задавать же их кому-то другому мне не хотелось. Да и вряд ли кто-то мог помочь в этом деле. Будь на вооружении у капитана и лейтенанта какой-то другой вариант, пожалуй, именно его бы они и избрали. Ведь не самоубийцы же – слепо следовать единственной линии поведения, совершенно четко сознавая, куда она ведет.

А с другой стороны, почему бы и нет? Ведь это мы с Боном из другого мира. Где возможны компромиссы, перемирия с врагом, да и прямое сосуществование с ним. Что, если Терехов и Свиридов даже и не рассматривали такую возможность? Если у них и в мыслях не было попытаться не враждовать с немцами?

Тогда, конечно же, все вставало на свои места. Понятна была их непримиримость и стремление бороться, несмотря ни на что.

Но почему их позицию безропотно принял и я, прекрасно сознавая, к чему это приведет? Почему и меня это захватило до такой степени, что об ином исходе противостояния, кроме как победа, я и не думал? И Бон (я ведь прекрасно помнил его прощальные слова)... он сказал мне, уходя: «Не вздумай сдаваться». Никогда, ни при каких обстоятельствах, не поддавайся. Почему он воспринял все так же, как и я? Почему мы оба были уверены в том, что лучше погибнуть, нежели сдать немцам?

Короткий стук в дверь прервал мои размышления. Не дожидаясь ответа, Настя в буквальном смысле ворвалась в комнату. Стремительно сделав пару шагов, остановилась, демонстративно уперев руки в бока. Наверное, именно так, по ее мнению, и должно было выглядеть дефиле.

Поневоле улыбнувшись, я посмотрел на девушку, облаченную в темно-синее с фиолетовыми вставками приталенное платье, перехваченное темным поясом. Широкие лямки, прямой, небольшой квадратный вырез. Черные аккуратные босоножки на небольшом каблуке. Выглядывающее из-под широких лямок платья белоснежное белье.

Платье, судя по всему, было для нее непривычно. Фасоном своим. По крайней мере, оно позволяло демонстрировать незагорелые предплечья и колени, которые раньше были скрыты от солнца. Ну и каблуки. Слава богу, что немцы не додумались презентовать нечто на шпильках, а ограничились пусть и простенькими, но весьма симпатичными босоножками.

– Отлично, – понимая, как нужно Насте мое одобрение, подтвердил я. – Даже не ожидал, что будет так здорово!

Девочка поправила платье, будто бы пытаясь его одернуть. Коснулась пальцами красных бус на шее.

– Ага, – кивнул я, – тоже здорово. Самое то!

– Как тебе вообще это удалось?! – Широко распахнув глаза, девушка едва ли не запрыгнула на мою кровать, вынуждая меня резко подвинуться. Незажившая рана дернула по нервам, и я недовольно сморщился. Чего Настя, занятая своими мыслями, разумеется, не заметила. – Где ты это взял?! Там просто куча всего такого! – Сразу несколько взаимоисключающих предположений обрушились на меня вместе с девчонкой. В прямом смысле слова. Настя фактически надела на меня, хватая за плечо и заглядывая в глаза.

– Тише-тише! – постарался я ее урезонить. Тут же нашелся, вспомнив о своем увечье. – Я же раненый, а ты меня так тормозишь! Давай по порядку все. О'кей? В смысле, договорились?

– Договорились, – отпрянула она и все так же, не сводя сияющих глаз с моего лица, повторила: – Мне капитан сказал, что вся эта одежда – твой подарок! Где ты взял это, рассказывай скорее! Или... – Девочка задумалась, а затем, лукаво улыбнувшись, сжала кулачок, демонстрируя его мне: – Или я не посмотрю, что ты раненый. Ясно?

Не выдержав, я рассмеялся. Прямо залился хохотом – настолько уморительно выглядела ее деланная серьезность. Следом за мной рассмеялась и сама Настя. Сначала прыснула в кулачок, а затем захохотала.

Все так же, не прекращая смеяться, подалась вперед и прижалась ко мне, благодарно обнимая. Правда, памятуя о моем предупреждении, не сильно при этом напирала.

Я после некоторого колебания также аккуратно обнял девочку, разделяя ее восторг. Правда, мысли у меня при этом были далеко не такими же радужными, как у Насти.

Бон

Уже через десять минут после того, как мы спустились на второй уровень хранилища, я понял, что мы попали в кон. Идеально выбили десятку в своей мишени.

Начну с того, что на второй уровень уходила не вертикальная лестница, а добротные сваренные и установленные ступени с перилами. Внизу мы ощутили недурственную прохладу даже по сравнению с первым этажом, на котором было отнюдь не жарко. Следующее отличие заключалось в том, что порядок, царивший здесь, можно было назвать образцовым.

Посветив по сторонам, Диляров снял со спины рюкзак, поставил его на один из покрытых пылью столов и спешно расстегнул клапан. Посветив внутрь, вытащил планшет и, неловко перебирая пальцами в толстых перчатках, выудил наконец то, что его интересовало. Заглянув через плечо лейтенанта, я посмотрел на рисунок. На нем была тщательно скопированная, увеличенная картинка с фотопленки.

Скользнув лучом фонаря по столам, Диляров быстро переместился к крайнему, задвинутому в угол. Посветил на бока выставленных друг на друга контейнеров размерами примерно полметра на полметра и задержал круг света на бумажке, приклеенной к боку одной из емкостей. Выведенные на бумаге цифры и буквы явно образовывали какой-то код. Посветив еще раз на рисунок и сверив надписи, Диляров указал фонарем на контейнер:

– Чума.

Потратив некоторое время на осмысление услышанного, я опасливо взглянул на Дилярова. Протянув руку, взял из его ладони рисунок. Вглядевшись, я различил четкие надписи, поясняющие, какое именно вещество соответствует определенному шифру. Прошел в противоположную сторону, остановился у одного из столов, заставленного примерно такими же по форме и размеру контейнерами, и оглядел наклеенные на них таблички.

Сверился со списком и уже без всякого удивления констатировал:

– Холера.

Вновь провел лучом света по столам. Контейнеров было, мягко говоря, до черта. Чума, холера, ботулизм, а также сибирская язва, которые тут, судя по всему, находились, таили в себе угрозу в тысячу раз большую, нежели баллоны несчастного иприта этажом выше. Это был козырь.

Наш козырь.

Как это часто бывает, реальность не вяжется с нашими замыслами. Подкидывает проблемы, а зачастую просто безжалостно обламывает. Именно это произошло и с нами.

Потратив примерно час, мы в достаточной степени исследовали бункер и поднялись наверх. Овсеенко, сложив с себя полномочия часового, взялся за рацию, а я, стащив противогаз и перчатки, напротив, перехватил удобнее автомат и поднялся на горку. Пока все шло неплохо, и прерывать эту полосу везения собственным безрассудством не стоило.

Впрочем, долго находиться на посту мне не пришлось. Довольно скоро Диляров привлек мое внимание повелительным взмахом руки. Снова сменившись с Овсеенко, я оказался рядом с лейтенантом.

– Лебеди полностью окружены. Капитан не может прислать нам транспорт. Он просит поторопиться, – сказал он быстро и озабоченно, а затем протянул наушники.

Напялив их, и произнеся в микрофон:

– Прием, – я тут же услышал голос Терехова.

- Слышишь меня хорошо?
- Слышу хорошо, – подтвердил я.
- Груз найден?
- Найден, подтверждаю.

– Отберите наиболее эффективные образцы. Завладейте транспортом. Завтра до вечера крайний срок. Вы должны оказаться в восточной стороне, где идут разработки. Ты понял, сержант?

– Так точно, – отозвался я, несколько недоумевая, почему приказания отдаются мне, а не старшему по званию и возглавлявшему группу Дилярову.

– Любыми путями, сержант. Сделай все, что можешь. Завтра вечером будет штурм. Вы должны успеть до этого срока. Если у вас не получится, знай: твой друг у немцев. Ты понял, сержант? Мы его выдаем.

- Понял, – спустя секунду отозвался я. И добавил: – Спасибо, капитан.

Диляров, забравший у меня микрофон и наушники, выслушал еще несколько фраз, подтвердил, что ему также все понятно, и выключил рацию. Озадаченно посмотрел на меня.

– Товарищ лейтенант, карту! – На мой взгляд, решение у задачи было элементарное. Если первоначально, в случае успеха нашего предприятия, мы должны были доложить об этом и ждать транспорта, то теперь следовало раздобыть его самостоятельно. Где? Наивный вопрос.

Диляров, вытянув из планшета карту, развернул ее на земле. Быстро определившись с нашим местонахождением, я ткнул пальцем в ближайший населенный пункт с неизменно немецким названием.

Лейтенант, проследив за моими действиями, согласно кивнул:

- Обед. Потом снимаемся – и в деревню.

Наскоро перекусив, мы слегка замаскировали место наших изысканий, закидав его рублеными ветками кустарника. Затем, проведя ревизию в вещмешках, вытащили лишнее, укрыли в быстро изготовленном тайнике и через несколько минут, хорошенько подогнав снаряжение, были полностью готовы к новому витку противостояния с внешним миром.

Поработав еще некоторое время с картой, мы изменили первоначальное решение. Поскольку нам нужен был транспорт, село не должно было быть населенным пунктом, всего лишь обозначенным на карте. Нам требовалась достаточно крупная деревня, желательно с каким-нибудь производственным или сельскохозяйственным комплексом. И посему главным критерием для отбора места мы сочли наличие, по крайней мере, грунтовой дороги, обозначенной на карте, а также какие-либо упоминания о производстве, которые можно было найти в названии или пояснении к нему.

Искомое нашлось примерно в километре от нас. Деревня имела длинное название, в составе которого я сумел перевести слова «сельская», «продуктовая» и «община», а также к данному населенному пункту вели сразу три дороги. По сути, село находилось чуть ли не на перекрестке и нашим требованиям отвечало на все сто процентов.

Взглянув на часы, я переглянулся с Диляровым.

- На подход со всеми хитростями – час. Полчаса на наблюдение и определение цели.

Мы успеваем только к вечеру. Ночью выдвигаться назад бессмысленно. Что думаешь, товарищ лейтенант?

– Почему не хочешь ночью?

– Пристрелят. Даже приблизиться не дадут, и слушать нас никто не будет. Можно только днем, утром, в светлое время суток.

– Не согласен. Почему они должны стрелять? Ждут, что прорывать будут изнутри, снаружи никакой опасности нет. Ночью проще – неразбериха. Посты, если надо, снимем, не надо – просто проедем! Нам нужно лишь оказаться в деревне. Как только мы будем внутри, ни одна собака нас не тронет!

Я понимал, о чем говорит лейтенант. И не будь у меня за спиной столь опасного груза, я бы принял его план безоговорочно. В ночной операции преимущество получает нападающий. Еще весомее это преимущество становится в случае хорошей обученности и сплоченности атакующей группы. Короче говоря, мы могли бы навести шороху и, вполне вероятно, проникнуть в деревню. Однако в нашем случае любая случайная пуля, попавшая в контейнеры, которые мы собирались брать с собой, превращала нас в гарантированных покойников.

– Если нас обстреляют, нам конец. А ведь этого нельзя исключить. Нам следует подъезжать на свету, чтобы нас прекрасно могли видеть. И не в саму деревню. Капитан абсолютно четко выразился – мы должны оказаться на раскопе. Шахте этой чертовой. Немцам плевать на население и даже на своих людей, но вот терять шахту, зараженную всякими стойкими микробами, они не будут. Это единственный вариант, товарищ лейтенант.

– Движение! – старательно приглушая голос, прервал нас Овсенко. – Вижу людей.

В ту же самую секунду тишину нашей небольшой рощи вспорола автоматная очередь.

Сдернув ремень с плеча, я перехватил оружие, одновременно откатываясь в кусты. Примерно то же сделал и Диляров, разворачиваясь в сторону, откуда раздались выстрелы.

С наблюдательного поста заработал Овсенко, короткими очередями останавливая противника. Сориентировавшись, и я выстрелил пару раз на звук, лихорадочно пытаюсь сообразить, где же мы лопухнулись.

– Вы окружены! – заполошно орал кто-то снизу, из густых кустов орешника. – Бросайте оружие!

Вместо ответа Диляров, расположившийся в нескольких метрах от меня, дал очередь в сторону врага. Зашуршал выше Овсенко, меняя позицию. Я полез в карман маскировочного костюма, выживая из него гранату. Если уж мы лажанулись настолько, чтобы пустить врага в нашу сравнительно небольшую рощу, то итог предreshен. Сейчас мы станем кидать друг в друга гранаты, и выиграет в соревновании тот, у кого их окажется больше.

– Соппротивление бесполезно! – вновь подал голос наш противник. – Поднимите руки и бросьте оружие! Мы гарантируем вам жизнь!

Бросать оружие?! Не для того мы его брали, не для того тащились черт знает куда, чтобы вот так запросто с ним расстаться. Дернув чеку, я разжал пальцы, выпуская предохранительную скобу, и без особого размаха кинул гранату вниз, откуда раздавался крик. Прижался к земле, отполз, стараясь привлечь внимание Дилярова. Лейтенант прекрасно

меня понял и тоже отпрянул назад, одновременно роясь в собственных карманах.

Приглушенный хлопок, соединенный с шелестом разлетающихся осколков, срубленных веток и листьев... Диляров, синхронно повторив мои движения, сдернул кольцо и отправил собственную гранату ниже по склону, в густые кусты. Это был единственно возможный ответ на предложение сдаться. К сожалению, подобных аргументов у нас было не так много. Разве что...

Переместившись под прикрытием второго взрыва, я оказался рядом с Диляровым:

– Лейтенант, надо достать баллоны из хранилища. Хотя бы парочку. Нам их подорвать – раз плюнуть: противогазы у нас есть. Иначе – хана.

Лейтенант, остро взглянув на меня своими пронзительно карими глазами, на секунду задумался. Недовольно дернул губой.

Это понятно. Примени мы ОВ, разговор с нами будет короткий и жесткий. О сдаче в подобном случае можно и не думать. Но все же, разве не эту тропу мы выбрали? Лично я не допускал возможности плена. Пока у нас в руках оружие, сдаваться нельзя. Мы должны сделать все возможное, чтобы вылезти из этой передраги и постараться выручить окруженных в Лебедах.

– Взорвем, а дальше что? – нахмурился Диляров.

Иначе как нерешительность, его поведение я трактовать не мог. Растерянность? Командир не имеет права быть растерянным и упускать нити инициативы из своих рук. Не спору – возможно, он никогда не сталкивался с такой ситуацией и слабо представляет себе ее последствия. Не решается дать команду, исполнение которой поставит нас за грань призрачных этических норм ведения боевых действий.

– А дальше еще взорвем. И еще. Ты за кого боишься, лейтенант, за них или за нас? – зло прошипел я, уставившись на кавказца.

Тот, вспыхнув, пошел красными пятнами.

– Я за себя отбоился уже, сержант. Нам надо выйти отсюда, чтобы до Лебедей добраться, понимаешь? И в трусости меня не упрекай. Выберемся – мы с тобой об этом еще поговорим.

– Поднимите руки и сдавайтесь. Это последнее предупреждение! – вновь заголосил кто-то снизу.

Диляров кивнул мне в направлении схрона. Отвернулся обидчиво и прокричал в ответ:

– Сюда иди один. Поговорим!

Не вслушиваясь больше в переговоры, я змейкой скользнул к замаскированному входу в бункер, уже примерно зная, что мне нужно.

На все про все я потратил всего десять минут. Нырнул в бункер как был – без противогаза и перчаток. Риск заражения или отравления был для меня менее значителен, нежели потеря времени.

Скользнув лучом фонаря по стендам и стеллажам, быстро хватанул с ближайшего внушительный баллон, весом килограммов в десять. Перехватил его удобнее, искренне сожалея, что не могу взять больше, и, соблюдая осторожность, полез вверх по лестнице.

Скажу сразу: что именно прихватил, я не знал. Единственным доступным для меня

критерием классификации был следующий – баллоны содержат газ, а емкости – жидкое ОВ. Насколько мне известно, газ по своим поражающим свойствам сильнее. Да и взять что-то более массивное я не мог. Подниматься по вертикальной лестнице с приличных размеров баллоном под мышкой – уже сомнительное удовольствие.

Аккуратно выглянув из люка, я с максимальными предосторожностями положил свою ношу на землю. Затем, выбравшись сам, толкнул перед собой баллон, перекатывая его. Устроив на руках, медленно пополз, стараясь подобраться ближе к склону. Вставать во весь рост и богатырским методом кидать сосуд меня совершенно не прельщало. Проще было метнуть его над поверхностью, вниз по склону и расстрелять.

– Они подгонят для нас машину. – Приглушенный голос Дилярова настиг меня, когда я пристраивал баллон рядом с собой, переворачиваясь набок, чтобы достать противогаз.

– Не верю в эти договоры, – так же, неслышно, почти шепотом, ответил я. – Если проследили нас, то знают, в каком мы количестве. Чего с нами цацкаться?

– Оружие! – злясь на мою непонятливость, повысил голос Диляров. – Они знают, что здесь находится. Никому не охота, чтобы мы тут все повзрывали. А я им об этом сказал. Что заминировано все и мало никому не покажется.

Да, в какой-то мере это было сдерживающим фактором. Но нам приходилось уповать на крайнюю вменяемость оппонентов. Что им мешало, к примеру, отойти от рощи и закидать нас минами? Понятное дело, что в этом случае мы гипотетически подрывали склад, но лично нам это уже не приносило никаких дивидендов. Кроме, может быть, ореола мучеников-шахидов.

Тот же самый расклад с машиной. Можно ведь запросто расстрелять нас на подходе к ней, можно установить взрывчатку в сам автомобиль, можно прошить из пулеметов уже движущийся транспорт. Вариантов – море, и все не в нашу пользу.

Черт побери, все было шито белыми нитками! Размышлять за противника, когда он озадачил тебя внезапным нападением, последнее дело. Терпеть не могу неподготовленности. Нет плана – действуй по шаблону. Но каков он в данной ситуации?

Стоп. Вариантов, устраивающих нас, всего два. Первый – нападающим нужны мы живыми. Второй – им необходим склад в полной сохранности. Любые другие условия ставили крест на наших жизнях.

– Кто там? – прошептал я, косясь на Дилярова. – Что за банда?

Лейтенант, видимый мне лишь отчасти, поскольку лежал в укрытии, ответил:

– Не знаю. Не спрашивал.

– Парни, вы чьих будете вообще? – Неожиданность не ставит меня в тупик. Включается какой-то внутренний механизм, позволяющий, пока обдумывается ситуация, предпринять какие-то резкие ответные действия. Иными словами, я на удар отвечаю ударом, на выстрел – выстрелом и лишь потом, когда минимум информации собран, принимаю решение. Диляров, начавший разговор с противником, по сути поступил абсолютно верно. Если нас не накрыли из тяжелого вооружения, значит, мы зачем-то нужны. Осталось выяснить зачем.

– Для чего тебе это знать? Машину сейчас подгоним, спокойно уедете, – на сей раз ответил другой голос. И мне показалось, что я услышал знакомые интонации.

– Уедем или нет – это нам решать. А нам и тут вроде неплохо, – возразил я. Хотелось

еще раз услышать говорившего. Покладистость нападавших казалась подозрительной. Кроме того, я не мог отделаться от ощущения, что знаю того, кто с нами ведет переговоры.

– Ну, казачки по твою душу пожаловали, солдатик. Легче тебе стало? – Услышав ответ, я едва не выругался вслух.

Ни фига не легче. Зато голос понятно откуда знакомый. Повернувшись к Дилярову, я похлопал по земле, чтобы привлечь его внимание. Лейтенант, подавшись назад, вынырнул из-за укрытия и вопросительно посмотрел на меня. Я провел большим пальцем по собственному горлу и красноречиво ткнул ладонью вниз в сторону казаков. Диляров, не осведомленный о моих отношениях с последователями Краснова, пожал плечами. Продолжая пантомиму, я с досадой сморщился и, ткнув пальцем в лейтенанта, а затем в себя самого, скрестил ладони, абсолютно точно давая понять, чего я ожидаю в итоге.

– Ты не волнуйся, сейчас транспорт вам организуем. Спокойно сядете да уедете по своим делам, – вновь подал голос хорунжий. Ровно так же он обхаживал меня, отправляя на гладиаторские бои в своем чертовом хуторе.

– Мы никого тебе не повредили? – Я лихорадочно пытался сообразить, что же конкретно можно предпринять. Выход из рощи недоступен. Достаточно пары толковых снайперов, чтобы гарантированно нас обездвигить.

Случайность надо было отметить сразу. Просто так наемники появиться здесь не могли. Наверняка выполняют задание, и чье – совершенно понятно. Пазл складывался идеально.

– Да ничего, сочтемся, люди-то русские... – все так же с ленцой отозвался казак.

Ну да, еще бы. Более русских и не сыскать. Прекрасно я все помню.

Я вновь привлек внимание Дилярова. Описал пальцем большой круг и показал дугу, давая понять, что нам следует ожидать обхода. Лейтенант, следует ему отдать должное, послушно обернулся и завертел головой, выбирая, куда же стоит переместиться.

– Что с машинами-то, казак? – наблюдая за Диляровым, вновь спросил я. Перевел взгляд на баллон, прикидывая, как бы его половчее скинуть вниз.

– Сейчас все будет. Не волнуйся, – вновь утешил меня хорунжий.

И не обманул. Действительно, буквально секунду спустя сверху, где находился Овсеенко, раздались автоматные очереди. Слитные, в несколько стволов. Положив автомат, я схватился за баллон, поднимаясь на коленях. Скрываться или играть словами теперь не было никакого смысла.

Сбоку от нас, метрах в десяти, появились сразу несколько фигур атакующих. Диляров, резко перекатившись на бок, открыл по ним огонь. Срезал длинной очередью. И в следующее же мгновение в нас полетели гранаты.

Все это я заметил краем глаза. У меня было свое занятие, наверное, гораздо более увлекательное, нежели игры в войнушку.

Хорошенько размахнувшись, я метнул баллон вниз. Вращаясь, цилиндр улетел по склону, ломая кусты и сшибая ветви. Ухватившись за автомат, я поднял его к плечу, передернул затвор, лихорадочно оглядываясь направо. Черт побери, мне нужна была всего лишь пара секунд, чтобы продырявить всю эту хренову конструкцию, но времени катастрофически не хватало. Поступая абсолютно по уму, казаки, не поднимаясь, из-за скоса холма, просто закидывали нас гранатами. И я прекрасно мог видеть одну из «лимонок»,

плюхнувшуюся в двух шагах от меня.

Резко встав на ноги, я совместил прицел с той точкой, куда направил баллон. Понятно, что мы уходили. Погибали, получается, уже во второй раз. Но даже сейчас мы обязаны были сражаться до конца. Возможно, этой самой парочки убитых или раненых, отравленных, как раз и не хватит казакам для штурма Лебедей.

Периферийным зрением я отметил, как Диляров, извернувшись прямо с земли, прыгнул, напоминая этим своим нелепым движением лягушку. Рухнул на гранату рядом со мной, накрывая ее своим телом. Даря мне те самые драгоценные секунды.

Глухой взрыв раздался одновременно с моими первыми выстрелами. Я сажил в сторону кустов, в видимый мне бок баллона короткими, точными очередями, стоя во весь рост. Совершенно не скрываясь и являя собой, надо думать, отличную мишень.

Впрочем, после первых же попаданий по емкости, которые я заметил внезапно обострившимся взглядом, моя уязвимость перестала иметь решающее значение. Еще через пару секунд вообще все перестало меня волновать. Потому что совсем рядом со мной взорвалась еще одна граната, и накрыть ее было уже некому.

Лебеди

Другие

– Доброе утро лейтенант. Как спалось? – Йозеф Книппель старательно скрывал удовлетворение под маской вежливости. Вероятно, находя удовольствие в данной игре. Ему легко было иронизировать, стоя за ограждением буферной зоны. В то время как лейтенант находился внутри своеобразного вольера.

– Неплохо. – Свиридов прекрасно понимал, отчего и по какому поводу веселится немец. Так уж сложилось, что радость одного собеседника неминуемо вызывала горе другого.

– Что насчет моего предложения?

– Мы работаем над ним. Время до вечера еще есть. – Свиридов, произнося эти слова, уже знал, какая последует за ними реакция. И в своих предположениях не ошибся.

– Давайте не будем заниматься словоблудием. Помните, однажды я был у вас в руках, лейтенант? Вы тогда сказали мне все честно, ничего не скрывая. Так же поступлю и я. Мне нужен ваш мальчишка. Отдайте его немедленно.

Свиридов, демонстративно взглянув на часы, показал циферблат немцу:

– У нас есть время до вечера.

– Я меняю правила, – покачал головой Книппель, – мне нужен он сию же секунду.

– Мы проведем операцию вечером. Я и мои люди. Куда вы торопитесь?

– Этим историям я больше не верю, лейтенант. Вы ведь потеряли связь со своей диверсионной группой, верно? Надо объяснять, что случилось?

– Не стоит, – покачал головой лейтенант, – ради интереса скажите, кто-нибудь из них выжил?

– И не подумаю, – хищно улыбнулся Книппель.

– Я думал, мы партнеры... – изобразил разочарование Свиридов.

– До той поры, пока вы не начали меня обманывать, мы и были партнерами, лейтенант. Нет никакой пользы говорить об этом сейчас. Мне нужен мальчишка!

– Ты чувствуешь себя в безопасности, Йозеф? – Свиридов, прищурившись, посмотрел на немца. – Думаешь, штурм пройдет безболезненно для твоих людей? И для самого тебя?

– Да полно вам! – уверенно усмехнулся Книппель. – Что у вас в кармане, лейтенант? Граната?

Йозеф провел ладонью по сетке, разделяющей его и советского офицера. Развел руками:

– Запал горит несколько секунд. Бросить вы ее не успеете, вас пристрелят моментально. Или ваши мифические снайперы возьмутся за дело? Даже если и так, лейтенант, моя смерть ничего не решит. Я всего лишь пытаюсь дать вам определенный шанс.

– Шанс погибнуть, стоя на коленях? Йозеф, ты знаешь, чего будет стоить вам штурм? – Свиридов оставался непреклонен. Впрочем, лейтенант прекрасно сознавал, что блефует: козырей у него на руках нет. Потеря связи с разведгруппой и осведомленность немца о ее существовании однозначно указывали на провал операции с хранилищем. Других способов надавить на фашистов и отсрочить собственную гибель у разведчиков уже не было.

– Пятнадцать минут, лейтенант. – Книппель, развернувшись, дал понять, что считает разговор законченным.

Нельсон

Честно говоря, я до последнего надеялся, что этого не произойдет. Как-то образуется, что ли... сложится. Или фантастическим образом – бац, и обернется конфеткой.

Хмурый, задумчивый Терехов. Поторапливающий меня Клыков. Не хватало еще, чтобы они помогали мне одеваться.

Завязав штаны, я быстро натянул рубашку. Застегнул ее трясущимися руками, сверху накинул ремень. Не обращая внимания на боль в потревоженной ноге, обулся, как можно быстрее завязывая шнурки. Поднялся со стула.

– Зла не держи, если что. – Терехов, оторвавшись от стенки, которую подпирал, подошел ко мне. Взглянул в глаза. – Все, что могли, сделали. Так уж сложилось, парень. Дальше – сам.

Странное дело, но произнесенные слова я воспринимал как должное. Память услужливо подкинула воспоминания. Декорации менялись с калейдоскопической быстротой. Немцы. Казаки. Плен. Короткая, яркая, как вспышка спички, свобода, и вновь – добровольная сдача.

Пожалуй, он прав. Капитан действительно сделал все, но и этого оказалось маловато.

– Вы победили. И вашей победы мы, какие бы мы ни были, не забудем. И я не забуду все, что произошло.

Терехов ухмыльнулся. Коротко, отстраненно. Как обычно, стараясь дистанцироваться от меня. В отличие от остальных солдат и офицеров, капитан никогда не считал меня своим. Наверное, что-то ему мешало. И даже сейчас, в последние минуты, фактически во время прощания, ничего не изменилось.

– Пора! – позвал меня не настроенный на сантименты Клыков. – Пойдем.

Подав руку Терехову, я ощутил его короткое крепкое рукопожатие...
Повернулся и направился вслед за плечистым сержантом.

Настя, одетая в не виденное мной раньше черное платье, выглядела красиво и печально. Я боялся, что девчонка откажется идти со мной. Однако кто-то из бойцов или офицеров, судя по всему, сумел найти слова, чтобы заставить ее сделать это.

Посмотрев на меня, она отвела в сторону полные слез глаза. Со стороны загородок из колючей проволоки и досок к нам шагал Свиридов. Приблизившись, лейтенант посмотрел на девочку и протянул мне свою ладонь. Я машинально пожал ее в ответ.

– Береги ее. И себя тоже, парень. Больше тут ничего не будет родного для тебя. Запомни это на всю жизнь.

Хотелось сказать что-то в ответ, но слов не было. Одна только мысль крутилась в голове, но она вовсе не подходила для прощания. И тем не менее отделаться от нее я не мог. Мне казалось, что произошедшее – самый логичный вариант из всех иных. По-другому просто и быть не может. Если уж мы с Боном чужие для этого мира, то разведчики и подавно. Нет. Не так.

Они чуждые этому миру. Как заноза в организме, рано или поздно выходящая с гноем. И время избавления от инородного тела настало.

Я бы и рад сказать «лучше бы этого не было». Лучше бы я просто не встречал их. Но не могу. Потому что «это» – было. И, признаться, я горжусь тем, что произошло. Я никогда не забуду никого из них, не забуду то, что взял в руки винтовку и защищал с ней свою жизнь и свободу. Как никогда ранее за все свои двадцать с хвостиком лет.

Я не могу сказать, что прошедшие две недели изменили меня. Нет. Они создали меня. Сделали из меня человека.

Наверное, предстояло еще разобраться в себе. Что-то усвоить, что-то понять. А с чем-то и смириться.

Но было кое-что, что сидело внутри столь же твердо, как та пресловутая заноза. Или хуже – как железный штырь. Я знал наверняка: что бы ни случилось, как бы ни повернулась судьба и куда бы ни швырнула меня, я никогда не сдамся.

Взяв за руку Настю, я потянул ее за собой, направляясь к загороженным колючей проволокой домам.

Другие

Помимо Нельсона и Насти, расположение разведчиков покидали и уголовники. Без лишних слов, с явным облегчением. И лишь один с упорством, заставлявшим усомниться в его здравомыслии, цеплялся за свою легенду.

– Не глупи, капитан, тебе пригодится моя помощь, – Ловкач горячо шептал Терехову, – у вас каждый человек на счету! Дай мне винтовку, родной ты мой, автомат дай!

Терехов ничего не ответил, лишь равнодушно отстранился от уголовника. Свиридов ждал у ворот, и капитану не хотелось подвергать лейтенанта ненужному риску. Отпуская пленных, Терехов не только проявлял милосердие по отношению к ним. Он также выигрывал

время – лишние минуты, остро необходимые для проведения последних приготовлений к обороне. Несомненно: немцы не преминут допросить уголовников по поводу количества русских, их расположения и известных оборонительных рубежей. Ну а Терехов, само собой, позаботился о том, чтобы пленные выдали дезинформацию.

Усилия капитана являлись даже не каплей в море... скорее они были совершенно бесполезны. Терехов понимал, что выжить его отряду не удастся. Но любая мелочь, осложняющая немцам штурм, неминуемо вела к увеличению их потерь.

– Ну хоть гранату дай. Гранату дай мне, я скажу, что у меня сведения важные, попрошусь к генералу ихнему! Слышишь?

– Бегом на выход. Если останешься во дворе, я скоманую открыть огонь, – решительно высказался Терехов и скрылся в доме. Ловкач, разочарованно посмотрев ему вслед, уныло побрел к воротам. Туда, где его нетерпеливо ждали остальные собраты по несчастью.

За опутанными колючей проволокой заграждениями заключенных отфильтровали. Ловкача забрал с собой представительный молодой человек в штатском, а остальных едва ли не разорвали на части командиры разномастных отрядов, нанятых Книппелем. Нет никаких сомнений, что несчастным предстояли длительные и подробные допросы.

– Герр Эйсман, не знаю, что и сказать... – Ловкач, может, и не знал, что сказать, но с действиями, похоже, давно определился. Первым делом он набросился на сигареты, которые молодой человек предусмотрительно выложил на стол. Заключенный живо распечатал пачку, чиркнул зажигалкой, без слов предоставленной собеседником, и с наслаждением сделал первую затяжку.

– Черт возьми, этого мне не хватало. – Ловкач закрыл глаза.

– Операцию вы провели достаточно успешно. Признаться, я, как и многие, не верил в успех этого предприятия. Эйзенбург был крепким орешком. Сейчас от него остались одни руины. Работа комбината парализована, Штайнеру предстоят внушительные траты для того, чтобы вновь запустить его. И это... вряд ли получится. – Молодой человек холодно усмехнулся.

– Я профессионал, герр Эйсман. Как и вы.

Не имело смысла запускать столь сложную и рискованную операцию для того, чтобы в итоге ограничиться всего лишь легкой диверсией. Восстание идеально совпало с финансовыми трудностями консорциума. Маловероятно, что компания Штайнера сумеет изыскать необходимые средства для того, чтобы восстановить предприятия Эйзенбурга.

Ловкач прикончил сигарету в несколько затяжек. С надеждой посмотрел на собеседника. Тот щелчком отправил пачку в руки бывшего заключенного.

– Значит, будем работать. Вы впечатлили нас. Не имеете ничего против еще одного задания?

– Нет, герр Эйсман. Но у меня есть одна просьба. Скажите, есть возможность отменить это все? Я имею в виду штурм. Эти люди могут пригодиться нам в дальнейшей работе...

– Исключено, – покачал головой молодой человек. Заметил как вскинулся Ловкач, собираясь что-то добавить, и повторил: – Исключено.

На окраине Лебедей

Другие

– Прошу, господа! – Безукоризненно одетый официант поклонился, приглашая к столу.

К нам с Настей это приглашение, разумеется, не относилось. Мы стояли в сторонке под бдительной охраной двух военных и смотрели на шикарно накрытый стол, за который усаживались трое немцев.

Высокий, подтянутый, в пошитой по фигуре форме – Йозеф Книппель. Двое гражданских – один нормального телосложения, второй раскормленный, словно свинья на убой. Специалисты и координаторы работ, насколько я понимаю. По крайней мере, толстяк уже совался ко мне с парой вопросов, но Книппель попросил его повременить. Обещал сначала показать замечательное представление, а уж потом заняться делом. Мол, развлечения не могут ждать.

Так что теперь на небольшой пологой возвышенности, с которой открывался вид на Лебедей, я стоял, держа руку Насти, а немцы занимались обедом.

Прекрасно сервированный стол, вышколенный официант. Чистый воздух, прекрасный вид. И на закуску прелестный десерт – шикарное представление. Блюдо, сдобренное кровью и смертью.

– Ваш вкус, Йозеф, всегда был на высоте. – Толстяк выразительно причмокнул, устраиваясь поудобней. Книппель, покачив головой, привлек его внимание, указав вниз, на укрывшуюся в ложбине деревню.

– Сейчас эту часть, занимаемую бандитами, обработают минометы. Затем в атаку пойдут подразделения казаков. И все это на наших глазах!

– Тот отряд наемников, что вы посылали, так и не откликнулся? – Второй гражданский в отличие от толстяка совершенно не спешил к обеду. Напротив, взяв бинокль с края стола, внимательно посмотрел на деревню.

– Нет, к сожалению, – помрачнел Книппель, – после того как они разгромили отряд бандитов и взяли пленных, от них не было ни слуху ни духу. Но я думаю, это всего лишь связь, не более того. Терять столь боеспособный коллектив жаль. Он бы сейчас здесь очень понадобился.

Вздвогнув, я быстро посмотрел на немца. Бандиты, которых они разгромили. Не Бон ли это со своей таинственной группой? Черт возьми, как бы это половчее выяснить? В своего товарища я верил просто на все сто и даже больше процентов. Так что весть, будто эта самая группа захвата пропала без вести, не могла не радовать. Не исключено, что слухи об уничтожении «бандитов» и захвате их в плен несколько преувеличены.

– Со связью огромные проблемы. – Толстяк также взял со стола бинокль и направил его на деревню. – Постоянные перебои. Вчера группа наших изыскателей пропала.

– Верно, верно... – сделав глоток вина, поддержал второй гражданский. – Рации очень ненадежны. Мы потеряли связь со Шплитаром, что уж тут говорить!

Жадно вслушиваясь, я искал подтверждения своему предположению о том, что Бон

сумел избежать ловушки либо вырваться из нее.

– Начинается! – прервал обсуждение Книппель, предлагая полюбоваться выдвинутой на позиции артиллерией. Вокруг шестиствольных минометов суеились бойцы. По команде отбегали в сторону, укрываясь за небольшими брустверами.

– Обратите внимание на часть, занятую бандитами. Именно там будет происходить основное веселье, – подсказал Йозеф.

Издавая истошное «ииии-а», поочередно разрядились минометы. Длинные росчерки трасс вращающихся снарядов промчались по небу, завершая свой путь на территории, окруженной буферными заграждениями. Почти сорокакилограммовые снаряды, соприкасаясь с деревянными строениями и землей, вызывали страшные разрушения.

Поневоле подавшись вперед, все трое немцев затаили дыхание. Даже официант, на время забыв о своих прямых обязанностях, развернулся в сторону творящегося действия. Мы же с Настей, будто окаменев, застыли на своих местах. Мне никогда не доводилось быть под обстрелом, однако того, что я видел собственными глазами, вполне хватало, чтобы понять – происходило нечто ужасное.

По своей разрушительной способности падающие мины были, наверное, вполне сопоставимы с авиабомбами. Дома просаживались, раскалывались на части. Тряпье, сено, фрагменты досок и целые бревна взлетали в воздух. Дыбилась, разбрасываясь жирной черно-зеленой крупой, земля.

Сразу несколько попаданий превратили здание клуба, занимаемое Тереховым и его людьми, в руины. Треснув, сползла крыша со стропил. Вывалился фрагмент стены. Повывлетали окна, кое-где вместе с рамами, превратилось в осколки крепкое и красивое крыльцо.

Постепенно вся территория, подвергавшаяся обстрелу, тонула в дыму. Занимались пожарами отдельные строения – язычки пламени проникали даже сквозь мутную завесь поднятой пыли.

– Завораживает! – Толстяк, так и не притронувшийся к еде, опустил бинокль с выражением легкого разочарования на лице. – Прекрасное зрелище... По крайней мере отсюда. – Плоско пошутив, немец заржал.

– Вам бы следовало увидеть его изнутри. Наверняка там все гораздо интереснее! – обратившись к толстяку, громко сказал я.

Немец удивленно посмотрел на меня, перевел взгляд на Книппеля. Вторым гражданским, нахмурившись, тоже посмотрел на хозяина здешней земли.

– Очень не сдержан на язык, – Книппель, улыбнувшись, виновато развел руками, – но ценный экземпляр. Единственное ценное, что было в этом отряде, господа.

– А она? – Толстяк указал пальцем на Настю.

– Игры взрослых мужчин. Что может понимать в них девчонка, герр Элроуз. Ей следует жить дальше и забыть, как кошмарный сон, все то, что с ней приключилось. Может быть, пансионат...

– Содержание... – понимающе отозвался толстяк.

– Верно, – как-то нехорошо, масляно улыбнулся Книппель, – может, и содержание. Я пока не решил.

– Возможно, решу я... – Немец, скользнув взглядом по Насте, поставил точку в разговоре. На мои слова никто из фашистов не ответил. Судя по всему, общаться с недочеловеком было для них ниже собственного достоинства. А вот обсуждать в моем присутствии судьбу девочки, руку которой я сейчас крепко держал, – запросто.

И я не мог сказать, что им нравится унижать меня или они делают это намеренно. Нет. Для них это было абсолютно нормально. Укладывалось в рамки.

Хорошо, что Настена не понимала немецкий. Поэтому весь наш короткий разговор она простояла на одном месте, всматриваясь в то, что происходило в Лебедах. Лицо ее, будто окаменевшее, было как-то ненормально красиво. Словно лик идеальной, мраморной скульптуры, по щекам которой ползли слезы. Проследив за ее взглядом, я увидел полуразрушенные, горящие дома той части деревни, которую занимали разведчики. Небольшие колонны бойцов в зеленоватой форме – те самые казаки. Они скапливались на улочках, за временными укреплениями, собираясь войти на территорию Терехова для окончательного решения вопроса. Зачистки.

Раздавались команды. Лязгали орудия, ревели грузовики, цепляющие минометы. Перемещались, выслушивая команды, отряды. Царила суэта, наверное, свойственная быстрому наступлению. Однако мне это более напоминало бестолковые приготовления к похоронам.

Я оглянулся на уставленный блюдами стол, за который уселись немцы. Тогда это – поминки. Очень похоже.

В крики, ругань и шум моторов вдруг вплелся какой-то иной звук. Совершенно неожиданный, которому здесь было явно не место. Завертев головой, я постарался определить, откуда он исходит. Похожая на камень Настя повернулась, обжигая меня безразличным, каким-то мертвым взглядом. Посмотрела в ту же сторону, что и я, – за край холма. Странное дело, но, кроме нас, никто ничего не замечал. Немцы лениво трепались за столом, охрана пялилась в сторону Лебедей. И лишь я один чувствовал, как громко колотится у меня сердце, буквально подступая к горлу. Что-то должно было произойти.

С надсадным ревом, перегазовывая, на холм метрах в тридцати от нас вылетел танк. Резко остановился, развернувшись на месте. Четверо бойцов, спрыгнувших с брони, мгновенно вскинули автоматы и взяли на прицел и столик с немцами, и нас с охранниками.

– Бросить всем оружие! – Один из автоматчиков со знакомым по фильмам «ППШ», в мятой, испачканной пылью гимнастерке, выступил вперед, повелительно качнув оружием.

Охрана, выставленная около нас, была настолько поражена, что не успела выполнить приказ. Два дюжих мужика с винтовками стояли, будто кол проглотили, не делая попыток к сопротивлению, но и не подчиняясь сказанному. Расплата наступила мгновенно.

Автоматчик вскинул к плечу оружие и короткой очередью срезал обоих. Перечеркнул строчкой попаданий на уровне груди, заставив охрану в ту же секунду повалиться на землю. Один упал как подкошенный, замертво, а вот второй, повалившись на бок, хрипло застонал, шаря руками по траве.

– Я сказал – всем бросить оружие! – вновь подал голос боец, и я отвлекся от раненого.

Книппель, вскочив из-за стола, тут же торопливо расстегнул и сбросил поясной ремень.

Кобура с пистолетом глухо ударилась о землю. Гражданские, поднявшись на ноги, развели руками, демонстрируя, что у них нет никакого оружия.

Я крепко зажмурился и вновь открыл глаза. Только сейчас до меня дошло, что приказы автоматчик отдает по-русски и на его гимнастерке, на плечах коробились советские зеленые погоны с красными лычками.

Я посмотрел на танк. На башне, с правой стороны, был ясно виден номер, нанесенный белой краской. Рядом с ним красовалась пятиконечная красная звезда. Тот же самый номер был и на передке машины. Ну а сам танк... трудно было не опознать в нем Т-34, с длинной пушкой на восемьдесят пять миллиметров, ставшей симметричным ответом на появление в нашей реальности немецкого «зверинца».

– Кто таков? – Автоматчик наконец-то обратил внимание и на меня.

Сглотнув ком в горле, я оглянулся на пылающие Лебеди и суесящихся казаков. Посмотрел на бойца. И произнес свой универсальный «пароль». Втайне надеясь, что именно он мне и поможет. Вернее – учитывая то, что с минуты на минуту начнется окончательный штурм Лебедей, – не только мне.

– Я из будущего, товарищ сержант. Из будущего, где мы победили.

Вглядевшись в мое лицо, автоматчик совершенно неожиданно согласно кивнул.

– Есть у нас один такой. Будешь вторым.

Меня словно обожгло этим известием. Не веря в свое счастье, я переспросил:

– Есть?! Подождите, как Бон? В порядке?!

– Нормально, – отмахнулся сержант и тут же качнул оружием в сторону стола. – Это кто такие?

– Немцы, – не стал я скрывать, – практически главные тут.

– Это хорошо, – кивнул сержант и махнул рукой вниз, по направлению к Лебедям. – А дела все разворачиваются, стало быть, там?

– Так точно! – сбился я на уставную форму выражения своих мыслей.

Сержант развернулся, посмотрел на командира танка, высунувшегося по пояс из машины и положившего руки на откинутую крышку люка.

– Что скажешь, мазута? – Боец вопросительно вскинул подбородок.

– Делать надо, а не говорить. Карточки заполнять нет времени. Я даю добро. – Произнеся это, командир взглянул вниз, в нутро танка. – Передавай. Атаку начинаем. В направлении на Лебеди. Удар фронтальный.

Закончив с приказаниями, танкист вновь обратился к пехотинцу:

– Заскакивай. Пойдет первый взвод, второй, а мы поддержим. Не свались.

Сержант повелительно махнул своему отделению, а сам, задержавшись на несколько мгновений, прошел двумя длинными очередями Книппеля, гражданских и официанта. Кто-то упал на землю, кто-то, пачкая кровью скатерть, завалился на стол, опрокидывая с него тарелки и графины. Мельком взглянув на результат своей стрельбы, сержант обратился ко мне:

– Вон пистолет, если что. Тылы подойдут. Парень твой в санитарке.

Боец подбежал к танку и запрыгнул на машинное отделение. Бронированный монстр, взревев движком, лихо развернулся почти на месте и, выбрасывая из-под гусениц жирный

чернозем, двинулся вниз с холма.

Штурм тем временем замедлился. Судя по всему, защитники клуба и близлежащих домов все еще были в силах сопротивляться. Продвижение казаков замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Огибая холм, в ложбину на полном ходу влетали тридцатьчетверки с десантом на броне. Кто-то из них останавливался на несколько секунд, и тут же раздавался глухой звук выстрела. Взлетала щепка из кузовов машин, летело железо кабин, переворачивались и бились минометы. Краснозвездные танки, будто бешеные, ворвались на позиции артиллерии, безжалостно давя и круша все на своем пути. Десант, спрыгивая с брони, тут же организовывался в отделения, занимал оборону и выкашивал бестолково мечущихся казаков и немцев.

Некоторые танки останавливались и вели огонь с места, тщательно прореживая улицы от обороняющихся казаков. Другие шли вместе с атакующим десантом, прикрывая его и действуя собственными пулеметами.

Это было не просто избиение или уничтожение противника. Танкисты вместе с пехотой действовали настолько слаженно и грамотно, что я не мог довольно долго подобрать термин. Просто смотрел и даже любовался тем, как поднимают руки казаки и немцы, как на единственный выстрел из дома танкисты отвечают осколочным в окно. Смотрел, пока до меня наконец не дошел смысл происходящего. Пока я не понял, что же сейчас, на моих глазах, творится.

Отпустив руку Насти, я подошел к расстрелянным немцам и, присев у сброшенного пояса, расстегнул кобуру. Вынул тяжелый «вальтер», повертел в руках и снял предохранитель. Без особых раздумий и совершенно без мандража пнул Книппеля. Немец тяжело ворохнулся от моего движения. Будто мертвый.

Поколебавшись пару секунд, я все же выстрелил в Йозефа. Аккурат в голову. Перешагнул через уже гарантированный труп и остановился рядом с гражданским толстяком. Тот, каким-то образом почуяв меня, вдруг извернулся и, нелепо дергаясь, постарался заползти под стол. Я ногой прижал его к земле, прицелился в затылок со складками жира, прикрытыми тонким ежиком волос, зажмурился и нажал на спусковой крючок.

Не так давно меня заставляли делать контроль раненым и павшим. И мне это не нравилось, я безумно хотел избавиться от этой обязанности. Но тогда не нашлось никого другого, и мне пришлось кидать гранаты в кучу искалеченных на минном поле людей. Тогда это было похоже с «добиванием», которого я не выносил в бытность свою в «фирме». Прыгать на павшем противнике, колотить его башкой об асфальт – я был выше этого. И то, чем меня заставлял заниматься Диляров, мне претило.

Почему же сейчас я сам взял в руки оружие для осуществления той же неблагородной затеи? Я могу объяснить. Все просто. Тогда мы были окружены, нам следовало выстраивать отношения с немцами, как-то лавировать.

Теперь же, глядя на уверенные маневры Т-34-85, на отменно действовавших десантников-пехотинцев, я понимал, что все, совершенно все бесповоротно изменилось. Мы не были изгоями, не были кучкой доходяг, неведомо как попавших в какую-то страшную, извращенную реальность. Видя тяжелые бронированные машины, я понимал, что значат слова об обрывах связи, потерях поисковых партий и исчезновении из эфира целых городов.

Это значило одно – грядет Освобождение.

Сейчас, уничтожая оккупантов, я лишь приближал момент окончательного триумфа. Не боролся безнадежно с системой, а целенаправленно сражался в рядах тех, кто всегда и во всем старался защитить мою спину. И создавшуюся систему ценностей, систему рабства и унижения моего народа на моей земле мы были в силах изменить. Теперь все зависело лишь от нас.

Перешагнув через толстяка, я двинулся к следующему гражданскому.

Другие

Симаков шурился и часто встряхивал головой. Порывался встать, чтобы отправиться куда-то, но неизменно падал. Уже дважды оказывался на земле, садился и вновь предпринимал попытку подняться на ноги. Никакие увещевания двоих бойцов-санитаров не помогали. Сержант был упрям.

– Соберись, лейтенант! – Высокому, статному капитану приходилось кричать. Свиридов старательно поворачивался к допрашивающему правым ухом, которое слышало получше, но помогало это мало. Мешали подрывы взрывчатки и боеприпасов, складированных в клубе. Трескотня выстреливающих от жары патронов.

– Слушаю. – Свиридов, переведя взгляд на пытающегося подняться и вновь валящегося на землю, словно деревянная кукла, Симакова, громко ответил капитану. Скорее догадавшись о смысле вопроса, нежели услышав его.

– Всех вывели, лейтенант? Или кто-то еще там остался?

Свиридов вновь огляделся по сторонам. Тягучим, будто бы плавящимся, застывающим и растягивающимся на предметах взглядом. Вяло шевелящийся, в обгоревших лохмотьях Клыков. Санитары колдовали над ним, сдержанно ругаясь, срезая остатки униформы. Мелькали ослепительно-белые бинты и темно-красные участки сгоревшей, отслоившейся плоти. Жиров с Разваловым. Закопченные, в разорванных гимнастерках. Здоровенный сибиряк с обгоревшей и перебинтованной наскоро головой, с красными, обожженными руками.

Всех ли?

Свиридов, медленно повернувшись, посмотрел в сторону деревни. На поднимавшийся в небо костер, бушующий над тем самым местом, где полчаса назад еще стоял ладный, отремонтированный и обжитой клуб. Какая теперь разница, всех или нет? Кто полезет в огонь под разрывы боеприпасов?

– Ну же, лейтенант! – Пехотинец, не выдержав, схватил Свиридова за грудки и встряхнул. Материя гимнастерки тут же треснула. Но ни один, ни другой не обратили на это внимания.

– Сколько здесь? – Лейтенант, так и не совладав с подсчетом тех, кого удалось вывести из пожара, попросил помощи.

– Восемь всего, считая и тебя, – тут же ответил капитан, прекрасно поняв вопрос.

Восемь. Крепко зажмурившись, Свиридов постарался вспомнить. Им не удалось забрать Величко, его завалило почти сразу с началом бомбардировки. Весь верхний этаж и чердак

перестали существовать за пару минут. Почти все получили ранения разной степени тяжести. Терехов выбыл сразу. Еще кто-то. Снайпера потеряли. Точно. В соседнем доме оборудовали точку, с нее никто не вышел.

– Пей. – Капитан, сняв с пояса фляжку, протянул ее лейтенанту. Приставил горлышко к губам, стараясь насильно напоить. Свиридов глотнул раз, другой, отпрянул, закашлявшись. Разбавленный теплый спирт прокатился по пищеводу, и желудок тут же взбунтовался.

Лейтенант, вытерев грязным рукавом мигом заслезившиеся глаза, стукнул кулаком себя по голове. Правой, а затем и левой рукой. Поморщился. Повторил процедуру.

Глухота тем не менее не проходила. Все звуки доносились до Свиридова будто через плотную, толстую вату. С сожалением дернув подбородком, лейтенант громко ответил:

– Не надо искать.

А что искать, коли пулеметное гнездо чуть ли не первым разнесли? А потом верхний этаж раздолбили. Все, кто сам выбраться смог, кого вынесли, тут, на поляне за оградой.

– Держи, лейтенант. – Капитан сунул в руки Свиридова фляжку и, резко поднявшись на ноги, отошел в сторону. Туда, где разоруженных казаков и немцев разводили по двум отдельным группам.

Дело спорилось. Порядка десяти казаков, отделенных от общей массы, были выделены для тушения пожара. Огонь с полыхавших домов грозил перекинуться на остальные строения.

– Прежде чем решать вашу судьбу, я хочу задать вам один вопрос. – Капитан обвел взглядом строй потрясенных и растерянных пленных. Такого поворота событий они явно не ожидали. Намеревались раскатать в блин горстку израненных и обгоревших бойцов. А наткнулись сначала на ожесточенное сопротивление обреченных, а затем познакомились с мощью осколочно-фугасных снарядов тридцатьчетверок. Это просто не укладывалось у них в головах. Точно так же, как не в силах был осознать происходящие изменения гарнизон Старого Оскола. Согласованная атака танков и десанта на броне захватила немцев в казармах. Городок был взят под контроль буквально за полчаса.

– Вот там наши враги. – Капитан коротко кивнул головой на стоявших в стороне немцев различных мастей. Гражданских, обслугу и военных. – Станут ли они вашими врагами, решать вам. Сейчас мне требуются добровольцы. В создавшихся условиях я не намерен брать пленных. Решать придется каждому из вас самостоятельно и только один раз.

Короткое волнение. Непонимание в глазах, переглядывание. Шепот. Вопросы, заданные и тут же повисшие в воздухе. Все это капитан уже видел. Пару дней назад.

Им не нужно давать времени на раздумья. Именно сейчас, под дулами винтовок и автоматов, они должны принять решение, которое раз и навсегда изменит их жизнь. Капитан не единожды оказывался в подобной ситуации. И никогда не изменял себе. Своему долгу.

Летом сорок четвертого он сам и внушительная часть его батальона навсегда остались лежать в припятских болотах. Именно такова будет история, и похоронки со скромным описанием заслуг бойцов, сержантов и офицеров в страшном аду двенадцатичасового боя уйдут к адресатам.

Никто и никогда не узнает, что смертью своей все они заслужили иную, новую жизнь.

Возможно, выжить здесь, не отступить и не сломаться будет труднее, нежели в своем родном мире. Однако совершившим невозможное единожды остается лишь повторить свой подвиг.

Решение сопротивляться было принято капитаном три дня назад. На настоящий момент он действовал полнокровным батальоном при поддержке танковой роты. Пехотный полк и танковый батальон с приданным, наспех сформированным артиллерийским минометным дивизионом атаковали в направлении поселка им. Губкина. Третья группа, формирующаяся из постоянно прибывающих пополнений, развертывалась сейчас в дивизию.

Белые, крашенные в зимний камуфляж танки. Маскировочный зеленый. Громадные ИСы, тяжелые КВ, убойные тридцатьчетверки, вооруженные длинноствольной пушкой, быстрые БТ-7, разведывательные «сорок шестые», юркие бронеавтомобили. Отделения, взводы и даже целые роты, возникающие будто из ниоткуда. Одетые разномастно, приписанные к разным подразделениям и родам войск. Называющие разные даты смерти.

Да. Каждый из них погиб за Родину. И теперь им снова предстояло сражаться за нее.

Причина? Она была ясна как божий день.

Никогда и не при каких обстоятельствах не сдаваться. Не отдавать родной земли. Сражаться за нее до последней капли крови. И те, кто клялся в верности своей Родине, кто погиб за нее, не могли сейчас не прийти на помощь.

Один за другим казаки делали шаг вперед. Выходили, поддаваясь инстинкту, мало понимая, что они сейчас делают, однако прекрасно сознавая, что всего лишь полметра, один-единственный ничтожный шаг сейчас может разделить их. Не на предателей и преданных. А на живых и мертвых.

– Старшина, раздайте винтовки. – Капитан кивнул на сваленное в кучу оружие, несколькими минутами ранее конфискованное у пленных.

– Каждый из вас должен доказать, что его выбор окончательный. Те, кто желает вступить в Красную армию, берут винтовки. Остальные... туда. – Капитан указал рукой на сгрудившихся в толпу немцев. – Я не даю времени на размышление. Те, кто берет оружие в руки, будут сражаться за свою свободу и будущее в рядах Красной армии. Те, у кого не хватает на это смелости, мне не нужны.

Короткое смятение. Раздумья, мысли, отражающиеся в расширенных глазах. Ступор. До того мига, пока самые сообразительные не выловят смысл сказанного. Пока самые смелые не сумеют его усвоить.

– Каков у тебя план действий, капитан? – Лейтенант с подпаленной щекой, в изодранной и сожженной одежде тем не менее сжимал в грязной, испачканной сажей и пеплом руке автомат.

– Дальше? – Капитан безо всякого интереса отвернулся от сорвавшейся с места линейки казаков. Бросаясь на землю, каждый из них старался поднять винтовку, боясь, что его могут заподозрить в нежелании присоединиться к тем, кто сейчас сильнее. Они расталкивали друг друга, цеплялись за ствол и приклад вдвоем, а то и втроем, прекрасно понимая основную суть происходящего. Обладание оружием позволяло показать свою лояльность. Следовательно – выжить. – Ничего необычного, лейтенант... – Капитан взглянул в слегка шальные, мутные глаза собеседника. – Я планирую сражаться с захватчиками. Освободить свою землю. Тебе

ведь это знакомо?

Свиридов не сразу ответил. В голове будто что-то щелкнуло, включаясь, и он наконец-то смог точно назвать цифру своих потерь. Шестеро. Шестерых они оставили в клубе и двух соседних домах наверняка. Величко не сумели вытащить со второго этажа, Развалова и Яковенко там же потеряли, еще в самом начале боя. Бугаев и Илюхин в соседнем доме парой пулеметчиков. Их забросали гранатами и подожгли огнеметом. Захаров – снайпер на чердаке через два строения. Все они остались там. Погибли.

Вместе с Клыковым Свиридов выносил капитана. Терехов был тяжело ранен в самом начале обстрела, и как будут обстоять у него дела, сказать сейчас сложно. Жутко обгорел сам сержант. Все остальные также не обошлись без ран и увечий.

– Сколько мы уничтожили, товарищ капитан? Только сегодня?

– Пятерых, – кивнул согласно, принимая ответ, командир, – и больше десятка тяжелых. Мы не могли раньше. На твоего парня наткнулась разведка. Пока его доставили ко мне, пока мы организовались, пока уяснили маршрут, прошло время.

Это не было извинением. Простой констатацией факта. Но и у Свиридова не было никакой обиды на капитана. Время сожалений еще не пришло. Мало того, оно отодвигалось куда-то очень далеко, в заоблачное будущее. И для многих могло просто-напросто не наступить.

Потому что впереди была война.